Владимир Ефремов
Эдельвейсы для Любаши
Коричневый туман над Днестром

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Современное и зарубежное книгоиздание ещё с 1980-х годов стало пополняться таким типом литературы, как «Oral history», то есть «устные истории». Это тип мемуаров, которые редактированы минимально и нацелены передать речь автора и его тип мышления в абсолютно первичной коммуникативной манере. Мемуары Владимира Николаевича Ефремова содержат своих героев и антигероев, чёткую географическую и хронологическую привязку, при этом они совсем не домыслены художественно – они фотографически контрастны. Читателю же предлагается взглянуть на описываемые события не только с точки зрения оценочной, но и как возможность услышать непростое время с разных ракурсов, с работой для своей души – помнить и чувствовать время.

Содержит нецензурную брань.

- Владимир Ефремов
  -
  -
  - Об авторе
  - Я простым вам скажу языком…
  - В чём сила, брат?
    - О селе родном…
    - Коза Маша
    - Поющие человечки
    - Жук
    - Обида
    - Тимош
    - Прощайте, сандалии
    - Я помню вас!
    - Каскадер
    - Испытание огнем
    - Обновки
    - Ликвидация
    - Школа
    - Антисемит
    - Поиски Хоттабыча
    - Отголоски фашизма
    - Любаша
    - И мы пахали…
    - Горький хлеб
    - В чём сила, брат?

- Котлеты отдельно, мухи отдельно
- Семена коричневых
- Каска-невидимка
- Приключения Дакара
- За веру и верность
- «Фельетон»
- Тарзан
- Украденные праздники…
- Грибной суп и умные собаки
- Три берёзы

- Эдельвейсы для Любаши
  - К новому берегу
  - Засада в горах
  - Особенности национальной рыбалки
  - Декабристы
  - Звери
  - Одногорбый верблюжонок
  - Длинная и трудная дорога в Тургайской степи
  - Подвиг запорожца, или Пять тысяч км. по земле
- Коричневый туман над Днестром
  - Раскинулось море широко…
  - По Сеньке шапка…
  - Урок математики
  - На границе войны и мира
  - Едут в Приднестровье наши казаки
  - На войне, как на войне
  - Кровавые следы оборотней
  - Охота на ведьм
  - До смерти четыре шага
  - Смерть оборотня
  - Зверства карателей
  - Вы свободны!
  - Послесловие
  - Памяти моего друга и соратника Пламенного Патриота Приднестровья Ивана Петровича КИЛЬЧИКА
    - Сусанин
    - Тирасполь
    - Слава казакам!
    - Приднестровье в огне
    - Фашизм девяностых
    - Русская речь
    - Фемида
    - Надежда

- Серп и молот
- Не понравилась графу Советская власть
- Дед Кирюха
- Воскресным днем
- Глинтвейн
- Победитель

Владимир Ефремов
Эдельвейсы для Любаши.
Коричневый туман над Днестром

В оформлении книги использованы фотографии автора.

© Ефремов В. Н., 2017
© Дизайн обложки. Ефремов В. Н., 2017

* * *

Владимир Николаевич Ефремов

Об авторе

В начале девяностых годов прошлого столетия к власти в Молдове пришли ярые националисты и для жителей Приднестровья настали трудные времена. Пришел час выбора – либо отречься от своего рода, своих корней, своего родного языка и стать людьми второго сорта, либо сказать решительное «Нет!» самопровозглашенным «господам», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Владимиру Николаевичу Ефремову с самого начала было все ясно и понятно, поэтому он как истинный патриот своей Родины выбор сделал сразу, без малейших сомнений и колебаний. И вскоре оказался в самой гуще событий. Вместе с другими дубоссарцами в ноябре 1990 года он отражал яростные попытки вооруженного до зубов карательного отряда Молдовы проникнуть в наш город: сначала у полтавского моста, затем в микрорайоне Большой фонтан. А затем, в течение нескольких недель, вместе со своими соратниками он охранял город от возможного вторжения непрошенных гостей с правого берега Днестра.

В.Н. Ефремов одним из первых вступил в территориально-спасательный отряд (ТСО) и был начальником отдела разведки. Бойцы данного формирования охраняли предприятия жизнеобеспечения и общественный порядок в городе. Полицаи к тому времени перестали осуществлять свои функциональные обязанности и не только мешали им в работе, но и всячески их шантажировали, угрожая физической расправой. Однако, несмотря на всякого рода трудности и препятствия, бойцы отряда успешно выполняли возложенные на них обязанности. А Владимир Николаевич как разведчик и как человек, хорошо знающий молдавский язык, часто присутствовал на собраниях местных народнофронтовцев, добывая ценные сведения для своего отряда. Здесь, естественно, не обходилось и без конфликтных ситуаций. Ведь пламенного патриота Приднестровья знали в лицо многие народнофронтовцы и полицаи, присутствовавшие на таких сборищах. Приходилось употреблять и маскировку.

Выполнял Владимир Николаевич и другие поручения. Скупые строчки характеристики гласят: «В.Н. Ефремов образцово выполнял поручения командования ТСО, принимал участие во многих боевых операциях по защите Приднестровской Республики. 13 декабря 1991 года, в самом начале надвигающихся событий, он и боец ТСО М.Б. Кравец одними из первых прибыли на место вероломного нападения полицаев

Молдовы на пост защитников Приднестровья. Несмотря на угрозы полицаев Молдовы, под прицелами их автоматов они вынесли и погрузили в автобус тела рыбницких гвардейцев В.В. Щербатого, А.Н. Патергина и смертельно раненного Ю.И. Цуркана и вывезли их в ЦРБ.

В ночь на первое марта 1992 года В.Н. Ефремов, по поручению руководства города, зачитал в мегафон перед зданием полиции на русском и молдавском языках условия сдачи полицейских Молдовы. На протяжении всего периода боевых действий лейтенант В.Н. Ефремов был начальником разведки ТСО. Знание молдавского языка позволило ему организовать сбор информации из Молдовы. Данные разведки несли в себе ценные сведения и учитывались при разработке операций в штабе обороны города. В середине марта 1992 года В.Н. Ефремов спланировал и вместе с группой бойцов ТСО провел плотный обстрел здания, в котором располагался войсковой штаб противника. Националисты понесли значительные потери. 21 апреля по заданию командира он выехал по густо обстреливаемой противником со стороны Кочиер дороге в укрепленный район ДСО, вывез оттуда и вовремя доставил в ЦРБ тяжелораненного, истекающего кровью бойца Н.С. Вендичанского. 20 июня 1992 года В.Н. Ефремов прикрыл автоматным огнем получившего тяжелое ранение руки П.С. Мокряка, оказал ему помощь и доставил теряющего сознание товарища в медпункт. От начала и до конца боевых действий он с оружием в руках защищал молодую республику. Вместе с другими бойцами ему часто приходилось отражать атаки ОПОНовцев, которые упорно стремились прорвать оборону и ворваться в город».

По словам участников обороны, Владимир Николаевич не прятался за спины других, показывал образцы храбрости и мужества, проявлял инициативу в сложных ситуациях. В перерывах между боями занимался воспитанием личного состава, делился боевым опытом с вновь прибывшими. Он один из немногих защитников, удостоенных медали «За боевые заслуги». Отмечен и другими правительственными наградами: медалью «Защитнику Приднестровья», двумя орденами «Казачья Слава», казачьим крестом «За оборону Приднестровья», медалью «Атаман Платов»

Его, как и некоторых других активных защитников ПМР, враги пытались опорочить, не гнушаясь при этом никакими средствами. Но из всех испытаний он вышел с честью и достоинством.

Многое он сделал и в послевоенное время для развития и становления казачества. По его инициативе был возрожден

курень в селе Дубово, где он был атаманом. Избирался он также атаманом станицы Центральная Дубоссарского казачьего округа.

В настоящее время Владимир Николаевич находится на пенсии по инвалидности (сказалось ранение). Но несмотря на проблемы со здоровьем, принимает активное участие в общественной жизни города и района. Почтенный возраст не мешает ему руководить казаками станицы имени погибшего казака В. Ренгилевич, которые единогласно избирают его своим атаманом. Проводит большую работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, чтобы люди знали правду о прошедших событиях. Чтобы вечно жила в наших сердцах и душах память о героях, павшим в борьбе с жестоким коварным врагом.

И.И. ЗДОРОВЕЦ.

Я простым вам скажу языком…

Современное и зарубежное книгоиздание ещё с 1980-х годов стало пополняться таким, ранее узкоспециализированным, типом литературы, как «Oral history», то есть «устные истории». Это такой тип мемуаров, как правило, которые редактированы минимально и нацелены передать речь автора и его тип мышления, мировосприятия в абсолютно первичной коммуникативной манере. Конечно, авторизация героев в таких повествованиях не отменялась, а потому складывался феномен матрешечной «культуры речи внутри другой культуры речи». Тут есть интерес и филологов, и психологов, и коммуникаторов (т. е. тех, кто в социальной психологии изучает типы связей), но для историков – это всегда интересно. Это было интересно ещё тогда, когда делались попытки разобраться – почему античные герои разных мест Средиземноморья так по-разному разговаривают с одними и теми же богами, так по-разному ценят, например, выход жен на берег моря при встрече мужей, и так по-разному читают знак – пойманную одинокую рыбу.

Мемуарный материал Владимира Николаевича Ефремова интересен во всех этих ипостасях – и своим языком, и как специфическая форма реакций на положение вещей, на социальные взаимоотношения периода ломки «социалистического типа» при формировании национальных и субнациональных сообществ периода перестройки и распада СССР. Интересен и оценочный ряд, на который не скупится сам автор, поскольку этот оценочный ряд передает дух, максимально близкий к пониманию этической нормы «честного человека» 1950–90-х годов.

Как любая книга (и уж материал, достойный изучения), его мемуары содержат своих героев и антигероев, чёткую географическую и хронологическую привязку, при этом они совсем не домыслены художественно – они фотографически контрастны.

Все мемуарщики страдают одним и тем же, и фактически все они признают такое явление, как аберрация сознания. Это смещение явлений в сознании, накладки сознания, разрывы сознания и т. п. Это явление объективное. Материал В.Н. Ефремова ценен тем, что в нём этих аберраций не прослеживается. Возможно, специалисты и найдут что-либо, но для мемуарной литературы – явление это обычное. Стоит напомнить, что, например, в мемуарах Г.К. Жукова таких поправок специалистами вносилось более 400 и, кажется, и

сегодня не могут определиться – что было точнее – восприятие самого Георгия Константиновича или объективная «фотография» ситуации?

В книге В.Н. Ефремова я насчитал более 80 имен, десятки адресов, но самое, пожалуй, ценное – тип взаимоотношений периода этического и морального кризиса (политический кризис – это уже проблема не этой литературы). Тип взаимоотношений между чиновниками, между милицией и народом, между экологическими фигурами, между представителями разных национальностей. Чрезвычайно интересными показались мне и галерея портретов в тюрьмах, как, впрочем, и мотивация действий руководителей силовых структур того времени.

В марте (или в июне?) 2017 года Приднестровская Молдавская республика будет отмечать 25-летие военного конфликта. Плакатный тип воспоминаний, лоск парадов и наград – всё это будет обязательно и это, конечно, хорошо, но… исторически бессмысленно! Это исторически бессмысленно без понимания генезиса личности во время кризиса, без «окопной правды», без документальных следов на грунте народной жизни.

Я рекомендую для издания книжным издательствам материал Владимира Николаевича Ефремова как живое свидетельство, как культурный вклад в историческую память народа Приднестровья. Через 20 лет он будет прочитан уже совсем другими глазами, через 100 – ещё более непредсказуемы оценки его. Но совершенно очевидно – лучше, когда материал и оценки есть, а не тогда, когда память «заасфальтирована» одним официозом.

Читателю же предлагаю взглянуть на описываемые события не только с точки зрения оценочной, но и как возможность услышать непростое время с разных ракурсов, с работой для своей души – помнить и чувствовать время.

С уважением – Григорий СПИЧАК,

член Союза писателей России

В чём сила, брат?

О селе родном…

Мама говорила, что я и мой брат Костя родились на Украине, в Одесской области, в с. Степановка. После освобождения с. Чобручи от фашистов она привезла нас к своим родителям, нашим дедушке Александру и бабушке Наталке. Они жили на русской части села, хотя говорить «русская часть» можно с большой натяжкой (русских тогда в этой части села было две-три семьи, да и то смешанные). Жили в основном украинцы и говорили они практически на одесском диалекте (если быть точнее, на суржике).

Дедушка наш был серьёзным и очень добрым человеком, говорили, что он был когда-то священнослужителем, но сам он об этом не любил вспоминать. Бабушка Наталка была весёлая, неунывающая кубанская казачка, всегда подшучивала надо мной и Костей, всегда напевала казачьи песни. Вот к ним и свалилась наша мама с нами двумя, чтобы дождаться нашего тато с войны, которая была на исходе – дело шло к Победе над фашистами. Всё это я и Костя смутно помним, так как были очень маленькими, чтобы что-то хорошо помнить. Потому и считаем и сейчас село Чобручи своим родным селом, да и свидетельства о рождении на нас оформляли в Слободзейском ЗАГСе.

Тато пришёл с фронта с тяжело раненной рукой и, не долечившись в госпитале, с перевязанной еще рукой, стал работать ездовым в одном из колхозов села. А их (колхозов) было аж четыре или даже пять на одно село. Колхоз Будённого, Ворошилова, Сталина, Ленина, и если не ошибаюсь, Петровского…

Подсобрав денег, тато и мама залезли в долги и купили небольшой саманный, крытый камышом домик на молдавской части села. Вот с начала проживания в этом домике я и стал отчетливо помнить, что происходит в моей жизни.

Наша улица начиналась со стороны Днестра и была напротив пристани паромной переправы, которая давала возможность жителям правого берега прибрежных сёл Бессарабии по воскресениям выезжать на нашу улицу, которая была своеобразным «торговым путём». Дальше пересекали промышленный сад и по полевой дороге они выходили к посёлку Первомайский. И тогда по деревянному мостику через Кучурганский лиман ехали (шли) на Украину и в районе села Кучурганы продавали свои товары на большом для тех времен скотном базаре. А везли туда правобережные жители на каруцах (подводах), запряжённых волами, бочки с вином, овечью брынзу,

вели скот, привязанный к каруцам…

Мы, ребятишки, высыпали на улицу посмотреть на бессарабцев. Одеты они были причудливо, как-то не так, как одевались люди в нашем селе: в безрукавках, сшитых из овечьих шкур, у мужчин на головах высокие кучмы, обуты в постолы. Назад торговцы возвращались ближе к вечеру по тому же маршруту. Если торговля была успешной, люди пели, пританцовывали, шутили, смеялись. Но бывало, что, возвращаясь, мужчины были хмурыми, женщины плакали. Наши жители почему-то шёпотом говорили, что на бессарабцев устроили на обратном пути засаду одесские бандиты и ограбили…

Жителей в селе проживало около пяти с лишним тысяч. Колхозы объединились, и был создан один расширенный колхоз имени Ленина, который, в свою очередь, состоял из нескольких бригад. Первый председатель объединённого колхоза Василатий Иван Демьянович был талантливым руководителем, и в короткий срок колхоз стал одним из лучших в Молдавии и славился на весь Советский Союз своими достижениями.

Село не было обделено умными, талантливыми людьми. Передовой бригадой, которая находилась на острове между Днестром и протокой Днестра Турунчуком, руководил Фома Ильич Талпа. Капитаном парома, перевозившем рабочих на работу и обратно, был дядя Семён Янковский, потерявший ногу в боях с фашистами. Тяжело приходилось в то время инвалидам войны, но они стойко работали на равных со всеми, не требуя послаблений.

Звеньевыми были Василий Никифорович Пержан, Николай Филиппович Ефремов (отец автора). Первый тракторист села был Курбан К.В. Это его трактор и по сей день стоит памятником в Родинском парке…

На наших глазах началось строительство здания дома культуры. После завершения возведения этого уникального и красивейшего очага культуры его первым директором стал активный руководитель нескольких художественных кружков, в том числе и прекрасного духового оркестра, Васьков Фёдор Митрофанович.

Обойти вниманием и то, что в селе было много фронтовиков, прошедших горнило второй мировой войны, нельзя. Вернувшись в родное село, они пахали, сеяли, отстраивали разрушенное войной. Это дядя Тодри Цуркан, дядя Семён Мазур, дядя Петя Вахницкий, учитель географии и истории Иван Иванович Яковлев, Маслов Андрей Саввич – инвалид войны, библиотекарь русской школы № 3 и многие, многие другие.

Более четырёхсот сельчан положили свои жизни на полях

сражений с хитрым, жестоким, коварным врагом всего человечества – фашизмом. Всегда с трепетным волнением приезжаем из отведённых нам Богом и судьбой мест проживания в родное село. Кладём венки и цветы на могилы родителей. Кладбище сильно расширилось и буйно заросло амброзией. Вот недалеко от могилы тато лежит под памятником в полном составе семья Ивана Ивановича Яковлева (вместе с женой тетей Аней и сыном Борисом – одноклассником автора) – учителя и фронтовика. На этом же кладбище недалеко от своего учителя уже лежат и его ученики Николай Федоренко, Люда Кушнир. Грустно, но таковы реалии. Но не всё так мрачно, радует всё новое. Глинобитные дома, крытые камышовыми крышами, уже редкость, вместо них жители построили красивые уютные дома. Родинский парк, стадион, спортзал, магазины, памятник Ленину, многие предприятия, построенные дороги, церковь.

Ну а что колхоз имени Ленина? Разорвали его дети перестройки на паи и в конце года довольствуются крохами от милости тех, кто прибрал к своим загребущим рукам землю народа. Может, люди опять когда-нибудь объединятся?

Жизнь ведь не стоит на месте…

Коза Маша

Детство… У всех оно разное. У одних оно ассоциируется с воспоминаниями о пребывании в летних лагерях Крыма, с купанием в море, с уговорами родителей съесть что-нибудь. В нашей семье, как, впрочем, и в миллионах других, вернувшихся с войны фронтовиков (раненых с истерзанными душами и телами) есть причины вспоминать свое детство менее восторженно.

Постоянное ощущение голода и бурчание в животе направляло мысли думать о еде. И только когда удавалось хоть чем-то поживиться, мы пяти-шестилетние карапузы, играли, как и все дети того страшного послевоенного времени, в войну, выискивали оставшиеся от боев патроны, а если «повезёт», то и снаряд находили. Все найденное мы бросали в костер и с замиранием сердца ждали, когда «бабахнет».

Многих маленьких искателей такого рода приключений можно было увидеть без ноги на маленьких костыликах, без глаза… Мне и моему старшему на два года брату Косте, повезло – мы остались целыми. Отец с мамой увидев, что мы болтаемся без дела, решили пристроить нас хоть каким-то занятием. Заняв по тем временам уйму денег, купили козу.

Польза очевидна: мы при деле, пасем козу, и молочко – хоть не коровье, но все же кое-что в наш скудный рацион питания. Козу, как водится, назвали Машей. Пасли мы ее на берегу Днестра: в других местах власти не разрешали. Кругом колхозные поля гороха, капусты, моркови. Маша удивлялась, почему ее ведут на Днестр, где росли только колючки, когда кругом такое изобилие?

Но бдительный конвой с одной стороны и с другой стороны не позволяли бедной Маше даже голову повернуть в сторону выше упомянутых лакомств. За потраву власти строго взыскивали. Мы, чтобы Маша не соблазнялась, почти бегом проскакивали эти места изобилия. И вот он Днестр. Тогда он нам казался огромным, широким, стремительным и таинственным.

Впереди целый день купания и ловли раков. Горячее солнце спускало с нас за лето по несколько шкур. Наши ноги были покрыты устойчивым слоем цыпок, а так как с обувью они практически не были знакомы, то подошвы ног были как панцирь у черепахи. Из одежды на нас были только сатиновые трусики. Я не помню другой одежды на нас, если трусики можно было назвать одеждой.

В них мы выходили из дома ранней весной и только поздней осенью меня и брата загоняли в дом. Всю зиму коротали в доме

тоже босиком. Мама на земляной пол стелила солому и так было до весны.

Однако вернемся к нашей козе, солнцу, Днестру. Купаться нам было строго запрещено, дабы чада не утонули, но, само собой, кто же выдержит у воды и не искупнется?

Жара. Поныряв у берега, мы выжали воду из трусов, повесили их сушить на кустах, чтобы родители не догадались, что мы нарушили запрет. Придя домой, на вопрос: купались? – нет! – в один голос отвечали я и Костя. Тогда мама приступала к досмотру нашей одежды, то бишь, трусиков и, обнаружив в складках, где вдевается резинка, влагу, давала нам подзатыльников.

На другой день, дабы не повторить ошибки прошлого, мы, сняв трусики, закопали их в песок, воткнули выломанную из куста ветку. Наша коза мирно паслась неподалёку и нам казалось, что она не видит наши хитрости. Вдосталь поныряв, мы вышли из воды, радуясь, что сегодня обойдется без подзатыльников. К нашему удивлению, ветки на месте захороненных трусиков не оказалось, ее довольно далеко жевала Маша, хитро поглядывая в нашу сторону и, как нам показалось, улыбалась.

Вместо того чтобы искать трусики, мы побежали к Маше отнимать ветку, затем вернулись, но второпях и от волнения не могли определить, где это проклятая ветка была воткнута! Нас охватила паника. Уже ничего не соображая, мы копали песок, но, увы, тщетно! Так и не найдя ничего, стали совещаться, как быть?! Как пройти домой по улице села голыми?

– Знаешь, что? – предложил Костя, – давай снимем с козы шкуру, обернемся ею и спокойно пойдем домой. Видимо, в Косте проснулся инстинкт наших далеких, только что ставших на ноги предков, одевавшихся в шкуры животных.

– Жалко ее! – заканючил я, – молоко пропадет! От желания есть в животе забурчало.

– И что дома скажем?

– Скажем – волки напали!

– Ну да-а-а, они нас бы съели.

Я живо представил себе, как волки рвут на части козу, затем берутся за нас, чтобы не оставить свидетелей.

– Мне дедушка говорил, что если волки забираются в чей-то сарай, то всех овец перережут, а берут только по одной, а то, если останется кто живой, расскажет всем.

– Ну, да-а, – почесал затылок Костя и стал поглядывать вокруг и за кусты, как будто волки в самом деле стали окружать двух незадачливых пастухов и козу.

Стало темнеть. Мы, так и не придумав ничего, побежали

вслед за Машей. Она, видно кое-что поняла и рванула быстрым темпом в сторону села. Догнав Машу, я с радостью понял, что позор мне почти что не грозит.

Будучи еще маленьким то, что не следует выставлять на обозрение, Маша закрывала своей спиной. Костя был на два года старше меня и, соответственно, повыше, ему пришлось идти на полусогнутых ногах, гусиным шагом, как сейчас говорят. Пока дошли до села, почти стемнело, тут назло вышла полная луна, которая освещала наше странное трио: козу и двух голых оболтусов. На лавочках сидели тетушки, освободившиеся от вечерних хлопот и лузгающие семечки. Мне и Косте приходилось то и дело проскакивать с одного бока козы на другой.

От каждой лавочки нам в след неслись реплики: – Боже! Чьи эти голые дети с козой? – Может, их ограбили?

Не выдержав позора, мы погнали козу домой вскачь, уже не таясь. Заскочив в калитку, увидели отца и маму с вопросительными взглядами. Волки! – закричали мы в один голос, и завыли почище воображаемых волков. Вместо порки отцу и маме пришлось нас успокаивать. Мы получили по большому куску хлеба и по кружке молока, и я подумал: «Как хорошо, что мы не сняли шкуру с Маши».

Поющие человечки

Как-то осенью, ближе к концу сентября, отец привез на каруце мешок травы. Причина такого внимания отца к козе была в том, что на нас часто поступали жалобы от сторожей садов и полей. Конечно же, нас интересовали груши, арбузы, но мы отцу не признавались. Говорили, что нас с кем-то путают. Поверил нам отец или нет, не знаю, но на всякий случай оставил нас дома вместе с козой и кормом для нее.

Мы сначала обследовали двор, затем огород, в котором мы, кстати, должны были собрать по десять кустов картошки, заранее выкопанной для нас отцом. Не обнаружив ничего представляющего для нас интерес, решили расширить географию своих исследований. Дело в том, что в дом (в Молдавии), где мы жили, отец и мама привезли нас из Украины, где мы родились. Отсюда у нас и появился интерес к исследованию и прилегающих к нашему дому и огороду границ.

За красиво сплетенным из камыша и папуры забором мы увидели полное изобилие. Там на ухоженных кустах рос спелый, крупный столовый виноград, арбузы и дыни. Дальше я буду писать не «я и Костя» а, наоборот – «Костя и я», чтобы вы не подумали, что мне принадлежит честь всех начинаний и вредных, по мнению взрослых, инициатив. Так вот, Костя и я, если на то пошло, не устояли перед соблазном. Взяв дома кухонный нож (заметьте Костя), вырезал маленькую, как нам казалось, дырочку в камышовом заборе. Опять же Костя пролез в соседний огород и стал срезать в разных местах виноград, чтобы не так заметно было. Затем дело дошло до арбузов и дынь. Все это он передавал мне. Попировав на славу, мы закопали остатки, вернее отходы пиршества: семена, коркиарбузов и дынь в лунки выбранного нами картофеля. Пресытившись от запретных плодов сада доброй тетушки Татьяны, было решено на достигнутых исследованиях и результатах не останавливаться.

Изрядно расширили дыру в заборе по причине того, что у нас животы несколько увеличились, и можно было легко застрять. Костя пошел к сарайчику, в котором хранился разный хлам. Среди всего этого добра был старый патефон. Костя сказал мне об этом, и мы решили разобрать патефон, чтобы выпустить оттуда поющих человечков, а то они умрут там от голода, если их не освободить. Взяв отцовские клещи, вместо отвертки нож, мы раскурочили патефон на мелкие части. Так и не обнаружив никого, мы зарыли остатки патефона в кучу старых вещей. Видно, хор имени Пятницкого (так было написано на некоторых

пластинках) не стал дожидаться, когда мы их освободим, и каким-то образом покинул патефон.

Вечером с работы пришли усталые родители.

– Ну, как? Дома лучше, чем бегать за козой целый день?

– Да, конечно! Ты, тато, принеси и на завтра мешок травы.

– Ладно, принесу, и как мы до этого раньше не додумались? Все равно, кошу же я лошадям. Он работал в колхозе ездовым.

– А картошку, что я выкопал, собрали?

– Ну да, конечно!

– Молодцы, пожалуй, это первый вечер не за что вас ругать. Пойдемте, я посмотрю пару лунок.

Понятное дело, эта пара лунок оказались теми, в которые мы закопали остатки пиршества. Что было дальше, вы, дорогие читатели, если будут таковые, догадаетесь сами…

Жук

Был конец ноября, но осень не спешила сдаваться зиме. Было довольно-таки тепло для этого времени года. Я гулял по двору, изнывая от безделья. И вдруг, о чудо! На земле валялась деревянная прищепка. Видимо мама обронила, когда собирала белье, которое сушилось на специально для этого натянутой проволоке.

Схватив прищепку, я думал, куда же ее применить. Мой взгляд остановился на нашей собаке, которая выжидательно смотрела на меня. Собаку звали Жук. Сначала я попробовал прищепку у себя на ухе. Ничего, нормально. Затем прицепил на ухо Жука. Конечно он был не в восторге, но стерпел. Сняв с уха собаки прищепку, я попытался ею прищемить нос собаке. Жук это не оценил – он лапами сшиб меня и укусил за лицо.

В окно за моими фокусами наблюдали тато и какой-то пришедший в гости мужчина. Когда Жук укусил меня, они выскочили во двор и оттащили его за цепь от меня. Я орал от испуга и боли: лицо мне Жук успел прищемить изрядно. Помню, что Жука тато не наказал – не за что было…

Обида

Впереди была долгая и скучная зима. В ту пору не было ни света, ни телевизора. Радио было. На стене висела черная, как ее тогда называли, тарелка. Человечков поющих и говорящих мы оттуда вытаскивать не стали: в случае с патефоном отец объяснил нам, где раки зимуют, то бишь, человечки. Черная тарелка говорила и пела, но на наши вопросы: «Который час?» или «Скоро ли мама придет?» не отвечала. И вроде с опаской поглядывала на нас. Тогда мы с этими вопросами обращались прямо к маме, то есть, к ее фотографии в рамке. Но мама только улыбалась.

После того как отец привез целый воз ивовых прутьев, он сдал лошадей и каруцу на конюшню. Зимой в колхозе возить нечего. Теперь наш тато будет всю зиму плести корзины для будущего урожая. Плел в доме на полу в комнате, где коротали на печке зиму Костя и я. За каждую корзину платили по десять рублей, это еще сталинскими. Несмотря на раненую руку, тато плел довольно ловко и быстро. Мы приставали к нему: «Тато, расскажи о войне!»

Он долго отмалчивался, потом рассказал нам, как в первые дни войны с фашистами попал в плен в районе Винницы. Лагерь, где держали советских солдат, был окружен колючей проволокой. Ни еды, ни воды. Кое-что перепадало, что приносили сердобольные женщины. Подобревшие от успехов на фронтах, немцы стали отпускать пленных. В первую очередь, отпустили прибалтов, затем тех, за кого поручались местные жители. Нашлись добрые люди и выручили нашего тато и еще одного его односельчанина.

Решили добираться домой в родное село Чобручи к родителям. До Красных Окон шли днем, немцы не трогали, так как сами отпустили. Дальше пошла зона владений румынских захватчиков. Они с подозрением посматривали на отца и его товарища и спрашивали друг друга, конечно же, по-румынски: «Смотри, Ион! Что это за Вояки? Почему в советской форме?» Остановив отца и его напарника, румыны велели снять форму и сапоги, оставили их в грязном нательном белье и босыми. Домой шли уже только ночами: стыдно было так идти. Рассказывал нам это отец, а у самого иногда катилась по впалой щеке скупая слеза: обидно было. Так до самой смерти не смог наш тато забыть этот случай с ним на войне, так и не простил румынам обиды.

Тимош

Через четыре дома от нашего, на углу улицы, в землянке со своей мамой жил мальчик нашего возраста Тимош. С Тимошей мы обращались в основном только жестами – по-русски он знал только одно слово: «Нету!» На любое обращение к нему на русском языке он разводил руками и отвечал: «Нету!»

Мы с Костей уже могли говорить немного по-молдавски изъяснялись с Тимошей довольно сносно. Справедливости ради надо сказать, что и наш русский больше похож был на диалект одесситов. Оно и понятно: мы родились в Одесской области.

Увидев нас в обновках, Тимош поцокал языком, затем достал какую-то жесть и пригласил нас следовать за ним. Привел он нас к колхозному погребу, который был пустым и почему-то не использовался. Вход был высоким и оштукатурен цементным раствором. Тимош вскарабкался наверх, подложил под себя кусок жести и заскользил вниз. Следующим был Костя, он попросил у Тимоши жесть. «Нету!» – ответил Тимош. Сначала Костя заметил у меня, потом я у него торчащие лохмотья из только что пошитых новых штанишек.

Поняв, что Тимоша намеренно привел нас к погребу, мы решили ему тоже напакостить: стали кататься на дверях погреба по очереди, а Тимоше не давали. Когда он сильно загорелся, дали и ему, якобы с большой неохотой. Уцепившись за верх двери, Тимоша стал раскачивать двери на петлях и кататься. Костя и я подошли поближе и вместе с силой толкнули дверь. Дверь закрылась и сильно прищемила Тимоше пальцы одной руки – другую он успел убрать. Пальцы тут же посинели и стали вздуваться, от боли он даже кричать не мог, только зевал, как рыба, и катался по земле. Затем вскочил и прыжками умчался домой, забыв свою жестянку. На ней, как на законном трофее, мы накатались вдоволь, скатываясь с уклона погреба. Затем убежали на Днестр.

Прощайте, сандалии

На берегу Днестра мы бережно сняли новые сандалии, чтобы не замочить их, и поставили в ряд недалеко от уреза воды. Бродили по колено в воде и ждали, когда пройдет рейсовый теплоход «Латвия», чтобы полюбоваться волнами, которые тянутся за ним. И вот уже слышна сирена далеко за излучиной реки. Сигнал давался для того, чтобы паромщик опустил на дно трос? с помощью которого паром передвигался с одного берега на другой.

Открыв рты, Костя и я ждали, когда теплоход поравняется с нами, чтобы помахать ему руками. И вот теплоход поравнялся с нами, мы машем руками, кричим, чтобы нас забрали на теплоход. На берег стали накатываться, как нам тогда казалось, большие волны. Они подхватили наши сандалии и понесли их по течению. Костя, как был в почти уже не новой одежде, прыгнул в воду спасать обувь. Подхватил сандалии, которые были на плаву, и довольный выскочил на берег. Я заплакал – мои безнадежно ушли на дно, и их унесло вниз по течению. Но каково было удивление и огорчение Кости, когда он разглядел у себя в руках один сандаль мой, другой – его. Тут я немного повеселел: значит, драть будут обоих. Одному скучно получать взбучку. Куда как веселее вдвоем, хотя «веселье» сомнительное.

Когда мы пришли домой, было так же, как и в случае с человечками из патефона и арбузами. Сначала нас выдрала мама, затем повторил позже пришедший с работы отец. Сейчас уже, в зрелом возрасте, при редких встречах вспоминаем наши детские «забавы», и как нас часто драли за это, то смеемся от души. А в то время было не до смеха.

Я помню вас!

Судьба наших сандалий чуть было не постигла меня. Где-то через месяц немного подзабылась история с новыми штанишками и сандалиями. Костя и я опять очутились на берегу Днестра, несмотря на строжайший запрет. Чем нас только не пугали: акулой, зашедшей с Черного моря в Днестр, крокодилами, удавами. Нас тянуло на берег как магнитом.

Было очень жарко, и я искупаться не мог, так как не умел плавать, и мы находились в районе парома, где были крутые берега. Костя умел плавать достаточно хорошо и пошел прыгать с ребятами в воду с парома. Наблюдая за купающимися, я сидел на берегу и изнывал от жары и зависти. Перейдя к запасной пристани для парома, решил намочить хотя бы ноги. Сунул сначала правую ногу в воду, затем хотел опустить и левую, и вдруг мне показалось, что какая-то непонятная сила потянула к себе в воду. Через несколько секунд над моей головой сомкнулась вода, и меня понесло вниз по течению. Глаза мои были еще открыты. Глядя вверх, я видел радужные, завораживающие россыпи оранжевых огней. Последние мои мысли как бы убаюкивая меня, говорили: «Не бойся, умирать не страшно!» Я потерял сознание.

Очнулся в лодке, привязанной за бакен. Двое мужчин откачивали меня. Из меня обильно выливалась вода вперемешку с вишней, которой, перед тем как идти на реку, мы набили животы. Оказалось, с проходящего теплохода «Латвия» вахтенный увидел, что я то выныриваю, то ухожу под воду, и доложил капитану. Последовала команда «Человек за бортом!» Стремительно была спущена шлюпка на воду с двумя матросами в ней.

Перехватили они меня, как потом оказалось, недалеко от взорванной плотины. В том месте Днестр делится на два рукава, один из них называется Турунчук. Попади я в обломки бетона и камней, от меня ничего не осталось бы. В кают-компании, куда меня перенесли из лодки, находились капитан и мой отец. Капитан теплохода строго говорил отцу: «Вы, Николай Филиппович, за ним получше смотрите! А то заберем его и увезем в Одессу. Вырастет, моряком станет!».

Отец ничего не говорил, только слезы лились из его глаз. В дальнейшей моей судьбе теплоход «Латвия» и его команда сыграли большую, а вернее, даже главную роль. Впереди у меня было речное училище г. Новосибирска, диплом техника-судоводителя, работа моряком, загранплавания. Я всю жизнь благодарен команде теплохода «Латвия» за то, что, рискуя

попасть в обломки плотины, спасли меня, за то, что дали главный ориентир жизни – профессию моряка. Спасибо вам, мужественные люди, и низкий поклон. Я помню Вас!

Каскадер

Два года назад родители нашли Витюшу в капусте на поле, где они работали, а Косте и мне сказали, что он наш братик. После ухода мамы и тато на работу Костя и я должны были разбудить Витюшу и отвести, или отнести его (это уж как получится) в садик. Для того, чтобы разбудить это найденное в капусте создание, Косте и мне приходилось прикладывать немало усилий. Он не хотел ни вставать, ни тем более идти в садик. Вцепившись в одеяло мертвой хваткой, Витюша отбивался от нас ногами, кусался, орал, не слушая сказочные меню, которые мы сами сочиняли и его якобы должны были целый день в садике кормить. Наконец эта возня нам надоедала и, схватив Витюшу вместе с одеялом, мы тащили это орущее, извивающиеся, найденное в капусте на наши головы чудовище в садик.

Костя уже ходил в первый класс и бежал в школу. Я оставался дома один и очень завидовал Косте. Заметив мои страдания, родители пообещали отдать и меня осенью в школу, несмотря на то, что мне к осени исполнялось только семь лет. Ну, а пока до школы, предела моих мечтаний, впереди были май и три месяца лета.

За это время произошло немало событий. Я научился плавать, Днестр переплывал туда и назад без боязни. В воде чувствовал себя лучше, чем на суше. И однажды, когда Костя и я ловили раков ниже взорванной плотины на Турунчуке, мне в голову пришла идея проплыть через водопад. Незаметно ускользнув из поля зрения Кости, я пошел к месту, где когда-то меня, тонущего, выловили моряки теплохода «Латвия». И если они меня выловили, чтобы я не попал в водоворот, то теперь я сам стремился попасть в это бушующее огромными волнами месиво воды и больших глыб из гранита и бетона.

Мне стало страшно, но остановиться я уже не мог. Жаль, что никто не видел, какой я «герой». Но ничего, зато и некому отговаривать меня от этой безумной, практически смертельной затеи. И вот я плыву, уже на гребнях волн, меня стремительно несет вниз, закружило в водовороте, поплыл к берегу и вышел в том месте, где Костя проверял раколовки. Увидев меня, вышедшего из бушующей воды, он никак не мог поверить своим глазам. Потом этот фокус я повторил еще два раза. Не знаю, проплывал ли кто-нибудь еще до меня. На лодке было, но туристы-смельчаки перевернулись, потеряли все имущество и мотор. Так в свои неполные семь лет я стал каскадером.

Испытание огнем

Испытания водными процедурами закончились для меня благополучно. Впереди меня ожидало страшное испытание огнем.

Однажды утащив Витюшу в садик, мы уже не теряли время, брали его в охапку и вместе с одеялом сдавали нянечке. Он и в садике не расставался со своим одеялом. Возможно одеяло напоминало ему капустный лист, с которым Витюша сроднился, пока его не нашли родители. При любой попытке отобрать у него одеяло, он поднимал такой визг, что от него отступались. Кстати, этим он приобрел привилегию не спать после обеда. Никто не решался уложить его в чистую постель и укрыть грязным, пыльным одеялом, которое он тащил за собой по двору садика целый день.

Как только закрывалась калитка садика перед ревущим Витюшей, мы облегченно вздыхали и спешили домой. Косте надо было идти в школу, ему до каникул оставалось три дня. Мне дома надо было присматривать за квочкой с цыплятами. Проходя мимо задворков детского дома для детей, чьи родители погибли на войне, наше внимание привлекла большая куча золы, которую выгребли и выбросили перед новой закладкой в плиты дров и угля, для приготовления еды детям. Костя подошел и с краю по щиколотки босых ног зашел в золу и сказал мне, что зола теплая и можно погреть ноги.

Утро было прохладным. Я решил погреться основательно и с разгона прыгнул в кучу золы по колени и тут же пулей выскочил и на огромной скорости с ревом побежал домой. Оказалось, под золой еще горел уголь. Пока я бежал с моих ног шкура летела в разные стороны. Костя меня догнать не мог, а я, не добежав до своего дома, упал. На мои вопли выскочила тетя Саша Пономаренко, мать большого семейства музыкантов. Увидев мои ноги, она схватила меня в охапку и потащила к себе во двор лечить. Налила в таз теплой воды и добавив туда соли опустила мои ноги в теплую и соленую воду. Тут я взвыл пуще прежнего, вырвался из цепких рук тети Саши и с воем на одной ноте помчался домой на остатках ног.

Мамы дома не было, хорошо, подоспел запыхавшийся от бега за мной Костя. Я закричал: «Воды! Принеси холодной воды!» Костя сбегал к колодцу и принес ведро ледяной воды. Я не стал дожидаться тазика. Всунул то, что осталось от моих ног, прямо в ведро.

С перепугу Костя от греха подальше убежал в школу, забыв при этом дома портфель. Потом оказалось, что вместо портфеля

по рассеянности своей он схватил раколовки, удочку и, с горя по поводу случившегося со мной, вместо школы побежал на реку.

Вскоре пришла мама на обед и увидела удручающую картину – меня с облезлыми ногами в ведре с водой и беспрерывно воющим, квочку с цыплятами, хозяйничавших в рассаде помидор на грядках огорода.

Благодаря стараниям мамы мои ноги стали подживать. Вскоре я стал потихоньку ходить по двору.

В августе умерла бабушка Матрена, мне тоже хотелось проводить ее до кладбища. Ходил я еще слабовато, опираясь на палку, и Костя никак не соглашался меня сопровождать. Наконец мама прикрикнула на него, и он, ворча на меня, согласился. Когда зашли на улицу, где жили бабушка и дедушка, невысоко над нами пролетал самолет «кукурузник», тогда так их называли. Летчик был в шлеме, очках и рукавицах, и смотрел вниз на село. Мы помахали ему руками, он тоже, приветствуя нас, поднял кулак, одетый в перчатку.

«Бежим! – закричал Костя, – Он сейчас бомбить начнет!» И ломанулся в калитку чьего-то двора. Я заковылял за ним, не обращая внимания на собаку, рвущуюся с цепи. Залезли в дровяной сарай и стали пережидать предполагаемую бомбежку. Самолет давно улетел, видно посчитав нас очень маленьким объектом для бомбежки, а я и Костя тряслись от страха в сарае. После похорон бабушки, угадайте, куда нас понесло? Правильно, на Днестр…

Обновки

Весну мы ждали с нетерпением. Когда за день стаивал лед на стеклах крохотного окошка, вставленного освещать печь, Костя и я тоже помогали весне – слизывали лед языками. И вот он, долгожданный день! Нас выпускают во двор, но уже не в трусиках и босиком. На заработанные отцом от плетения корзин деньги нам пошили штанишки с помочами и разрезами сзади (на аварийный случай), купили рубашки и сандалии.

Подбежав к сараю, мы с удивлением обнаружили, что ни козы, ни предполагаемых козлят там не было.

– Тато! А где наша коза?

– Не знаю, должно быть, волки нашли ее по следам и съели, – усмехнувшись, сказал тато.

– Скажите спасибо, что до вас не добрались, – намекнул он на тот случай, когда мы без трусов вернулись домой.

Мы переглянулись, вспомнили подозрительные шорохи, поскребывания за окошком, притихли.

– Ладно, не горюйте, никто ее не съел. Мы с мамой козу продали. Подкопим еще денег и купим корову. Повеселев, мы тут же забыли козу и стали придумывать еще не купленной корове имя. Перебрав изрядное количество имен, решили назвать корову Майей.

Ликвидация

Ноябрь… На улице и во дворе грязь, слякоть. Уходя на работу, мама закрыла на замок горницу, где находились сундук и кое-какие другие вещи, которые Косте и мне не доверялись. Закрыла входную дверь дома также на замок, но замок значительно солиднее, чем на дверях горницы, и ушла на работу. Мы маялись без дела взаперти, и не могли придумать чем бы заняться (игрушек у нас не было, даже деревянных). Какие там игрушки после войны! Несколько пустых автоматных гильз, да пара снарядных осколков. Да и то приходилось это прятать от родителей. Косте удалось выдернуть из стены вбитый гвоздь, поковырявшись в замке, висевшем на дверях горницы, он открыл его. Мы вошли. Конечно же наше внимание привлек сундук, обычный и привычный предмет роскоши, в то время практически в каждом доме. Сундук не был закрыт на замок, и мы без труда подняли его крышку.

В нем находились вышитые полотенца, нитки разного цвета и много разной мелочи. Нас заинтересовали больше всего конфеты «Золотой ключик». Набив карманы конфетами, мы хотели было выйти, но тут мы увидели небольшой сервант, слепленный из глины и прилепленный к стене, его полки были пусты, только на верхней, довольно высоко для нашего роста, лежала какая-то тетрадь и металлическая коробка.

Тут нашего Костю понесло:

– А ты знаешь, что наш тато никакой ни сержант, он капитан-разведчик. Если не веришь, то давай достанем тетрадь, там все написано. Он (тато) просто не хотел, чтобы все знали.

Верхняя полка была все же довольно высоко. Стульев, да и вообще мебели никакой в доме не было. Вдоль стен стояли лавки, широкие доски, прибитые к вбитым в землю кольям. Гостей, если приходили, рассаживали на эти лавки. Стол был (без стола никак), стоял он под иконой, вот и вся мебель. Покрутив головой, Костя не нашел ничего подходящего, чтобы стать и дотянуться до верхней полки. Решил использовать меня вместо лестницы. А кого же ещё? Других в доме не наблюдалось.

– Нагнись! – сказал Костя.

Я нагнулся, и он ловко вскарабкался мне ногами на плечи. Я, насколько у меня получилось, выпрямился.

Он достал тетрадь и коробку, приказал мне нагнуться, чтобы слезть. Положив добычу на стол, мы, в первую очередь, открыли коробку, в ней тато, оказывается, хранил свои награды. Вдоволь налюбовавшись наградами и примеряя по очереди их на себе,

ходили строевым шагом по горнице орали «Хенде хох»! и «Гитлер капут!», пока не охрипли. Затем мы стали изучать записи в тетради. Так как я читать еще не умел, да и Костя не был большим грамотеем, вздохнув, отложили тетрадь.

Похоже тато записывал рацион выдачи овса лошадям, ни о какой разведке и речи быть не могло. Знаменитые разведчики Великой Отечественной Войны: Николай Кузнецов, Иван Кудря и даже Рихард Зорге не были знакомы с нашим тато. Мы сложили награды в коробку, при этом Костя припрятал у себя гвардейский знак, думая, что я ничего не замечаю. Вернуть на место взятое для изучения Костя попытался воспользоваться тем же трюком, что и вначале.

Но силы я подрастерял, усердно маршируя и выкрикивая антифашисткие лозунги. Ему и в голову не приходило поднять на своих плечах меня, к тому же я был на треть полегче чем он. Вскарабкался Костя опять на мои плечи ногами, я стал выпрямляться и тут силы покинули меня, мои коленки задрожали, подогнулись и я упал на пол, как загнанная нерадивым седоком лошадь. Костя зацепился обеими руками за полку, повисел немного и рухнул вместе с глиняным строением рук человеческих, так же, как и я, на пол, а куда же еще!

Куски глины, деревянные полки, пыль – все это попало на нас, двух незадачливых исследователей. Ну что ж, семь бед – один ответ, – решил Костя на правах старшего. Отряхнули мы с себя куски глины, застрявшие где только можно было, пыль, то есть на ушах, в самих ушах, на голове в одежде, подняли из-под груды ликвидированного нами вчистую хлипкого строения рук человеческих тетрадь, коробку с наградами и положили аккуратно на стол.

А дальше больше – у нас созрел план побега из закрытого на замок дома.

В комнате, где нас оставила мама, было и окошко, которое смотрело в сарай. Одевшись, мы кое как протиснулись в него, помогая друг другу, вышли в сарай, затем в незапертые двери сарая, и подались на улицу в сторону магазина. В магазине конечно нас никто не ждал, да и денег у нас на покупки, само собой, и в помине не было. Недалеко от магазина, в одном из дворов, мы увидели похороны.

– Интересно кто умер, давай посмотрим!

Старший брат сказал: «Значит так тому и быть». Хоть я и боялся покойников, но куда денешься, не послушаешься, получишь затрещину, пришлось идти. Во дворе стоял гроб, в гробу лежала покойница, старая бабушка. Вокруг гроба ходил батюшка, который помахивал кадилом, отпевал ее. Вдруг мне

показалось, а может так оно и было, покойница открыла глаза, поглядела и опять закрыла (потом Костя утверждал, что так оно и было).

Батюшка продолжал отпевать покойницу, а мы стремглав, мимо магазина бежали к базару. Прибежав к базару, мы увидели, что там все же намного веселее, чем на похоронах. Главное, здесь вертелось небольшое деревянное колесо обозрения. (Кто не поверил, что деревянное, советую обратиться к истории этого рода развлечений). Ага! Поверили! И на том спасибо! Ну а Костя и я, открыв рты, смотрели на это чудо и на катавшихся счастливчиков.

А уж как нам хотелось покататься… Да кто же позволит, откуда деньги у нас на мероприятие. Вдруг Костю что-то осенило.

– Стой здесь, а я пойду попрошу хозяина, может разрешит нам покататься бесплатно.

Поговорив с мужчиной цыганской внешности, Костя стал усаживаться в кресло колеса обозрения. Когда я подбегал к нему, он уже поднимался вверх и успел крикнуть: «Он разрешил только мне одному!». Это потом, спустя время, я понял, что за свое удовольствие он отдал гвардейский знак.

Ну а пока… Пока я с завистью наблюдал, как Костя катается. Вдруг в колесе что-то хрустнуло и оно, накренившись на бок, остановилось. Все! Колесо заклинило. Но самое интересное, что наш авантюрист Костя застрял на самом верху, это меня сильно не опечалило. «Так тебе и надо обманщик!» – в душе злорадствовал я. Постепенно колесо стало пустеть, так как было невысоким и многие смогли спуститься на землю самостоятельно, но только не Костя, он застрял, как нарочно (Бог шельму метит), на самом верху.

Беспомощно и тоскливо он смотрел вниз и терпеливо ждал, когда его освободят из плена. Мне тоже пришлось ждать, а куда денешься, дома где нами было ликвидировано старинное творение рук человека, нас ожидала приличная порка, очень приличная. Мне одному отдуваться? Нет, дождусь-ка я лучше Костю. Мне сильно захотелось есть. Подняв в очередной раз глаза к Косте, я увидел, что он что-то жуёт. Тут я вспомнил: да у меня в кармане конфеты, взятые из сундука! В общем, жуем конфеты, Костя вверху, я внизу.

Только через пару часов, если не больше, починили рабочие колесо и освободили Костю. И что дальше, спросите Вы… Что-что… Домой мы не сильно-то и спешили, там после устроенного нами погрома, плюс побег… Дело окончилось хорошей поркой, ну очень хорошей… А подвела нас наша «аккуратность» – не положи на стол коробку и тетрадь, может быть, и было бы нам зачтено

наше бормотание (не знаем, само все свалилось, землетрясение…), не убедило родителей, улики нашего лихого набега на горницу, игнорируя замок, лежали на столе.

P.S. Не берите, дети, с нас пример, не поступайте так как Костя и я. Слушайтесь своих родителей и все у вас будет хорошо!

Школа

Приближался сентябрь. Я хвалился всем, что тоже пойду в школу и научусь писать и читать. И вот наконец первое сентября, меня с трудом отмыли, приодели, дали в руки пошитую тряпочную сумку для книг (книги выдавали в школе) и босиком отправили в школу. Костя сдал меня учительнице первого класса Анне Ивановне, а сам убежал в свой класс. Русская школа № 3 семилетка, низенькое, приземистое, построенное до войны здание. За партой, к которой меня подвела Анна Ивановна, сидела девочка, по годам похожая на пятиклассницу. Я стал упираться, не хотел сидеть с девочкой, к тому же такой великовозрастной. Она смотрела на меня, как кошка на цыпленка. Кое-как затолкав меня к Люсе за парту, учительница дала мне букварь, карандаш и тетрадь.

Через несколько дней я настолько охладел к учебе, что в школу шел как на каторгу. Не потому, что я не хотел учиться, дылда Люся Правовская держала меня под контролем, она изображала из себя учительницу, а я был у нее единственный ученик. Когда мы списывали с доски детали букв для начала, Люся крепко сжимала мою руку с карандашом и водила ей по моей тетради, затем все это перечеркивала и ставила мне двойку или единицу. И все же буквы я кое-как уловил, остальное, увы, стараниями Люси я не усвоил. Жаловаться мне и в голову не приходило – ни учительнице, ни дома. Учительница, конечно, видела, что происходит за нашей партой, но не обращала на забавы Люси никакого внимания. Видимо потому, что отец у Люси работал заведующим мукомольной мельницы и маслобойки. А мой тато простой ездовой.

Я стал нервным, по пустякам расстраивался и плакал. В конце учебного года всем объявили результаты, я и Люся остались на второй год в первом классе. Об этом я дома и Косте не сказал, решил подождать до осени, может передумают и переведут во второй класс. Первого сентября я пошел в школу пораньше, зашел во второй класс и занял место за пустующей партой. Вскоре класс стал заполняться учениками. Учительница зачитала список в журнале, увидела, что один ученик вроде бы лишний. Увидев меня, подошла, схватила за руку и потащила упирающегося в первый класс.

Там уже ждала меня, улыбаясь, Люся. От ужаса я закричал и вырвавшись от учительницы побежал опять во второй класс. Так повторилось еще пару раз. Запыхавшаяся, покрасневшая от злости учительница отпустила меня и пошла за директором школы.

Директор Богачёв Иван Иванович, видно, был наслышан о способностях Люси довести кого угодно до истерики и принял решение оставить меня во втором классе. А Люся из школы исчезла. Вскоре с помощью других учеников я догнал ребят и стал учиться без проблем и в конце учебного года успешно перешел в третий класс.

На каникулах летом я в колхозе помогал маме собирать горох. Когда горох собрали, пошел помогать тато опрыскивать виноград. За мои труды колхоз наградил меня похвальной грамотой. Я ею очень гордился. Такой в школе ни у кого не было. Осенью меня приняли в пионеры.

Антисемит

Однажды на уроке литературы произошло такое событие, которое круто изменило мою налаживающуюся жизнь в школе. Шел, кажется, 1956 год. Предмет преподавала молодая учительница Ида Иосифовна. Мне лично и в голову не приходило, кто она по национальности, я был всего лишь в пятом классе, и мне вообще были все одинаковы. В нашей школе учились и молдаване, и русские, и казахи и прочие, никто этому никакого значения не придавал. И вдруг мой якобы умышленный поступок всколыхнул всю школу.

А дело было так. Урок был по повести Николая Васильевича Гоголя «Тарас Бульба». Одна из девочек класса (не помню кто) рассказывала эпизод, в котором Андрия Бульбу разбудила и увела с собой к прекрасной паненке в крепость татарка.

– И кто еще хочет добавить? – спросила Ида Иосифовна.

Тут меня, знатока литературы, вынесло, как из табакерки.

– Она не сказала, что там был «жид» Янкель, который рассказал Тарасу, куда ушел Андрий.

Учительница застыла на месте и побледнела, хотя всегда была розовощекая. Класс замер. Но ничего такого не произошло. Ида Иосифовна сказала: «Садись, все правильно…». Класс оживился. Потом, после уроков, мой товарищ Гриша Галат объяснил, что я совершил глупость, то есть бестактность. Что учительница наша по национальности еврейка, то есть в простонародье – «жидовка»; и что в классе у нас есть ученики-жиды из детдома, и они мне это так не оставят.

Вскоре меня тихонько исключили из пионеров при оценке «отлично» по поведению. На меня посыпались колы и двойки по всем предметам. Но так как это происходило в конце учебного года, я успел перейти в шестой класс. Но до этого перехода сбылось пророчество Гриши Галата. Я заметил, как две девчонки из детдома – Женя Гвай и Света Флейшман – стали ко мне неравнодушны. То подножку подставят, то щипают, то дадут тумака. Меня это задевало, кулаки у них были крепкие, откормленные на харчах государства. А я светился насквозь и гремел костями, за что и был прозван Кощеем бессмертным.

Так вот эти две девицы решили разобраться со мной. По фамилиям было понятно, что тогда на уроке им слово «жид» не понравилось. Это в наше время за слово «жид» евреи затаскают по судам, а тогда просто если могли догнать, то били.

На большой перемене к нам в класс зашел здоровый детдомовец из старших классов – Богданов Боря. Поигрывая

большим ножом, он сказал, глядя на девиц: «Они хотят разобраться с тобой». Флейшман ударила сзади меня кулаком в затылок, затем между лопаток. Гвай спереди пыталась ударить меня между ног:

– По яйцам бей, по яйцам! – верещала в истерике Флейшман. Я же пацан хоть и худой, но не сдавался.

Они визжали от злости, что не могут справиться с таким худышкой (к тому же голодным). Так эта драка и закончилась ничем. Прозвучавший звонок, охладил пыл девочек, дравшихся за честь нации. Я не питаю антипатии к евреям или к каким-то другим национальностям, но этот случай мне врезался в память. Где они теперь, наверное, уже постаревшие, наверняка толстые тетки? Вспоминают ли они, загорая на берегу Мертвого моря, драку с худым, голодным сельским мальчиком? За честь собственной нации? Думаю, что вряд ли…

Поиски Хоттабыча

В четвертом классе уроков добавилось за счет литературы, истории и географии. Эти предметы я любил, но литературу больше. Пристрастился к чтению книг. Читал все подряд. Начал с Гоголя и добрался до зарубежных классиков. Чем толще книга, тем больше она меня интересовала. Свет в селе еще не провели, и если родители вечером куда-то уходили, то мне удавалось читать при керосиновой лампе. Лампа стала предметом шантажа со стороны Кости – в том смысле, что он грозился рассказать о растрате керосина родителям. Мне постоянно приходилось задабривать его и припрятывать для него конфеты, пряники и прочие угощения, которые давали нам приходившие гости.

Прочитав однажды книжку «Старик Хоттабыч», я с нетерпением ждал лета, чтобы понырять в Днестре и, если повезет, достать такой же сосуд, какой нашел Волька Костыльков, в котором был запечатан старик Хоттабыч. Допустим, коза заскочила в колхозную кукурузу, босым по колючкам бежать за ней… а тут под рукой старик Хоттабыч… да мало ли что, дров напилить ржавой пилой, затем нарубить их тупым топором или, представьте себе, Хоттабыч мне говорит при учителях: «О, Володька, мудрейший из мудрейших!» Что ни говори, а все же приятно! Не подумайте только, что я хотел превратить Хоттабыча в слугу, нет, за это могли из пионеров выгнать, раскулачить и сослать в Сибирь, где, говорят, очень холодно, а я холода сильно боюсь, мне зимой и на печи хорошо…

Я Косте пытался читать вслух, уверяя его, что это интересно. Однако, плевать ему хотелось на чтение книг. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха – наш Костя закурил. Не знаю, с какого горя, хорошо, что не запил. Тут его грех довольно солидно превышал мой. Кстати, позже я узнал, что чтение при лампе книг – это никакой не грех, а просто расход керосина. А вот курение табака да воровство его из отцовской почтальонской сумки – это был перебор по грехам.

Однажды тато неожиданно зашел в дом со двора и увидел интересную картину – меня, стоящего в полусогнутом состоянии, и на моих плечах стоящего Костю и набирающего табак в карманы не только для себя, но и для своих курящих дружков. Конечно, вы понимаете и можете себе представить эту картину. Костин грех не мог сравниться ни с чем.

Тато выгреб из карманов Кости табак и запихал ему в рот столько, сколько поместилось в его рту, и дал хорошей взбучки. Костя и сейчас хорошо помнит этот случай, хотя привычка курить

не оставила его до сих пор. А лет нашему Косте далеко за пенсию… И вот наступило долгожданное лето, я пахал дно Днестра руками и лицом. Руки и лицо были у меня в порезах от острых створок мидий, но увы со стариком Хоттабычем мне не довелось встретиться.

Говорят, что если на крещение нырнуть в хороший мороз в прорубь, то можно найти что-нибудь путевое. Мне рассказали, что один человек, нырявший в прорубь, на дне нашел тяжеленный золотой почти пудовый крест. Похоже батюшка сунулся головой в прорубь и крест соскользнул с его шеи и ушел на на дно. Хотя я думаю, что когда крест потянул батюшку на дно, то он скинул его с шеи, испугавшись, что утонет…

Отголоски фашизма

Как-то в конце сентября мы с Костей по дороге в школу пошли на стройку, здесь рабочие строили новый дом культуры для села. Придя в школу, поняли, что на первый урок опоздали. Поразмыслив, мы решили на уроки в тот день не ходить. Закопали учебники в кустах неподалеку от школы и подались на Днестр. Там наловили раков, вытаскивая их из норок, и пекли на костре. Само собой, конечно, вольная жизнь заманчива и к ней быстро привыкаешь. В один из дней к нам приехали гости с Украины. Бабушка Наталка, дядя Ваня и тетя Зоя с чемоданом разных угощений. Открыв чемодан, бабушка стала угощать меня и Костю конфетами и пряниками, при этом спрашивала: «А как учитесь?» «Хорошо-о-о!» – в один голос отвечали мы.

Вдруг во входную дверь дома раздался стук. Костя побежал открывать, видно подумал, что кто-нибудь еще с конфетами и пряниками спешит одарить нас. Но увы, на пороге стояла его учительница Любовь Николаевна. Увидев выглянувшего из комнаты тато, она спросила: «Николай Филиппович, почему ваши дети уже неделю в школу не ходят?» Тато сначала остолбенел от такого вопроса, затем кинулся куда-то за своим трофейным немецким ремнем. Он его от нас прятал, так как знал, что если мы его найдем, то уничтожим, уж очень больно било это фашистское изделие для поддержки штанов фрицам. «Счас, будут вам и конфеты, и пряники, и бублики с маком!» – на ходу приговаривал тато. Достав ремень, он успел дать нам с тыла немецкой бляхой. Хорошо, гости и мама стали уговаривать тато, и он немного успокоился. Воспользовавшись заминкой, мы, почесывая спины и пониже, выскочили во двор. Проклинали того фашиста, которого догнал тато, но тот снял штаны вместе с ремнем и в одних кальсонах удрал в свой Берлин. «Наверно, к тому же и в штаны нагадил, не зря тато только ремень взял», – добавил я.

Мы представили себе все это и повеселели. Ремень фашистский как тато ни прятал, Костя нашел, порубил на мелкие кусочки и закопал. Тато, узнав об этом, ничего не сказал, он и сам не знал, как избавиться от этого поганого ремня. Плохо пришлось бы ему, если бы власти узнали, что он бил этим ремнем советских пионеров в лице меня и Кости. Красноармейским – сколько угодно, а фашистским – не смей.

Любаша

Однажды я читал в красном уголке газету «Пионерская правда». Там я увидел и прочитал очерк о девочке, которая нашла немецкий склад с боеприпасами. Сказала об этом взрослым, и те вызвали военных. Потом со склада вынесли и обезвредили громадное количество снарядов, а с ними и других боеприпасов. На портрете в газете девочка выглядела худенькой, с большой шапкой волос, развевающихся по ветру. Я ее определил в героини и завидовал ей. Кто бы мог подумать, что через много лет Любаша Сеничева станет моей женой, и вот мы живем уже вместе три десятка лет. Встретились и познакомились мы с ней в Новосибирске, и только на серебряной свадьбе она рассказала мне, что когда-то в детстве нашла немецкий склад боеприпасов и о ней писала «Пионерская правда». Ну, скажите, что такого не бывает! Вспомнили мы и тот очерк… Еще как бывает! В архивах Тирасполя должна быть та газета с очерком о девочке-героине.

Ну а я тогда, после прочтения очерка в детстве, загорелся тоже стать героем и совершить подвиг. Немецкие склады никак не попадались. Я глазами шарил под ногами постоянно. Но вот однажды мы с братом Костей собирали яблоки в колхозном саду, после уборки там яблоки еще оставались. Я глядел больше на землю, чем на деревья и вдруг увидел торчащий из земли танковый снаряд. Я сейчас понимаю, что надо было сразу рассказать взрослым, они вызвали бы военных и, может быть, они откопали бы еще целый склад снарядов.

Но мы с Костей решили посмотреть, хороший ли снаряд, и положили его на разведенный костер. Снаряд долго не взрывался, мы лежали за бугром земли. Костя сказал мне, что надо подправить костер и хотел встать. Я схватил его за полу фуфайки и удержал вовремя. Рвануло так, что мы оглохли. Затем встали и насобирали еще горячих осколков, впившихся в деревья. После этого мы никому не говорили о случившемся. Слава Богу, что остались целыми. Желание стать героем у меня сильно поубавилось…

И мы пахали…

– Но-о-о, Гебельс! Пошла, пошла, Геба! Володя! Ты что, заснул?!

Это уже в мой адрес. Дядя Тоадри Цуркан и я пашем клин земли в старом еще довоенном винограднике, на острове, который образовался в незапамятные времена водоразделом Днестра и протокой Турунчука. Гебельс и Геба – это запряженные в однолемеховый плуг лошади. Дядя Тоадре – мужчина лет тридцати двух, фронтовик.

Отсюда и такие имена лошадей, если сильно норовистые да еще и кусались, то имена главарей фашисткой Германии им были обеспечены. Вернувшиеся с войны после Победы еще молодые ребята и работавшие в нашем колхозе ездовыми не могли успокоиться от зверств Гитлера, Гебельса, Бормана… и с удовольствием отвешивали кнута провинившимся.

Я, тринадцатилетний школьник, во время каникул, был в должности погонича, водил лошадей под уздцы по борозде пахоты. Мечтая о том, как на заработанные трудодни мне купят велосипед и больше мне не придется уже ходить на работу так далеко пешком. С этими сладкими мыслями я на ходу засыпал. Засыпая, я отклонялся от лошадей инстинктивно, чтобы не наступила лошадь копытом на ногу (было и такое). Однако поводок я держал крепко, и лошади вместе со мной отклонялись от борозды…

– Володя, проснись!

– Да-а-а, дядя Тоадре, вам легко, держитесь себе за ручки плуга, а давайте поменяемся местами!

– Тпрууу! Иди, на, подержись ты за ручки плуга!

Стряхнув с себя сон (меня давно тянуло к технике), я крепко уцепился за ручки плуга.

– Но-о-о! Пошел, Гебельс! Пошла, Геба! – крикнул я, подражая дяде Тоадре…

Лошади даже ухом не повели и только после того, как я щелкнул кнутом в воздухе, они дернули плуг и пошли. Пройдя несколько метров, плуг выскочил из земли и повалился на землю вместе со мной.

Я даже не успел отпустить ручки, пропахал лицом несколько метров земли. «Тпрууу!» Дядя Тоадре остановил лошадей. У меня настроение, конечно, сильно упало, и я чуть было не заплакал. Отряхивая меня от прилипшей земли на лице и одежде, дядя Тоадре, без тени насмешки успокаивая незадачливого пахаря, говорил: «Ничего, научишься! У тебя вся жизнь впереди, пахать да

пахать…»

Горький хлеб

В конце ноября трагически погибла наша мама, нас осталось пятеро сирот, младшему едва исполнилось девять месяцев. Всех надо было прокормить, и отец с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе. Вечером он приносил две булки черного хлеба – этим и жили. Маленькому Ванюше мы жевали хлеб и через марлю давали ему сосать. Теперь, когда он вырос, живой и здоровый, не верит нам, что так было. Нашлись тетушки, которые уверяли его, что нянчили его на своих руках и кормили его всякими вкусностями. Ну да Бог с ними.

Я пишу, как было, а было так – государство не обращало внимания на многодетную голодную семью инвалида-фронтовика. Помощи совершенно никакой, приходилось выживать самим. Нет, мы не кинулись по дворам просить милостыню. Костя, как старший, взял на себя обеспечение продуктами. С утра он исчезал куда-то и к вечеру приходил нагруженный всякими яствами. Это были консервы с борщом, фасолью, повидло. Откуда нам было знать, что это бомбажные консервы. Костя находил все это на свалке консервного завода, неподалеку от села.

Я оставался дома за старшего, следил за младшими, чтобы не учудили чего-нибудь. Было дело, без одного чуть было не остались. Маленький Вася решил погреться, так как основательно замерз. Собрал постеленную на полу в сенях солому и поджег ее. Хорошо, я был в доме и вовремя потушил разгоравшуюся солому.

В школу мы ходили, не пропуская занятий, и все же мне не забыли случая на уроке литературы, и некий учитель алгебры, приехавший к нам в село, по фамилии Мешка Георгий, отчество не помню, нашел причину оставить меня сначала на переэкзаменовку, затем и на второй год в шестом классе. Ему бы моя доля. Не стоит он того, чтобы о нем писать, но хорошо знать его предмет было затруднительно. К ученикам он обращался не иначе как тупицы, идиоты, швырял в учеников мелом и бил по лбу указкой. От такой «педагогики» не многие из нас были знатоками его предмета. Вызванного к доске ученика он доводил до состояния животного, который мог тупо смотреть на доску и молчать. Особенно он забавлялся тем, что вызывал к доске одну сельскую девочку (детдомовских он боялся трогать), и прикрикнув на нее, с удовольствием смотрел, как между ног у девочки на полу образовывалась лужа.

Шло время. Вскоре мой дорогой брат Костя оставил меня и уехал в Казахстан покорять целину. Я работал в колхозе до

совершеннолетия и затем поступил в строительное училище. Так окончилось наше с Костей страшное, вечно голодное босоногое неказистое детство. Конечно, из написанного, а это всего около десяти процентов, наша история могла быть куда как объемистей и насыщенней…

В чём сила, брат?

Родился я в аккурат после Победы. Так что фашистов советские войска прогнали без меня. Но когда я кричал: «Уа! Уа! Уа!», фашистам, что прятались в лесах, чудилось: «Ура! Ура! Ура!», и они, дрожа от страха, выходили и сдавались нашим пачками.

Мой старший брат Костя был на два года старше меня. Так он схлестнулся с одним немцем (немцы отступали через наше село). Костя вышел на улицу и столкнулся с ним. «Немец перец, колбаса!..» – шуганул он его. Тому не до разговоров, да и переводчика у Кости под рукой не оказалось…

Так о чем это я… Потом, когда подрос, где-то лет шесть-семь, увидел себя и Костю на фотографии. У мамы и дяди Вани, маминого брата, на руках сидели два нормальных и даже симпатичных мальчика в штанишках с помочами в рубашонках, ждущих, когда вылетит птичка из фотоаппарата дяди-фотографа.

Годам к восьми, что было от меня, ничего не осталось. Глаза стали какими-то выпученными, шея вытянулась как у гуся, а руки и ноги были как соломинки. Силенок при таком телосложении было маловато. Не знаю, может на меня повлиял послевоенный голод. Но почему только на меня?! Брат Костя выглядел нормально, другие ребята тоже, а я вот такой урод.

Бабушка Наталка, когда приезжала, то своему любимчику Костику давала рубль на кино, а мне ничего. Костя бежал впереди меня к клубу и якобы «находил» кем-то спрятанный в щели забора рубль. На пятьдесят копеек шел в кино, а на пятьдесят в киоске ему наливали из бутылки стакан ситро.

Но время не стоит на месте. Надеюсь, вы, мои дорогие читатели, поймете меня. Не только пацаны, но и взрослые обзывались: «Эй лупоглазый, или худой! С гроба сбежал!» Ну а в школе… Кличка Кощей прилипла намертво. К нам в гости иногда с Украины приезжали дядя Ваня и тетя Зоя, привозили с собой наших двоюродных брата Вову и сестру Валю. Вова был младше меня на два года. Видя мою худобу, лез ко мне бороться, бутуз он был справный и всегда клал меня на лопатки, чем очень гордился и хвастался, что поборол старше себя брата. Обидно мне было, тут и вправду сила солому ломит…

Закончил я русскую семилетнюю школу, мои одноклассники продолжали учиться в селе Слободзея, а меня определили в колхоз, денег целых тридцать копеек мне на проезд не нашлось. Итак, вкалываю я в колхозе, утром подъем в шесть, час чтобы дойти до места работы. За это время можно было дойти в школу,

не садясь в автобус, и сэкономить целых тридцать копеек в бюджет семьи. Но никому это и в голову не приходило. (Мама умерла, я писал об этом в миниатюре «Горький хлеб»), с завтраком тоже неувязка – не принято у нас было завтракать. Вечером в школу, так сказать, рабочей молодежи.

Кусок хлеба с собой, пару луковиц, ну а если поспели помидоры, то салат обеспечен, помидоры – это спасение. Казалось бы, они мне должны были опротиветь, но нет, и сейчас люблю их. Кроме худобы, у меня от тяжестей стал расти горб…

И вот дал бог, отмучился я, в селе расклеили объявления о наборе в строительное училище города Бендеры. Кое как выпросил в сельсовете документы на паспорт и поехал поступать в училище. Комиссия согласилась принять меня и предложила выбрать себе профессию: штукатур-маляр, плотник или каменщик. Ну думаю, каменщик не по мне. Плотник – это всю жизнь пилить. Спасибо, дома напилился дров ржавой пилой. Остановился на штукатуре-маляре, все же лучше, чем в колхозе таскать тяжеленные мешки с кабачками или опылять дустом (ядом) капусту.

В училище меня определили в общежитие, выдали постель, я впервые узнал, что люди спят на белых простынях, трехразовое питание, и одели в форму. Так началась моя новая жизнь. Нормальное питание (при Хрущеве кормили хорошо), сон после обеда сделали свое дело. Уши у меня как-то прижались, я стал поправляться, горб выпрямился и уже через полгода девочки приглашали на дамский танец, но это потом, а пока…

Построил однажды в спортзале нашу группу физрук, Николай Иванович Чикунов (и сейчас помню), прошелся вдоль ряда, и тыкая пальцем в грудь каждого, говорил: «Будешь заниматься борьбой, ты, ты, ты…». Мимо меня он прошел, вроде не заметил. Тут я подал голос: «А я, Николай Иванович!?» Похоже, он увидел тень от моих костей на стенке, подошел на голос, пригляделся и сказал: «А ты ни Богу свечка, ни черту кочерга!»

От обиды я чуть не заплакал, ну думаю, буду приходить на тренировки и хоть смотреть, хоть чему-то да научусь. В общем ребята тренировались, а я смотрел и запоминал приемы. Испытывал то, что запомнил на Косте Сырбу. Он был такого же телосложения, как и я. Задиристый до ужаса, но от меня ему перепадало часто. Костя никак не мог смириться, что я его кладу на лопатки. Оторваться от него было сложно, и мне приходилось усмирять его тычком в нос… Вот таким образом мне приходилось заниматься спортом.

Даже такой заочный вид спорта дал положительные результаты. Я мог положить на лопатки любого, кто был одного

веса со мной. На следующее лето у нас были каникулы. Поехал к дяде Ване с тетей Зоей, дедушке с бабушкой и, конечно, встреча с Вовой и Валей. Повзрослевший, окрепший, модно одетый, они звали меня стилягой. Мы ходили на лиман загорали, купались, ловили раков. Вова смотрел на меня и видимо приценивался, затем решился: «А давай поборемся!» Я стал отнекиваться, вроде бы боюсь. Он стал настаивать, я вроде с неохотой согласился.

Дурачок! Я к этому моменту готовился почти год. Через две-три секунды Вова на лопатках. Он вскочил на ноги и стал кричать: «Не считается, не по правилам! Давай еще раз». И опять Вова на лопатках. Вокруг нас бегала Валя и хлопала в ладоши: «Так тебе и надо, хвастун!» Он что-то пробурчал, оделся и, забыв раков, ушел домой. Здесь к месту пословица: «Не хвались, идучи на рать, а хвались идучи с рати».

Котлеты отдельно, мухи отдельно

Вернемся ко времени поступления в училище. Нас поселили в общежитие. Здание было расположено на углу улицы Сталина и углу улицы Дзержинского. Жилые комнаты были на втором этаже, окна выходили на улицу Сталина и постоянно были открыты. Проходящие мимо девушки вниманием не были обделены… Учебный корпус находился на улице Комсомольская. На занятия мы ходили строем, под командой мастера группы Прашки Саввы Ивановича. Двинув нас в сторону училища, он требовал идти в ногу и с песней.

На нас оборачивались не только лошади, но и пробегавшие мимо собаки, когда мы пели «Катюшу» или «По долинам и по взгорьям». Питались мы в столовой, которая находилась на первом этаже общежития. Это было просторное, светлое с большими окнами, и с вентиляторами, чистое помещение. В этом блоке питания помещались одновременно все группы училища. У каждой группы были свои столики, на столике для четверых стояла большая ваза со свежим хлебом.

Еду нам выдавали дядя Илюша и тетя Мотя. Я все удивлялся, как это можно быть таким худым, если ты повар… Дядя Илюша, что называется, гремел костями при изобилии еды вокруг него. Тетя Мотя была мамой ученика нашей группы Миши Протасова. Увидев такого заморыша как я, и дядя Илюша, и тётя Мотя подкладывали мне побольше еды.

Таких людей сейчас почти нет, а дядю Илюшу и тетю Мотю я вспоминаю с теплотой и благодарностью.

Котлеты в свои шестнадцать лет я не ел ни разу. И вот в гарнир на второе нам положили котлеты. Быстро расправившись с борщом на первое, я принялся за второе.

Котлета показалась мне необычайно вкусной. Покончив со вторым блюдом, я наблюдал за своим соседом по столику Васей Шинкарчуком. Он ел не спеша, после борща съеденного наполовину, поддел вилкой котлету и поднес ее к носу. Нос у него был курносый и был немного похож на пятачок (не скажу чей), с опаской понюхал и отложил на край тарелки.

Я спросил, что не нравится? Он помотал головой, нет, будешь? Отказаться я был не в силах. Потом я узнал, что родители у Васи были не из бедных, и выглядел он крепким сбитым пареньком. Потом он всегда отдавал мне свою котлету…

Семена коричневых

Практике нас обучал Савва Иванович. Он приводил нашу группу в подвал строящегося жилого дома, и мы там отрабатывали для начала навыки кидания раствора штукатурки на стены и потолок. Вместо раствора использовался увлажненный песок. Надо было взять песок мастерком и кинуть на поверхность стенки так, чтобы он прилипал к поверхности.

Немногим позже, когда мы набили руку, нам стали доверять готовый раствор и мы уже штукатурили стены подвалов и швы потолков. Поначалу получалось коряво, примерно так же, как я сейчас пишу. Потом с каждым днем наша работа становилась качественнее. Савва Иванович измерял объем работы и в конце месяца выдавал нам по десять-пятнадцать рублей.

Вскоре нас стали приглашать на заводы города для ремонта стен цехов. К лету следующего года мы уже научились неплохо штукатурить, класть на поверхность стен глазурованную плитку, красить, белить. В свободное от практики и учебы время находили работу в частном секторе, на заработанные деньги покупали себе одежду, обувь.

В училище я завел много друзей не только из нашей группы, но и из других. В нашей группе ребята в основном были хорошие. Вася Кочебаш стал мне другом на всю жизнь. Мы встречаемся, звоним друг другу и сейчас. Теперь уже Василий Тимофеевич приезжает из Бендер ко мне в военный госпиталь г. Тирасполя, куда меня частенько укладывают врачи с последствиями ранения во время войны 1992 года с националистами Молдовы…

Были среди нас и ребята из припрутской местности Молдовы, что находится у границы с Румынией. Они с презрением и высокомерием относились к нам, ребятам левобережья Днестра. Постоянно подчеркивали свое якобы превосходство над нами. На самом деле, они ничего из себя не представляли, были вороватыми, постоянно обманывали, кичились своей нацией. Уже во время войны 1992 года я понял, что это были семена, которые впоследствии стали корнями фашизма и показали себя во время попытки присоединить Приднестровье вместе с Молдовой к Румынии…

Строительное Училище… В наше, т. е. теперешнее время, почти никто и не помышляет поступить в такого рода заведения. Техникумом и то многие брезгуют, подавай торговый институт, юридический, экономический, что поближе к кормушке.

Закончив училище, я приобрел на первый этап жизни специальность строителя. После года работы на стройке

военкомат призвал меня в советскую армию на службу.

Служили в то время долгих три года, а в морском флоте и вовсе четыре. Сейчас читая эти строки, может кто-то и скажет, какой-то строитель пытается что-то писать. Скажу честно, не лезу я в писатели, знаю не понаслышке, не сладок труд писателя (друг у меня писатель). А что касается меня, это не я пишу, это душа моя пишет, да и то с ошибками. Конечно мое образование на приобретении специальности строителя не остановилось. После службы в армии работал шофером, водителем троллейбуса, ходил матросом в загранку, поступил в командное речное училище и стал техником-судоводителем.

Строительное училище было для меня одной из ступеней в жизнь, и я это никогда не забуду. Так же как студенты тоскуют о прошедшем времени учебы, так и я считаю то время для себя незабываемым, родным. То была моя юность.

Каска-невидимка

Жили-были в Приднестровье, в селе Дубово, в стареньком теремке дед да баба. Деда звали Вовой, а бабку Любой. Была у них собачка Юлька с ее дочкой Глорькой и десяток курочек. Так и поживали. Бывало, залезет деда Вова на теплую печь, раскурит трубку, бороду почесывает, тайком от бабки в окошко на молодых поглядывает да молодость свою вспоминает. Бабка Люба, хоть и не ревнива была, а деда в строгости держала, чтобы не растерял старый хрыч силу свою по чужим бабам. А у деда Вовы от этого был свой секрет: поглядит в глаза бабке Любе (а глаза у бабы Любы были голубые-преголубые), наберется сил – и шасть в город на ярмарку. А там – гуляй, деда!

Да не долго так продолжалось. Замутился синий Днестр-буря, туча с правого берега надвигались на Приднестровье. Главный бык, буржуин Сине-нос, решил наказать непокорных приднестровцев, чтобы все на его языке мычали да на заморской графике ему челом били. Поднялся народ, заропта л, дулю тому Сине-носу кажет, да разве дуля его бычьему рылу указ? Бык он и есть бык, намека не понимает. Собрал он буржуинов и двинул их через мост на град Дубоссары, да не тут-то было. Вышли три молодца, три богатыря, да и поломали глав-быку рога. Без копыт чуть было не остался. Только страшная беда с теми молодцами случилась: застрелила их черная сила НФМ (Народный фронт Молдовы), князя Приднестровья, батюшку Игоря, заарестовали и повезли в цепях да кандалах в буржуйский град Кишинев. Посадили его в крепость и приставили к нему в сторожа ведьму Лари.

Еще пуще возроптали люди Приднестровья. Сели люди на дорогу и не пущают в Кишинев к буржуинам обозы с иноземной утварью да снедью. Взъярился глав-бык, повертел поломанными рогами, постучал о пол три раза копытами, вызвал ведьму Лари и приказал отпустить князя-батюшку Игоря – куда денешься: товар заморский из рук уплывает, да и жрать уже нечего. Возликовал народ Приднестровья! Слава князю батюшке Игорю! Слава! Да вот беда – рано успокоились.

Отросли у глав-быка рога, окрепли копыта. Собрал буржуинов, навыпускал из тюрем всякого люду воровского, убивцев, нечисть Молдовы и двинул эту свору на Дубоссары.

Делать нечего. «Видать, бойцы-удальцы без меня пасуют», – подумал деда Вова. Слез с печи, надел доспехи, долго глядел бабке Любе в глаза – сил набирался. А бабка Люба хитрющая была, давно догадалась, откуда деда силы черпает да в молодца

оборачивается.

«Ну, бабка, не поминай лихом!» – пришпорил дед Вова коня-«москвича» и укатил на битву ратную.

Долго бился дед Вова с проклятыми буржуинами. Все это время у реки раздавался рёв и топот копыт буржуинов. А деда Вова надел каску-невидимку и, знай, крошит их мечом и автоматической пищалью. Да была у тех врагов сила не сметная, вот уж и на мост попёрли. Залез дед Вова под мост, поднатужился, крякнул и сбросил мост вместе с буржуинами в Днестр. «Хрен с ним! Построим новый, хрустальный, с золотыми перилами».

Случайно при этом у деда Вовы каска-невидимка с головы слетела, тут-то увидели враги дедову бороду. Пуще прежнего напугались: «Урс! – кричат, – Урс!» – медведь, значит, по-ихнему. Знамо дело, быки медведя до ужаса боятся. Повернули вспять, и дай бог ноги! Много тогда «бурундуков», «скорпионов», да всякой нечисти потоптали буржуины своими же копытами.

Собрался Дубоссарский люд на площади да чествует деда Вову с бойцами-удальцами. Тут и указ князя-батюшки Игоря подоспел – пожаловали деду Вове офицерский чин и два отпуска.

«Слава деду Вове! Слава! Слава бойцам-удальцам!»

Приехал дед Вова домой в деревню. Бабка Люба, глядючи на деда, не нарадуется: не дед, а добрый молодец. Кто в деревне деда Вову увидит, кланяется издалека, мужики шапки перед ним снимают. А девки-то, бесстыжие, на дедовы офицерские погоны поглядывают, бороды его уж не замечают. Бабка Люба деда домой уволокла, сама не хуже девки красной выглядит. Послала Глорьку, Юлькину дочку, та быстренько одной курице голову свернула, чтоб зажарили её. Бабка Люба на радостях четверть самогону на стол поставила и давай деда Вову потчевать.

Собрались соседи, принесли кто что мог. И пошёл пир горой. Все деду клонятся низко, потому что от буржуинов спас. Залез дед Вова на печь, раскурил трубку с табачком-самосадом, почесал бороду да в окошко выглянул. Глядь – опять боец-удалец прикатил.

«Беда, деда Вова, беда! Опять чёрные силы буржуинов попёрли в обход моста, через село Кочиеры, не справимся без тебя никак». Крякнул с досады деда Вова, слез с печи, надел доспехи, поглядел бабке Любе в глаза. Долго взгляд не отрывал. Бабка Люба закручинилась, запечалилась – видать, чуяло её сердце долгую разлуку. Прыгнул деда Вова на коня-«москвича» и был таков. Опять поехал буржуинов громить.

Три дня и три ночи бился деда Вова с проклятыми врагами, много их там накрошили, да и бойцов удальцов немало полегло.

Прёт несметная сила поганая, землю приднестровскую топчет. притомился деда Вова, жарко стало, снял каску-невидимку чтоб пот со лба вытереть. А буржуины, как увидели бороду деда Вовы, обомлели с перепугу. «Урс! – кричат, – Урс!» – и дёру дали, только ветер свистит, только топот копыт.

Прибежали к главному быку-буржуину Сине-носу и докладывают: «Так, мол, и так, Ваше препоганое высочество, Урс опять появился!»

А тому с перепугу показалось, что «рус» появился, русские значит». «Худо дело, – думает глав-бык, – не сладить мне с русским медведем!» И задумал он черное дело: оклеветать деда Вову. Вызвал он ведьму Лари и Костащея Бессмертного на совещание. Тут-то ведьма и Костащей придумали: заслать в Дубоссары побольше худого люда воровского да убивцев, чтобы те грабили и убивали Дубоссарских плохишей и всем говорили, что, дескать, деда Вова приказал так делать. Костащей Бессмертный отправился в город Бендеры кровавые дела делать. А ведьма Лари ещё подлей была: удумала деда Вову с бабой Любой поссорить. Стукнула клюкой, гикнула и вызвала Раиску-вертихвостку.

«Ступай, – говорит, – в Дубово и найди бабку Любу, да не ищи среди баб-то: она покрасившее да попригожее любой девки. Найдешь, скажи, что ты из «Месаджера», и, мол, деда Вова домогался тебя, авось поверит. «Месаджер» – фирма сурьёзная. Вот и рассорятся они, перестанут друг другу в глаза глядеть, сил друг от друга набираться да молодеть».

Захихикала кликуша, вертихвостка Раиска. Побила клюкой ведьмы Лари своего упыря-придурка и повела в Дубово под видом больного к бабе Любе лечить и свое черное дело делать.

Тем временем глав-бык Сине-нос перемирия запросил: до ужаса он боялся русских медведей, да царь русский Бориска послал в Приднестровье белого Лебедя – живой водой воинов доблестных снабжать. Оживали павшие и становились бессмертными, живые же, попив той водицы, за десятерых громили буржуинов. Деду Вове бойцы-удальцы тоже живой воды принесли, да спал он в это время, притомившись. Не стали они его будить, тихонько поставили на стол бутыль и вышли, позабыв охрану выставить. Крепко спал деда Вова. Но и во сне чувствовал тяжесть на руках, ногах, на груди. «Кыш, проклятые мухи», – подумал и стряхнул с себя нечисть. Открыл глаза, а в горнице, в штабе по-теперешнему, полным-полно плохишей. Скрутили деда Вову, но успел он бутыль с водой живой опрокинуть, чтобы плохишам не досталось. Вот беда, где ж охрана-то? Видать, хлебнули бойцы-удальцы живой воды больше меры,

почувствовали силу и храбрость да и пошли к девчатам гулять. Деда Вову затолкали в черную карету, задернули занавески и привезли к главному стражу города Дубоссары (к прокурору, значит). Беснуется тот, топает ногами, на деда Вову кричит: «Пошто плохишей обижать приказывал?»

– Не ведаю, кто кому приказывал! Видать, третья сила тут замешана, – отвечает деда Вова.

Вызвал главстраж Журавля, старшего злодея, выписанного из самой Москвы, мастера спорта по киданию невиновных в темницы. В Дубоссарах решил чемпионом стать. Стал Журавль деда Вову донимать вопросами, клювом своим дранным по темечку долбит да за бороду норовит ущипнуть. Орет благим матом:

– Где мешки с деньгами прячешь? – спрашивает. – Где валюта? Где оружие?

– Ведать не ведаю! – отвечает деда Вова. – У меня и добра то всего: собачка хроменькая с ее дочкой Глорькой, да удобрений немного припас, думал к весне теплицу под помидоры изладить.

Пуще прежнего орет Журавль:

– Где бабка Люба твоя?

– В деревне, где ж ей быть?

– Ага! Вот ты и попался! В деревне, значит, прячешь награбленное. Эй, болваны-истуканы (стража по теперешнему), запрягите лошадей в черную карету да езжайте в деревню. Дедово добро привезите – раскололся он (признался, значит).

Опечалился деда Вова: «Эх, дурень, заберут ведь навоз-то, что к весне делать буду?»

Вызвал Журавль солдата-допытчика (следователя, значит). Солдат тот был когда-то оловянным, да расколдовал его кто-то, но не совсем. В мозгах да в глазах маленько олово осталось. Заковал солдат деда Вову цепями, кандалы надел ему и наказал: «Гляди мне, цепи не пропей, дорогие они нынче». Отправили деда Вову в сырую темницу.

Тем временем прискакали в деревню болваны-истуканы. Нашли бабку Любу и давай пытать:

– Где мешки с деньгами? Где валюту прячешь?

Испугалась бабка Люба: видать, с дедом Вовой что-то стряслось.

– Какую Валю? Рая-вертихвостка тут была, на деда Вову навет наклепала, да я ее в Киев задом-наперед (раком, по-теперешнему) отправила грехи замаливать. А что бы Валю ту прятать…

А сама думает: «Ну, погоди, старый греховодник, я те покажу Валю, мало мне Раи, что ли?»

– Да не Валю, не девку, а валюту мы дедову ищем! Это деньги

такие иноземные, золото, бриллианты.

– Золото есть маленько, – застеснялась бабка Люба, – а другого нет ничего. Вон в сарае мешки пустые лежат.

– Где золото? – закричали болваны-истуканы.

– Где ж ему быть-то? В нужнике…

Кинулись те к клозету, толкают друг дружку, сунули руки по локоть в яму, а там, знамо дело, кроме дерьма человечьего ничего нет. Обмарались.

Орут:

– Где, бабка, тут вода обмыться?

– Где я вам воду возьму? Её отключили, в колонку не поступает.

Орут болваны-истуканы, грозятся. Народ собрался, смеется, а те – бежать к своей черной карете. Юлька с Глорькой кинулись, было, их за ноги хватать, да не стали. Больно уж воняет от тех истуканов. Так и уехали ни с чем, да обмишурившись вдобавок.

Закручинилась, запечалилась бабка Люба. Тринадцать дней и ночей не ест не пьет, деда Вову вспоминаючи. Видать, страшная беда с ним приключилась. Делать нечего, надо ехать в Дубоссары, вызволять деда. Пошла к брату своему названному Мише (бабка Люба сильно ему когда-то помогла – горный Змей Горыныч его молодую да красивую жену чуть не уволок, но не дала бабка Люба злодейству совершиться).

– Братец Миша, выручай! С дедом Вовой беда стряслась. Запрягай карету, в Дубоссары ехать надо. Чует мое сердце, в темницу враги его кинули.

Братец Миша в этот момент с молодой женой миловался, неохота ему ехать. Стал отнекиваться: мол, карета не смазана, овес нынче вздорожал, лошади не подкованы; ворчит. Плюнула в сердцах бабка Люба, обула хрустальные башмачки (она в юности Золушкой была, принц ей подарил) и пешком в город подалась. Идет, сама вспоминает, как дед, тогда добрый молодец ее у принца отбил. Куда тому индюку до добра молодца Вовы.

Юлька с Глорькой остались теремок сторожить. Юлька на пороге сидела, а Глорька малая за курами присматривала. Стукнула Юлька хвостом три раза о порог, и заговорила человеческим голосом:

– Глорька, а Глорька, иди-ка сюда!

– Чо, маменька? – спрашивает та тоже по-человечьи.

– Ты знаешь, что нашего деда Вову по навету в темницу упрятали?

– Знаю, собаки в деревне брешут, что наш деда Вову приказывал в городе плохишей обижать.

– Глупая ты еще, Глорька. Того они и брешут, что на цепях

сидят, ничего не знаючи, а мы, собаки свободные, никто нас не привязывает, потому как деда Вова сам за свободу воюет. А хозяева тех, кто на цепях, по хатам прячутся, и они, и их собаки брешут, что ни попадя. Ну да ладно. Думай – не думай, Глорька, а пойдем и мы деда выручать. Видала, бабка Люба с горя деду узелок с гостинцами забыла? Да вот что, сбегай, пару курочек приголубь, дед, поди, отощал, – распорядилась Юлька.

– Сейчас, маманя, вмиг нарисую, – и кинулась в курятник.

Не успела Юлька за ухом почесаться, как Глорька уж тащит двух курочек. «Ловка чертовка, – думает Юлька, – вся в тетушку Графирушку покойную, царство ей небесное. Та по куриной части ох и мастерица была!» Хотела было Юлька, как люди, перекреститься, да вспомнила, что сама некрещеная.

Взяли они по узелку и по следам бабки Любы в город подались (компаса-то у них не было, вот и пошли по старинке по следу). Бежали они, бежали и до развилки на трассу прибежали. Глядь, а там и бабка Люба кареты тормозит, чтоб в город подъехать. Увидела Юльку с Глорькой и обомлела от радости: надо же помнят дедову доброту, и узелки с едой принесли. Расцеловала бабка Люба Юльку и Глорьку, взяла узелки, а собачек домой отправила – терем да курочек сторожить. Тормознула бабка Люба общую карету из Котовска и поехала в Дубоссары.

Зашла в прокуратуру. Глядь, деда Вову ведет в кандалах да в цепях целый взвод болванов-истуканов с автоматами. Не успели деда Вова и бабка Люба друг другу в глаза поглядеть – тогда цепи да кандалы полетели бы. Тут на беду выскочил Журавль, старший злодей, и затолкал бабку Любу в свой кабинет, а деда Вову на пытку повели. Журавль от злости аж подпрыгивает:

– Казнят твоего деда Вову, злодей он!

– Неправда твоя, Журавель, сам ты злодей. Не виновен деда Вова, жить нам да жить.

Зашипел от злости Журавель и отправил бабку Любу к солдату-допытчику. Солдат, хоть и оловянные глаза, а понимал, что деда Вова не виноват. Посоветовал бабе Любе поискать доброго колдуна на стороне: здешние колдуны-адвокаты только с виду добрые, а на самом деле из плохишей, и деду Вове могут только навредить.

Поехала баба Люба в другую страну, Украину, и там, в граде Котовске, нашла добрых дел колдуна Анатолия свет Андреевича. Пообещал он допытчику-солдату открыть оловянные глаза и мозги от олова прочистить, чтобы тот видел и думал да отличал, где правда, а где клевета на деда Вову.

Скоро сказка пишется, да не скоро дело делается.

Тем временем деда Вова темницу свою обживает. Темница (по теперешнему, камера) так себе темница: мебели маловато, всего-то четыре стенки, хрусталя нет, зато в углу шикарная параша – это декоративная китайская ночная ваза. Сверху золотом покрытая, а внутри – серебром. Канделябры разные на стенках, окошко занавешено железной диковинной занавеской (решеткой называется). Нары полированные, а постель из воздушного пуха. Харчей тут – ешь да ешь, не чванься только. Тут тебе и нельма, и осетрина, икра красная и черная. Из напитков – шампанское, коньяки всякие да виски. Борька, надзиратель, колбасой в морду тычет (так называется по-теперешнему сервелат). Из курева – сигары гаванские. Да все не по нутру деду Вове, изжога у него от всего этого – видать, гуманитарную помощь привезли и донимают ею деда Вову. Ему-то, грешному, хочется редьки с луком да с постным маслицем, стопарик-два самогону, на печь залезть, раскурить трубку с самосадом, бороду почесать да в окно… (Тьфу ты, старый пень, опять за свое!) Да с печки-то на бабку Любу любоваться, которая не хуже, покрасившее да попроворней любой из девах молодых.

Сидит деда Вова в темнице, вздыхает. Хотел было помолиться, да все молитвы позабыл. Только помнит ту, что «Вихри враждебные веют над нами…» да «Вставай, проклятьем заклейменный…». Поднял было деда Вова руку перекреститься, да нет в углу иконы, одна параша стоит. Пригорюнился, запечалился. Где же та, Правда? Как весточку передать князю-батюшке Игорю (Президенту по-теперешнему)? Тяжко вздыхает деда Вова, ворочается с боку на бок и не заметил, как уснул на нарах.

Снится ему дивный сон. Будто бы он уже не деда Вова, а добрый молодец, едет по Дубоссарам на белом коне, казаками донскими подаренном. Выезжает на площадь, а там людей видимо-невидимо, играет музыка, цветы, День независимости справляют, второго сентября это было. Увидели добра-молодца на белом коне – девки с цветами к нему, люди ликуют, кричат: «Слава освободителям-защитникам! Слава!»

Отмахивается от всех добрый молодец Вова, Золушку свою распрекрасную ищет взглядом. А вот и она бежит на встречу. И собачка Юлька за ней следом, уже не хромает. Обнялись, поцеловались. Посадил добрый молодец Вова свою Золушку на белого коня рядом с собой и поехали они в деревню Дубово. Юлька, собачка, рядом побежала. Там, в деревне, уже ждут их, хлебом-солью встречают. Собаки по деревне свободные бегают – Юлька к этому времени революцию собачью устроила. Взбунтовались те и своим хозяевам ультиматум поставили: «Или

с цепей спустите, или голодовку объявляем!» Добились-таки своего, теперь на тех цепях сидят «бурундуки» да «скорпионы». Пир в деревне закатили. Добра-молодца Вову да прекрасную Золушку-Любу чествовали.

И я там был. Хотел было меду, пива испить, да проснулся не вовремя…

Жить бы да поживать добру-молодцу Вове с прекрасной Золушкой – Любой, добра наживать. Но замутился синий Днестр, черные тучи да буря с правого берега на Приднестровье надвигаются.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Три пары башмаков бабка Люба стоптала, правды добиваючись. Ничего не помогает. И решила она на стражников чародейством подействовать. Наслала на одного из них, который к делу не пускал, болезнь неизлечимую и предложила у нее же полечиться. Обрадовался тот, а бабка говорит: «Вылечу я тебя, касатик, а ты дозволь мне на деда хоть через решетку взглянуть». Сговорились. Бабка стражника лечит, а он ее к деду пускает. Не знал он, что дед от бабкиных глаз сил набирается. И вот набрался дед Вова сил, цепи и кандалы разорвал, двери железные сломал, решетки узорчатые сокрушил и вышел на свободу. Увидели плохиши, что дед-борода на волю вышел. Со страху так деру дали, что собаки-ищейки от них отставали.

А дед Вова поехал к князю-батюшке Игорю, рассказал, как его девять месяцев в темнице держали, холодом да голодом морили и бабку его к нему не пускали. Князь Игорь велел дать деду отпуск на два месяца.

– Отдыхай, – говорит князь-батюшка Игорь, – поправляйся, сил набирайся. В нашем Приднестровье неспокойно, пригодишься еще. Счастливого пути тебе, Борода!

И поехал дед в свою деревню. Бабка рада-радешенька. Собачки Юлька и Глорька перед дедом на задних лапках прыгают. Дед баньку днем строит, а вечером на печке спину греет да трубку с самосадом покуривает. Бабка блины печет да Юльку с Глорькой поругивает, чтоб не бегали где ни попадя, а за курами присматривали: дед в темнице отощал – подкормить надо.

И стали они жить-поживать и добра наживать.

Вот и сказке конец.

Приключения Дакара

Рассказывает о своей судьбе собачка по имени Дакар…

Я помню, как убивали мою мамку чужие и страшные люди. Мне была всего неделя от роду. Деда и бабушки не было дома, они уехали по делам в город. Моя бабушка Юля испугалась и спряталась за сараем, рычала и плакала от бессилия. Когда я попытался защитить маму, получил пинка. Мне было больно и страшно, а бабушка Юля закрывала лапой мне глаза, чтобы я не видел весь этот ужас. Только через неделю приехали дед Вова и бабка Люба. Я сидел на пороге дома заплаканный и голодный. Они сильно горевали, что мою мамку Глорию убили, и очень радовались, что я и моя старенькая бабушка Юлька остались живыми. Бабушка Юля приносила кое-чего из еды, и мы вдвоем этим и спасались от голода. Когда я подрос, стал большим и красивым, узнал от бабушки Юльки, что мой отец живет у богатых и жадных людей и его привязывают на цепь сторожить их добро.

Только однажды и цепь не помогла, когда он увидел красавицу Глорию, мою мамку. Вот потому-то я и уродился в своих отца и маму. Деда Вова учил меня драться и никого не бояться, прыгать через забор и многим другим собачьим премудростям. Потом, ох, как это пригодилось… Бабка Люба назвала меня Дакаром. Это я подслушал, когда они с дедом спорили, какое мне имя дать. Дедушка хотел Мухтаром окрестить, а бабка топала ногой на деда и говорила: «Пусть будет Дакар. Ты что, старый хрыч, про принца Дакара не читал?»

После долгих споров все же нарекли меня Дакаром. А еще моя бабушка Юлька рассказала мне, как они с моей мамкой Глорией, когда меня еще не было, собачью революцию в селе Дубово устроили. Сговорились все собаки и ультиматум хозяевам поставили: «Или с цепей отпустите после службы или добро стеречь не будем». Всполошились хозяева – а как же добра жалко. Так освободили и моего папку, да ненадолго, ворья в селе хоть отбавляй. Я и то на цепь угодил.

Правда, деда Вова помнит условия собачьего ревсовета. Не нарушает их, отпускает, когда я его прошу. Из-за этих воров и нам собакам житья нет. Тащат мешками. Я хотел забрать у одного мешок, да деда Вова не позволил. Каждый раз, когда дед и баба уходили, меня привязывали, но моя подружка, гусыня Гера, развязывала мне ошейник. Я с ней поиграю немного для близиру из благодарности и бегом по следам деда и бабы. Они как увидят, что я их нашел, удивляются: как это я развязался? Я молчу. Не

хочу стучать на Геру. Она мне еще пригодится.

Когда приехал Артем, мне стало веселее. Он водил меня на поводке, играл в пограничников. На время я становился Мухтаром. А к осени, когда Артем в школу поехал в город, мне скучно стало, и решил жениться. У соседей наших, дяди Виталика и тети Тамары, была красивенькая и умная собачка по имени Кукла. Я к ней и так и эдак, ничего не получается. Дело в том, что она по-русски лаять не умела – только по-молдавски. Я ей по-русски «гав!», а она мне в ответ «гав!» Но уже по-молдавски. Мыкался я мыкался, да так и остался холостяком. А Куклу убили те же злые и страшные люди…А хотите я вам расскажу, как попал в неволю? Ладно, слушайте. Деду и бабе не выдала на зиму уголь нехорошая тетя из сельсовета. Раздала его своим родственникам и другим плохишам. Деда пожаловался в городе начальству да без толку. Так и остались без топлива на зиму. Избушку топить нечем, вот и поехали на зиму в город на квартиру. Думали куда меня девать. Квартирка маленькая. Побоялись, что меня отравит злая тетя из подъезда. Решили оставить на попечении соседки тети Люды.

Тут я почувствовал свободу! Деда нет, бабы нет, кого бояться? Бабушка Юля совсем плохонькая стала: не слышит и неважно со зрением. Повадился я частенько в курятник тети Люды заглядывать, чтобы яйцами полакомиться. Ох и вкусные, доложу я вам! Бабушку Юлю тоже подкармливал. Поначалу все было хорошо: вольготно и сытно. Да как-то застукала меня в курятнике тетя Люда. Поколотила и отвела к дяде Мише и тете Соне. Ох, и длинной показалась мне та зима на цепи.

Да что поделаешь? Сам виноват. Уж больно резво за яйца взялся. Вот и облом вышел – заработал на свою шею крепкий ошейник и доброкачественную цепь. Где же ты, моя подружка Гера!? Отвяжи меня родная. Как-то в праздник, по-моему, на Рождество, тетя Соня покормила меня и спустила с цепи по двору размяться. Тут-то мне и пригодились уроки деда Вовы по прыжкам через забор. Сходу перемахнул его и побежал к избушке, где родился и вырос. К моему удивлению и разочарованию, там никого не оказалось. Сбегал к тете Люде, а та, увидев меня, обрадовалась и огорчилась, что я сбежал.

Покормила вволю. Дядя Миша и тетя Соня не больно щедрые кормить – то кормили, да все больше в сухомятку, а бывало кинут кукурузный кочан и грызи Дакар. Сытно похлебав теткиного блюда, я подслушал, как она сказала своей внучке Марьянке, чтобы та отвела меня назад на цепь, так как заметила, что я на курятник стал поглядывать да облизываться.

Да, дорого мне обошлись те яйца – век не забуду. Потом,

когда меня забрали к себе дед и баба, то как только увижу яйцо, падаю на спину, притворяюсь, будто умер, чтобы не видеть это проклятое яйцо, а сам одним глазом поглядываю, куда его положат. У нас, ведь, тоже у собак свои хитрости есть. Прощелкаешь гавкалом, останешься голодным. Сразу же тут как тут кот Тарзан и Гера. Все норовят мое законное яйцо съесть. Кстати о Тарзане. Мы с ним хоть и дружили, но, когда меня привяжут, ни за что не отвяжет: боится деда и все тут.

Гера, она – молодец, повертит головой – никого нет – и отвязывает. Тут я Тарзана на крышу дома загоняю за его трусость. К лету опять приехал Артем. Ему, бедняге, хуже чем мне попадает. Как привяжутся дед с бабой: «Читай!» – и все тут. Совсем обнаглели. Когда дед меня научил считать, то я думал, что и меня за книги усадят. Но нет Бог миловал. Так же как прошлым летом, мы играли в пограничников. Артем, когда увидит в поле ворон, отпускает меня с поводка. Вороны, само собой улетают, а я бегу за ними на ходу считаю. Весело! Гав! Гав! Гав! Гав…

Больше всего я любил кататься с дедом Вовой, бабой Любой и Артемом на машине. Красота! Деда рулит, а я стану на задние лапы и показываю куда ехать. Однажды дед с бабой собирали землянику, а я поблизости околачивался. Вдруг из кустов как выскочит огромный заяц, с меня ростом, я не успел и глазом моргнуть. Открыл было рот – поздороваться, а он ускакал, как и не было его. Дед с бабой ну меня бранить: «Эх ты, раззява! Мог бы и ухватить косого».

Ну да что уж теперь… Да я, если честно, даже связываться не хотел. Что мне яиц не хватает? кстати, дела с яйцами наладились само собой. Деда с бабой тоже завели курочек. Они дуры, несутся где попало. Только успевай Дакар собирать их. А еще любил я с дедом Вовой ходить на рыбалку. Бывало, собирает дед удочки, а сам приговаривает: «Ну Дакар, теперь вся рыба наша!» Много не ловили, но паразиту Тарзану хватало на закуску. Лето незаметно приблизилось к концу. Но осень-тоже веселая пора. вот только скучновато стало стало без Артема.

А мне и без школы ничего: считать дед научил, и на том спасибо, а читать там и писать – как-нибудь обойдусь. Стало холодать. Дед и баба стали поговаривать об отъезде в город на квартиру. моя бабушка Юля умерла, а как же я? Неужто опять в неволю на цепь? Да я лучше яиц объемся, заболею и умру. Стал поменьше бедокурить, глядишь и меня в город возьмут. Слышу, зашептались дед с бабой о моей судьбе. Я не возражал, подошел к ним, посмотрел на них умоляющим ласковым собачьим взглядом. Мол, возьмите меня с собой.

– Ну ладно, – наконец-то крякнул дед и бабе говорит, – возьмем его, неужто опять к чужим на цепь? – Ладно Дакар, собирайся.

Я от радости подпрыгнул и лизнул деда в нос, а бабку Любу прыжком свалил со стула. Только вот, если бы знал наперед, что в будущем со мной сделается, так и не радовался бы. В город приехали на машине. Я деду как всегда дорогу указывал, а он ворчал на меня за то, что я ремень безопасности не одеваю. Спасибо, деда, у меня от ошейника шея не отошла. С нами ехал и кот Тарзан, не бросать же его одного. Так он всю дорогу мяукал то ли от радости, то ли со страху. Я его уговаривал помолчать: мы, звери, понимаем друг друга.

А он все вякает, мол подруга в селе осталась и скоро ей рожать. Успокоил его тем, что на следующее лето приедем. Тарзана отправили к тете Тане с Артемом, а я устроился в квартире деда и бабы, на кухне, поближе к кастрюлям и холодильнику. Конечно, не сравнить с условиями, которые были у дяди Миши и тети Сони: на цепи всухомятку, голодным. Куда там! Баба Люба закормила меня. Мое дело поесть да погулять… Красота! Кайф, балдеж! Разве что по стопарику не наливают.

А так все условия. Захотел, к тете Тане с Артемом сбегаю. Там еще покормят. Наиграюсь с Артемом и домой бегу. По дороге ко мне собаки чужие лезут драться, а я их одной лапой! Не одной шкуру порвал. Беда пришла как всегда неожиданно. Баба Люба уехала в Москву лечить людей. Я и деда дома остались. Кормил он меня неплохо. Но когда я пошел погулять, на площадке лестничной клетки увидел брошенную рыбку.

Взял ее, но не затем, чтобы съесть, а выбросить на мусорку. Потом думаю: «мусорка далеко». Чтобы не бить зря лапы, взял и съел. Как замутило меня, как затошнило! Рвет. Дед испугался. Сбегал в магазин, купил водки, залил в меня, затем в себя. В общем, неделю я пьяный на кухне валялся, но, слава Богу, оклемался. А соседская собака тоже съела отравленную рыбку и тут же скопытилась. Бабушка из Москвы вернулась, а я живой по двору бегаю. Спасибо дедушке – спас меня.

Хорошо в городе вольготно. Я с дедом на базар и в магазин. Других собак не пускают в магазин, а меня – пожалуйте: я ученый. Деда дает мне команды, а я знай себе, исполняй. Все хохочут надо мной, зато я в тепле, не торчу за дверью на холоде. Все было хорошо, но ведь беда приходит, когда ее не ждут. Как-то деда собрался в город Тирасполь получить российский загранпаспорт. Я увязался с ним, хотел проводить до автобуса. По дороге увидел знакомых дружков, они меня позвали на свадьбу. Оно мне надо было? Я, конечно, побежал к ним, про деда забыл.

Он как чувствовал беду. Звал меня, а мне уже не до него было. Так дед сел в автобус и уехал, а я с дружками повеселился и побежал домой завтракать. Откуда выскочили эти собаколовы, я так и не врубился. Не успел и «гав» сказать, как оказался в машине, на которой повезли с меня шкуру снимать. Хорошо, что на живодерке оказался человек, которому я понравился. Он заплатил за меня выкуп. Надели на мою шею ошейник, крепкий поводок и повезли, сам не знаю куда. Так я опять попал в неволю и опять на цепь…Скучаю по прежней жизни. Невмоготу, да что поделаешь? Не послушал деда, вот и результат…

За веру и верность

О возрождении Союза Днестровских казаков я узнал в феврале 1991 года. Верстание в казачество было упрощенным: тогда было не до церемоний. В одном из кабинетов горисполкома г. Дубоссары тех, кто помнил своих предков-казаков, записывали и распределяли по сотням. Запись вел писарь СДК С. Кифа.

Я и командир территориального спасательного отряда г. Дубоссары Слободянюк С.Н. тоже записались. С атаманом ближе познакомился в середине лета в кабинете редактора нашей газеты «Заря Приднестровья» Атаманенко А.М., там же находился и корреспондент газеты, один из инициаторов возрождения Союза Днестровских казаков, И.И. Здоровец.

Атаман Пантелей Семенович Сазонов произвел на меня впечатление умного, обаятельного мужчины лет пятидесяти пяти. Во время нашей беседы я рассказал ему вкратце о своих предках-казаках, что сейчас занимаю должность в ТСО, поинтересовался как мне быть, если начнется война: оставаться в ТСО или перейти в казачью сотню. Пантелей Семенович сказал, что хорошо было бы иметь своих казаков во всех подразделениях: казак нигде свою сущность не теряет. Узнав, что я внештатный корреспондент нашей газеты, поручил мне написать статью о казаках, с намеком, что через неделю на центральной площади города будет сход Союза Днестровских казаков. А так как полиция свирепствовала в то время, посоветовал не подписываться своей фамилией, чтобы не загреметь в кишиневские казематы. Статью я написал под видом фельетона, но она все же привела полицию в бешенство и ярость. Впрочем, судите сами…

«Фельетон»

Донесения разведка приносила неутешительные. Сход Дубоссарских казаков СДК грозился вылиться в штурм районного отдела полиции. Беспокойно ржали кони под седоками, звенели шпоры, кое-кто из казаков правил шашки. «Пропала карьера, – подумал Иван Петрович. – Угораздило же меня в самое пекло напроситься! Сидел бы себе в Оргееве, так нет, в Дубоссары за повышением потянуло».

Наконец-то приехал Ваня Смоквин. Истинный сын волчицы римской, лучший разведчик. «Если все обойдется, к младшему представлю», – заявил комиссар полиции. Вид у Ванюши был грустный и понурый. У «росмовцев» РОСМ (рабочий отряд содействия милиции Приднестровья) противогазные сумки набиты гранатами. Сход казаков закончился словами атамана: «Казаки, по коням! Рысью марш!»

Уже слышен цокот копыт все ближе и ближе. Иван Петрович выглянул в окно. Из кустов выглядывали «росмовцы» со связками гранат.

– Где Колесник, черт побери? – выбежал из кабинета и споткнулся об чьи-то ноги.

Оказалось, Миша Таборэ спрятался под стол секретарши, а ноги не влезли.

– Черт, а говорил, что будет отстреливаться до последнего патрона, зря звездочку ему кинули, – мелькнуло в голове Рачулы.

Колесник сидел за столом и что-то писал. Пистолет лежал под рукой.

– Возьми триколор, тьфу ты, белый флаг, выйди и скажи им, что сдаемся. Ты хохол, тебя они не тронут.

– Мэ тем домнуле командат! (Боюсь, господин комиссар! – молдавский язык)

– Надо же, – поразился Иван Петрович, – по-русски двух слов связать не может, а тут выдал такое!

Грохнул взрыв, тупо ударило в бок. «Грана-а-а-а-та! – застонал Иван Петрович, теряя сознание.

– Ваня! Ваня! Проснись! – тормошила его жена, толкая локтем в бок. Иван Петрович свесил ноги с дивана, холодный пот струился по всему телу. «Надо же такому присниться. Пора с этим кончать».

Наутро, построив личный состав, комиссар недовольно поморщился: больше половины русских, где национальные кадры брать? Этих, как ни корми, в кустарник, или как это по-ихнему, в лес глядят. «Приказываю вырубить! Кусты и деревья не жалеть,

мешают. Всякие подбираются и в окна заглядывают, дежурным в карты не дают играть. Заодно и приборы ночного видения испытаем, а в случае чего на казаков свалим: шашками, мол порубили», – вспомнив дурной сон, сказал Иван Петрович.

До схода казаков оставалась неделя.

* * *

Шло время, обстановка в городе накалялась и взрывалась. Это были и сентябрьские события у здания полиции 25 сентября, и 13 декабря на «кругу». Практически повседневные провокации Молдовы и ее полиции держали молодую Приднестровскую Республику и ее население, в том числе и казаков СДК, в большом напряжении. Зная, что война неизбежна, а полиция Молдовы вооружена до зубов, и будут большие жертвы среди мирного населения, атаман СДК П.С. Сазонов, посовещавшись с казаками, обратился к братьям – казакам России за помощью.

В Тирасполь и Дубоссары в начале февраля 1992 года стали прибывать сначала Кубанские, Донские казаки, затем и со всей России. С Донскими казаками я познакомился в здании ДОСААФа, где их поселили. Это были ребята из Ростова-на-Дону Юрий Джура и Юрий Мафаня. Подтянутые, ловкие, и не кичливые, они успевали везде, были в гуще всех событий, как на левом берегу Днестра, так и в глубоком тылу Молдовы. О чудесах их храбрости и верности Отчизне написал в своей книге «Дубоссары 1989-1992 г.» В.В. Дюкарев. Мне выпала честь быть участником штурма здания полициинг. Дубоссары. Я был свидетелем их активного участия в штурме, на наших глазах пал смертью храбрых юный казак из Волгодонска Миша Зубков, и это было только начало…

Командиром Дубоссарского ТСО Слободянюком С.Н. была сформирована группа для ликвидации полицейского поста в нашем глубоком тылу, где они устроили себе кормушку в виде овечьей фермы. Мне тоже было предложено принять участие в ликвидации гурманов, любителей баранины. С нами поехали и вездесущие Ю. Джура, Ю. Мафаня и около десяти кубанских казаков.

Выехали ночью, около пяти утра были на месте. Решили подождать пересмены полицейских и покончить со всеми вместе, прихватить БТР, на котором, как нам было известно, полицаи приезжали на смену. Ферма, которая располагалась в низине, была нами окружена, а мы находились на высоком месте. Чтобы наблюдать скрытно, я подошел к кустам терновника, росших на

пригорке. В середине кустов было нечто входа, одна из веток была аккуратно срезана. Я подумал, кому это понадобилось? Вошел в кусты, прилег и в бинокль стал рассматривать территорию фермы.

Была ранняя весна, утро было прохладным. Туман в низине стал рассеиваться, рассветало, ферма стала пробуждаться. Двое полицаев с автоматами за спиной стали обходить территорию фермы. Мне захотелось покурить. Достал сигарету, осторожно прикурил, затянулся и вдруг увидел перед своим носом суровую зеленого цвета крепкую нитку, идущую от ветки куста в землю. Я сразу понял все: и значение срезанной ветки, и назначение нитки. Кусты были заминированы. Меня пробил холодный пот, при мысли о том, что будет, если я зацеплю растяжку. Отодвинувшись от злополучной нитки насколько мне позволило узкое пространство, выбросил автомат и бинокль в выход, какая-то сила резко выбросила меня из кустов. Подобрав автомат и бинокль, я доложил командиру о случившемся.

Вот таким варварским способом полицейские обезопасили себя от постороннего наблюдения. Им было наплевать, что на моем месте мог бы в кусты зайти ребенок или кто-нибудь из работавших недалеко в поле людей. Только благодаря воле Всевышнего меня не разорвало в клочья, и я чудом остался в живых.

Прождав до десяти утра, мы поняли, что смена в этот день не приедет. Решено было атаковать, дана команда к бою, и бесстрашные казаки цепью пошли к зданию поста полицейских Молдовы. С крыши здания заработал пулемет, из окон раздались автоматные очереди. Я и Сергей Николаевич зашли с тыла и подавили огонь пулемета двумя автоматами. Два выстрела атакующих казаков из гранатометов успокоили навсегда любителей баранины в нашем тылу. Без потерь мы вернулись в город, где все больше и больше разгоралась война. Бойцам ТСО, казакам и гвардейцам командованием обороны города Дубоссары была поручена оборона Полтавского моста через р. Днестр. Нехватка оружия и боеприпасов могла окончиться для нас и для жителей города трагедией. В случае прорыва через мост бронетехники противника, а за ней и полицейских, могла окончиться для всех большими жертвами.

Назревала кровавая развязка. Учитывая все это, совет обороны моста решил не рисковать, а заминировать мост и в случае прорыва подорвать его. Роль казаков в минировании моста была одной из ведущих. Вместе с гвардейцами и бойцами ТСО под шквальным огнем противника казаки наряду со всеми носили взрывчатку к мосту, а ее было около 200 кг.

От схемы заминированного моста был протянут телефонный кабель. Взрывная машинка и ключ к ней вместе с прибором для контроля на случай обрыва находились у командира обороны поста. Поняв, что Дубоссары сходу не взять, президент Молдовы Мирча Кровавый зачитал по средствам массовых информаций ультиматум, в котором он, напыжившись грозно, вещал, что если Приднестровье в течении 24 часов не сложит оружие и не позволит полицаям навести «конституционный порядок», то его опричники – полиция, вооруженная бронетехникой, крупнокалиберным автоматическим оружием, одетая в бронежилеты, – сметут нас с лица земли, защитников молодой Республики. Мы и наше руководство хорошо представляли себе, что может произойти, если озверевшие нацисты, прорвав оборону моста, ворвутся в город. Защитникам моста, вооруженным одним автоматом на троих, с минимальным количеством боеприпасов, вряд ли удалось бы сдержать натиск орды, несущей всем смерть и горе. 16 марта Мирча Кровавый получил ответ на свой ультиматум. Мост был взорван. Осознав историческую миссию, казак СДК, несмотря на большую вероятность быть накрытым поднятыми в воздух глыбами бетона, нажал кнопку.

С взрывом моста проблемы по наведению «конституционного порядка» президентом Молдовы отодвинулись на неопределенное время, и как потом оказалось, навсегда. Средства массовой информации Молдовы по поводу взрыва моста подняли оголтелый вой, обвиняя защитников Приднестровья в желании разрушить всё.

По поводу этого в своих стихах дал им меткий ответ писатель, журналист и публицист, прибывший по зову сердца, патриот с севера европейской России, Спичак Григорий Иванович.

Сколько в мире есть правд, сколько вздора!
Их тебе ли, Россия не не знать!
Вдоль Днестра с перерезанным горлом
Ночь ложится, чтобы не спать.
Здесь метал мягче сердца и взгляда,
Здесь вино бродит сорта «Война»,
Приднестровская наша Гренада,
Баррикадная наша страна.
«Алазань», БТР, учат дети,
Меседжер учит врать и стрелять
Правый берег Румынией бредит,
Левый учится насмерть стоять.
Нет у этого берега Прута.
Есть Печора, есть Дон, есть Ока.

В Волгодонске заплачет Анюта,
Не дождавшись с Днестра казака.
Мать Россия, судьба твоя горька,
Что ни век – бродит ворог и тать.
Ты за век натерпелась столько,
Что уже разучилась мечтать.
Сыновья рвут мосты и дороги,
Жилы рвут и сердца – на свинец,
А над Кошницей плакали Боги
Золотыми слезами сердец.
Вдоль Днестра и туман, и обманы,
Бьет крылом белый аист страны.
Черным хлебом Русь вылечит раны,
Красной чаркой Днестровской воды.

Г.И. Спичак, 1992 г.

* * *

Шла война. Воины Днестровского союза казаков вели тяжёлые оборонительные бои на плотине Дубоссарской ГЭС.

Я вместе с ротой бойцов ТСО с обороны моста, в которой уже не было необходимости, был переведён на линию обороны ЖБИ-9 вместо погибших донских казаков, которые приняли мученическую смерть, будучи заведёнными в засаду полиции Молдовы предателем. Вместе с ними погиб и казак ДСК Кожухаров В.Ю.

Горечь потерь своих товарищей преследовала нас почти ежедневно. 2 апреля 1992 года скорбная весть о гибели первого атамана ДСК, Сазонова Пантелея Семёновича, облетела город, Приднестровье, Россию почти мгновенно. Стоя у гроба и провожая его в последний путь, мы понимали, что наш атаман стал строже, значительней и, увы, уже недоступным. Им завладела смерть и вечная Слава, он стал принадлежать не только нам, казакам, а всему народу Приднестровья, России, вечности.

Тяжёлая утрата не сломала волю казаков ДСК к Победе, они продолжали сражаться и за своего погибшего атамана, проявляя чудеса храбрости. Из рук сражённого пулей врага Пантелея Семёновича знамя казаков подхватил Шакуро Юрий Васильевич и пронёс его с честью и достоинством через всю войну…

Ближе к окончанию войны, в середине июля, недругами Приднестровья стали распространяться слухи, дескать, казачки

шалят: то в чей-то брошенный беженцами дом залезут, то кого-то побьют и что-нибудь отберут. Во время перемирия вдруг на линии соприкосновения поднимается стрельба. Чаще можно было услышать о какой-то третьей силе. Мы были в недоумении.

Как-то вечером, около 22:30, ко мне подошёл взволнованный боец ТСО Николай Деренуца и доложил, что его на улице Мира остановили какие-то люди, вроде похожие на казаков, но больше смахивающие на бандитов пана атамана Грицька Таврического из кинофильма «Свадьба в Малиновке». Затащили в двухэтажный дом и пытались отнять автомат. Кое-как вырвался от них, подыграв им, что он свой, то есть такой же, как и они. Те были изрядно пьяны и отпустили нашего бойца. Я доложил командиру С.Н. Слободянюку. Он сказал мне, что надо позвонить в комендатуру города, что я и сделал. Комендант Саша Гамов сказал, чтобы я брал своих людей и задержал тех. Я ему ответил, что те люди изрядно пьяны и вряд ли впустят нас в своё убежище без сопротивления, могут быть жертвы с обеих сторон. Гамов со мной согласился, и мы договорились окружить дом этих, с позволения сказать «казаков», как они потом и представились, на рассвете, в 5 часов утра, когда их сон будет крепок.

В 5 часов утра дом нами был окружён. Саша Гамов первым вошёл в дом и, не увидев никого на первом этаже, махнул рукой, чтобы зашёл и я. Мы тихонько стали подниматься по деревянной лестнице на второй этаж, на этот раз я был впереди Саши, так как лестница была узкой. Вдруг из входной двери одной из комнат вышел молодой паренёк с автоматом на груди, но не направленным в нашу сторону. Мне удалось быстро отнять у него автомат, я приказал ему молчать. В комнате спали крепким похмельным сном еще шестеро, между ними лежала молодая, крепко потрёпанная девушка. Вошедшие за нами бойцы собрали на полу оружие. Подняли это странное, живописно одетое то ли в непонятное обмундирование, то ли в выброшенную за ненадобностью потрёпанную грязную солдатскую форму «Войско».

Один из них представился командиром, а это его ребята, Ленинградские казаки, выполняют какое-то важное особое задание. Документов ни у кого не было, в каких-то ящиках находились боеприпасы, отпиленные зачем-то приклады автоматов, новые вещи. Без слов стало ясно: это лже-казаки, мародеры. На передний край пробирались за оружием к зазевавшимся воякам Молдовы. В случае неудачи, под огнем нашего противника уходили в город и там пытались хоть чем-то поживиться. Вот тебе и казачьи шалости, третья сила! Эти «особисты» были переданы на «воспитание» Донским и Кубанским

казаками, получив изрядное количество плетей, были выдворены за пределы боевых действий.

Так было покончено с нехорошими слухами о казаках.

Население города относилось к казакам с огромной любовью и уважением. Многие приехавшие на помощь Приднестровью казаки нашли себе подруг и, женившись, остались жить в Дубоссарах, Григориополе и других городах Приднестровья. Вместе с казаками Черноморского казачьего войска они внесли неоценимый вклад в оборону Приднестровья.

Любимцы города, Юрий Джура и Юрий Мафаня, уехали в Ростов-на-Дону, к себе на Родину, где живут и сейчас. Жора Цыкин после окончания войны в Приднестровье уехал защищать независимость Абхазии, после победы над грузинскими националистами подался в Чечню. Душа его стремилась помочь всему миру – погиб казак, покрыв себя славой неугомонного воина-освободителя. Днестровский Союз казаков влился в ряды Черноморского казачьего войска. Не посрамив, а приумножив славу своих предков Черноморского казачества, коих девиз: «За Веру и Верность!» – не расходятся с делом.

Тарзан

Побывав в украинском селе Должанка у знакомых, мы, т. е. я и моя Любаша, возвратились домой, в свое село Приднестровья Дубово, с подарком.

Добрые знакомые подарили нам котика. Он был маленький, но некапризный, наоборот, очень игривый и бойкий. Карабкался на все высоты, имеющиеся в доме и во дворе, залезал на крышу дома, на дымоход и оттуда хитро поглядывал.

Окрас у нашего котика был как у маленького тигренка, только серого цвета. За любовь покорять высоты мы назвали его Тарзаном.

Прошёл год… Наш котик вырос, повзрослел, но не остепенился, по-прежнему был весёлым проказником. Также залезал на самые высокие места, ловил мышей, крыс, не брезговал и воробьями. Цыплят не трогал. Уж очень больно долбит по голове своим как железным клювом, цыплячья мама квочка. Того и гляди в глаз саданет, зрения лишит и что тогда… Кутузов!

После нескольких попыток сблизиться с цыплятами и получив должный отпор от заботливой мамаши цыплят, Тарзан плюнул на это дело и успокоился. В Приднестровье шла война, Молдова воспылала страстной любовью к Румынии и хотела присоединиться к ней. Румыния тоже полюбила Молдову, но ложиться в одну постель (брак намечался однополый), без приданого не хотела. Приданым, решила для себя Молдова, будет Приднестровье.

Да, а что делать! Ну не хотят приднестровцы в Румынию, даже мамалыгой досыта кормить обещали, бесполезно… Значит силой оружия надо брать… В конце мая – начале июня, между боями, при одном из так называемых «перемирий», мне удалось вырваться на сутки домой, чтобы привести себя в порядок. В саду нашего дома поспела черешня. Ночью я захотел пить. Не зажигая свет над порогом дома, я пошел в сад и стал на ощупь рвать и есть сладкую, сочную и спелую черешню. Вдруг мою руку, протянутую за очередной порцией черешни, обхватило кто-то или что-то нечто лохматое…

У меня волосы стали дыбом (тогда у меня еще на голове были волосы). Выдернув руку, я побежал включать свет, сзади меня кто-то бежал и барабанил по голым пяткам. Потеряв один тапок, добежал до порога дома и включил свет. Передо мной с невинным видом стоял наш кот Тарзан и как мне показалось улыбался.

«Надо же, напугал вояку», – подумал я. Пригладив ещё торчавшие дыбом волосы на голове, пошел спать.

Другая история с участием Тарзана случилась с нашим зятем Сережей. Приехал он однажды к нам в село проведать любимых тещу и тестя. Похоже, сильно соскучился. Покормила его теща, а после этого что делают тесть и теща? Нее, не спать укладывают, а ищут ему работу. А работы в селе и искать не надо, сама за руки да ноги цепляется.

Во дворе лежала большая куча напиленных мной дров. Задача Сереже была такая – перетащить дрова под навес, чтобы не мокли, когда пойдут дожди. Сережа парень покладистый, не возражая, резво принялся за работу. На входе навеса была прибита широкая доска. Носит Сережа дрова и перед ней пригибается с каждым разом все ниже и ниже. Я возился во дворе с мотоциклом и наблюдаю такую картину: наш Тарзан при подходе Сережи бьет его лапой по голове, затем вдогонку добавляет по затылку.

Меня удивило то, что Сережа не посмотрит вверх и не прогонит проказника Тарзана. Через несколько минут Сережа вспотел и присел на порог дома покурить. Взгляд у него был какой-то отрешённый.

– Что, Серёжа, устал? – забеспокоилась заботливая теща.

– Нее, мам, только даже не знаю, как вам и сказать… – что-то у меня с головой. – Кажется я поймал белочку, пора завязывать.

Наш зять хоть и не пил, т. е. выпивал, но не так чтобы сильно, один раз в день два, три, но так, чтобы часто, нет, ни боже мой. Любаша, т. е. Сережина теща, посмотрела в сторону навеса и увидела Сережину «белочку»…

Я приложил палец к губам, давая знак, чтобы не выдавала Тарзана. Тем временем я отправил хулигана незаметно на чердак и закрыл его там. Теперь Сереже «белочка» не мешала работать, и он успешно справился с заданием. Прошла неделя, звонит наша дочь Таня.

– Мама, что-то с Сережкой случилось, не пьет уже вторую неделю, бормочет про какую-то белочку. Чем вы там его так запугали, что он так резко бросил пить?

Любаша захохотала, потом доча, потом… у нас есть секретное лекарство… С тех пор наш Сережа не пьет и другим не советует.

Украденные праздники…

Первое мая! Это пик буйного цветения природы, это праздник трудящихся всего мира. В разное время по-разному отмечали этот замечательный праздник. До революции люди собирались тайком, рискуя быть брошенными в тюрьмы. Мне, рожденному в победные дни Великой Отечественной войны, приходилось встречать этот праздник в разных местах и в разных ситуациях. В школьные годы мы несли портреты руководителей ЦК КПСС, транспаранты с лозунгами, знамена. В 1961 году и позднее прибавились портреты любимцев народа – космонавтов.

Это был один из самых любимых праздников! Люди ликовали, радовались огромным достижениям в строительстве ГЭС, каналов, покорении космоса. Это было время бурного подъема, освоения целины, строительства БАМа. Будучи в то время моряком загран. плавания, мне приходилось встречать этот праздник, да и другие, куда как более скромно, выше описанного. В океане не было трибун, лозунгов и т. д. Мы трудились, и чем богаче был улов рыбы, тем больше было в магазинах морепродуктов. Никому тогда и в голову не приходило обменять свой нелегкий труд на «зеленые». Заполнив трюма, выполнив и перевыполнив план, мы с гордостью доставляли добытое в родной порт.

Первого мая 1992 года помню, праздником тогда и не пахло! Хотя так же, как и в мирное время, буйно цвели сады, вишня, сирень… Шла война. Война, развязанная националистами Молдавии против народа Приднестровья. Идея присоединения к Румынии не была поддержана приднестровцами. С оружием в руках патриоты отстаивали свое право говорить на своем языке и не стать рабами румын.

Я находился на северном фронте г. Дубоссары, на линии обороны ЖБИ-9. Вместо приветственных лозунгов в нас со стороны Молдавии летели снаряды, мины, пули, угрозы. Сегодня мы встречаем праздники в условиях блокады, объявленной Приднестровью, «доброжелателями» Молдавии и Украины. Но не все так мрачно. С нами Великая Россия! Она в беде нас не оставит! С нами надежда на признание Республики, и тогда мы смело будем говорить друг другу: «Вот и на нашей улице праздник».

Грибной суп и умные собаки

Лес у нас прямо под боком…От нашего дома рукой подать. Остается перейти через автотрассу, дальше по асфальтированной дороге пройти метров триста, и ты в прекрасном сосновом лесу. После обильных дождей в начале осени можно грибов набрать, маслята, лисички, ближе к концу сентября пойдет рядовка, созреет кизил, орехи, шиповник.

Природа не жадная, бери сколько тебе надо, только не надо пакостить. Убери за собой мусор, потуши костер. Берегите природу, Мать вашу… И она Вас отблагодарит своими щедрыми дарами. Все чем богата, отдаст человеку, и своих обитателей не обидит. В предвкушении грибного супа нам с Любашей казалось, что в воздухе витает ароматный запах грибов из кастрюли со сваренным супом. Быстро собрались и подались в сторону леса. Подойдя вплотную к опушке леса, мы уперлись в высокий забор из металлической крепкой сетки. Оказалось, предприятия, которые располагались на прилегающей к лесу территории, приватизированы (читай: прихватизированы), и предприимчивые новоявленные хозяева отгородили лес от жителей поселка вышеописанным препятствием.

Пришлось мне и Любаше топать в обход, через поселковую свалку мусора, чтобы попасть в лес. Побродив по лесу, мы так грибов и не нашли, но было видно, что люди здесь побывали и «подмели» все, нам даже на супчик не оставили. Решили не терять время и вернуться домой. Подошли мы точно к тому месту, в которое уперлись, когда шли к лесу, т. е. к забору. С краю леса лежали порезанные автогеном емкости из нержавеющей толстостенной стали, готовые для отправки на металлургический завод как металлом. Было что скрывать за высоким забором… За копейки купил «предприниматель» предприятие, а ценное якобы устаревшее оборудование резали и везли на металлургический завод (навар конкретный).

Постояв немного у забора, мы все же решили значительно сократить обратный путь. Тем самым компенсировать себе потраченное на обход время и неудачный поход за грибами. Суп на обед с вкусным грибным ароматным запахом откладывался на неопределенное время…. Помогая друг другу, мы перелезли через забор и двинулись в сторону дома.

Но не тут-то было, из-за здания то ли офиса, а может сторожки выскочили две собаки, впереди, оскалив зубы, бежала на нас овчарка серого цвета (больше похожая на волка), за ней, приотстав, лениво трусил приличного роста бульдог. Не знаю

почему, но ни я, ни Любаша не испугались. Заслонив собой Любашу, я поднял ладонь руки вверх и приказал: «Стоять!»

Обе собаки резко остановились и дальше пошли с нами рядом. Когда мы поравнялись с зданием, то за углом увидели двух криво ухмылявшихся подонков, которые натравили на нас собак. Похоже, их обескуражило то, что собаки оказались умнее их и не порвали нас… Ну, а суп грибной мы поели в другой раз.

Три берёзы

Стела гордо стоит, охраняя родник.
Три березы у стелы, как заплаканный лик.
Приднестровья сыны здесь пали в бою,
Защитив свою память – Отчизну свою.
Расскажите, березы, про дни декабря,
Как на город родной шла «румынов» орда.
Как сражались гвардейцы в едином строю
За свободу и счастье в цветущем краю.
Встали наши орлы у врагов на пути,
Грудью город прикрыли – врагу не пройти.
Из вражеских рук застрочил автомат,
Пали братья мои, и уже не поднять.
Расскажите березы, как алая кровь
Потекла к роднику, как смешалась с водой.
И теперь здесь аллея с днестровской волной.
Днестр несёт свои воды тысячи лет.
Донеси до Бендер от березок привет.
Льется кровь – в Дубоссарах убитые есть,
За республику, за Приднестровскую честь.
Командир наш, гвардеец Владимир Щербатый
Пал геройски, не ожидая пощады…
Он до смертной минуты строчил с автомата,
«Детей берегите! Прощайте, ребята!»
Александр Патергин был убит в том бою.
Но и мертвый сегодня стоит он в строю.
Рожденного сына не увидел солдат,
А ныне их дети в строю уж стоят.
Дубоссары не сдаются, в кольце палачей.
Деревья седеют от гневных речей.
Площадь Победы – последний оплот,
Здесь насмерть стеной встал местный народ.
Как рыбницкий друг, три березы мои –
Вы как символ, самой природы стоит.
Вы березы мои – символ древней Руси
Шесть приднестровцев у вас полегли.
Приголубьте Вы их, приглушите их боль –
Приднестровья сыны – гордость, сила, любовь.
В том неравном бою рядом стойко стоят
Молдованин, украинец, русский собрат.
Юрий Цуркан – герой – умирает от ран,
но ты празднуешь зря, наглый вражеский стан!

Семь сирот в Дубоссарах отцов своих ждут,
Пять из них только в Рыбнице папок зовут.
Снегур, Косташ – убийцы молдавской войны,
Плачут сестры-березы и листвою шумят.
Вспоминая героев – приднестровских ребят,
Вы растите на воле в Приднестровской земле.
Наши герои и жизни не жалеют в борьбе.
Мы стоим здесь насмерть не щадя живота,
Слава павшим, память Вам на века!

Е. Рождественский, г. Дубоссары, 1991 г.

Эдельвейсы для Любаши

К новому берегу

Ну вот и всё… Мы уезжаем. Прощай, Киргизия, прощай, прекрасный город Фрунзе, здесь хорошо, но нам в Молдавию ехать надо… Завтра в пять утра выезжаем. Намерены мы с Любашей проехать пять тысяч километров. Проложив маршрут на карте автомобильных дорог (тогда СССР), решили ехать… И на чем вы подумали? Нет не на «Антилопе Гну», она памятник, который стоит в Одессе, кто ж на памятниках ездит? А ехать мы решили на «Запорожце». С ума спрыгнули, скажете Вы, и, похоже, где-то будете правы. Но мы молодые, отчаянные, решились испытать себя и недавно купленный, почти новый «Запорожец».

Машина, если позволите так выразиться, была исправна, небольшой пробег, новые скаты. Ну что ж поедем, авось не подведет. Да и если все будет хорошо, какая реклама Запорожскому автозаводу! Один экземпляр ключей от квартиры мы отдали новому владельцу, контейнер с вещами отправлен в Молдавию в г. Дубоссары, где по обмену нас ждала уже наша квартира. Переночевав в последний раз, в пять утра погрузили остальные вещи, продукты, воду, две канистры бензина по двадцать литров и двинулись в дальний, полный неизвестности путь.

Что же заставило вас (т. е. нас) оставить солнечный Киргизстан и прекрасный, как вы (т. е. мы) сами сказали, город Фрунзе? И Вы опять будете правы, вопрос далеко не праздного любопытства. В город Фрунзе я и Любаша приехали из Новосибирска также по обмену. У Любаши была тяжелая травма головы, и сибирский климат с резкими перепадами температуры мучил ее сильными головными болями. Сам я родом из Молдавии, и мне хотелось на Родину. Но в Молдавию попасть проблема, не было желающих ехать оттуда в Новосибирск. В Киргизию нам как-то предложили поменяться две пожилые сестры, они решили объединиться, а одна из них как раз и жила в Киргизии, теперь переезжала в Новосибирск.

Приехали в свое время мы в Киргизию прямо в столицу, в город Фрунзе. Дом наш находился в знаменитом парке «Дружба», который посетила когда-то премьер Индии Индира Ганди…

Обследовав квартиру, мы пошли в магазин купить продукты и овощей, цены нас поразили. Килограмм помидор стоил 40 копеек, лук, баклажаны и прочие овощи против цен Новосибирска стоили баснословно дешево. Повезло, осталось дело за малым, найти работу. Прописавшись и став на учет, в военкомате я узнал, где находится управление рыбоохраны «Востсреднеазрыбвод»

и поехал спросить, не найдется ли для меня работа инспектора. Захожу в отдел кадров. Молодая симпатичная девушка, инспектор по кадрам, сказала мне, что начальник управления в командировке, есть его зам – дескать, поговорите с ним. Захожу, представляюсь:

– Работал в Новосибирске в управлении «Среднеобьрыбвод» районным госрыбинспектором опергруппы.

– Ого! Должность солидная, у нас таких должностей и в помине нет, – сказал мне зам начальника управления Старцев Анатолий Александрович. – Вот что (он сразу стал обращаться ко мне на ты), – не знаю, когда приедет начальник управления Кубатбеков, да если и приедет, сомневаюсь, что он примет тебя на работу. Должность есть участкового инспектора опергруппы, но он принимает только национальные кадры, а ты, как я понимаю, не киргиз. Документы с собой? Быстро в отдел кадров оформляться, завтра на работу. Да, подожди, а жена тоже не устроена?

– Нет.

– Ладно, иди оформляйся, я звоню в отдел кадров, жену тоже пристроим, есть у меня такая возможность.

Вечером, гуляя в парке, я и Любаша, услышали:

– Эй, сибиряки!

Мы сначала опешили – кто нас здесь знает? Оказалось, Анатолий Александрович с женой тоже гуляли в парке. Мы подошли к ним.

– Ну вот, Оля, – обратился к своей жене Анатолий Александрович. – Знакомься: я тебе говорил о них. В общем, так ребята, нашлась работа и Любе. Мой друг, начальник управления коммунального хозяйства Киргизии, согласился взять ее на должность старшего инженера по технике безопасности. Как, устраивает?

– Да, – ответила Любаша.

Анатолий Александрович дал номер телефона и объяснил, где найти здание горисполкома, в котором располагалось Управление Коммунального Хозяйства. На другой день моя Любаша уже работала старшим инженером по технике безопасности.

Все у нас складывалось хорошо и на работе, и в быту. Мы быстро нашли себе друзей, это были в основном русские семьи. Киргизы были какие-то хмурые и неприветливые. Сережа Торопов, старший ихтиолог Управления «Востсреднеазрыбвода», учил меня жизни в новых условиях:

– Это, Володя, тебе не Новосибирск. «Звери» не признают советскую власть, забудь. Здесь только названия советские…

– Какие звери? – я стал оглядываться и не увидел даже ни одной собаки. Похоже их прибрали корейцы, любители мяса собак.

– «Зверями» здесь называют киргизов, – ответил Сережа.

Фрунзе – многонациональный город. Здесь жили русские, украинцы, чеченцы, корейцы, курды, казахи, выходцы из Китая – дунганы, и много других национальностей. Все жили в основном компактно, диаспорами. Между собой не враждовали, но и особой любви друг к другу не проявляли. Начальник управления Кубатбеков поначалу делал вид, что меня нет, т. е. я не существую. Здоровался со мной едва открыв рот и в ответ на мое «здрасьте» что-то буркнет. Для начала он поручил мне разработать положение «О лицензионном лове рыбы в Киргизской ССР».

Когда я успешно справился, меня отправили с этим положением в Ташкент на сборы инспекторов из всех управлений рыбоохраны. Там я прочитал лекцию, и похоже многим понравилось. После сборов была организована поездка в древний город (2750 лет) Самарканд. Сам город был не очень, вернее совсем не очень тогда, сейчас не знаю. Саманные домишки, обмазанные глиной, многие женщины ходили в паранджах. Для меня, советского человека, это было возвратом на уроки истории средних веков. Восточный базар – это да! Дыни, виноград (и не выше трех рублей), что не спроси «тры рублы», и это в январе! Конечно же, самое большое впечатление и на всю жизнь произвели на нас минареты, гробница Эмира, усыпальница Тимуридов и великого астронома Улугбека… И его обсерватория.

Домой я вернулся с огромной трехрублевой дыней (потратился.) Любаша была в восторге. Мы пригласили друзей и в конце января торжественно съели дыню…

После моей поездки в Ташкент, Кубатбеков стал немного добрее ко мне и поручил переписку с Главрыбводом, а так как Главрыбвод не очень часто «бомбил» указаниями, у меня было время ездить с опергруппой и приводить в порядок браконьеров, которые бесчинствовали на озере Иссык-Куль и в других местах. Это и горные реки Ак-Су, Ала-Арча, Чу, Токтогульское водохранилище, высокогорное озеро Сонг-Куль (мертвое озеро). Озеру Сонг-Куль название было дано преждевременно. Привезенная из Армении (Озера Севан) и акклиматизированная форель в озерах Сонг-Куля и Иссык-Куля росла до веса более 20 кг за счет анчоуса, которого было более чем достаточно в обоих озерах. В Армянском озере Севан, достаточно загрязненном и с подорванной кормовой базой, эта же форель росла только до пяти килограммов.

Засада в горах

В высокогорном ауле Кочкорка находилась одна из районых рыбинспекций, управления «Востсреднеазрыбвода», которую держал (не ошибусь в выражении) бай Джюнусов Джюнус Джюнусович. Табуны его лошадей паслись в горах, и там же – бесчисленные отары овец, а тут еще и районную рыбинспекцию подарили, вместе с озером Сонг-Куль и форелью, в придачу рыбозавод, по воспроизводству малька из икры. Загородился бай, ох, загородился! Забыл, что с начальником управления нужно делиться. Осерчал начальник управления, вызвал своего второго зама Садыкова Сагымбека Кайбулдаевича и меня. Поставил он нам жесткую задачу, съездить в Кочкорку и разобраться с этим «Змеем Горынычем». Ну что ж, берем «Уазик», шофер очень опытный – Валентин Иванович. Едем. От Иссык-Куля поворачиваем вправо в горы, машина от недостатка кислорода чихает, но она в руках опытного шофера.

Высота более пяти километров…

– Вот что, Владимир Николаевич, ты не вмешивайся в это дело, я сам справлюсь, только ты поддакивай, – сказал мне Садыков. – Авось одолеем, не съест он нас живьем…

«Ну живьем – нет, а там посмотрим», – подумал я. В общем встретились мы с этим баем-раздолбаем. Долго торговались за шикарным столом (шикарным не потому, что накрыт всякими яствами, а по форме и размерам), одолели мы Джюнусова под неопровержимым давлением фактов: его фиктивных протоколов, ведомостей с присвоением зарплаты своих сотрудников (кстати, они даже не знали, что им полагается зарплата), и многих других нарушений, он подписал акт проверки. Обратную дорогу он пообещал короткой, у него ГАИ и милиция куплены.

– КПЗ вам светит, а там посмотрим, – сказал он и ехидно добавил, – ждет вас моя засада.

На такой ноте мы распрощались с «гостеприимным», считай бывшим, начальником Кочкорской районной рыбинспекции. Дальше мы поехали проверять работу рыбзавода, который был построен на берегу красивого живописного озера. Озеро Сонг-Куль находится в горной чаше размером где-то около одной третьи озера Иссык-Куль. Вокруг всей этой красоты горы (высота шесть километров) на склонах росли эдельвейсы. Я собрал букет для Любаши, вручил ей по приезду домой, чему она очень обрадовалась. Прошло около тридцати лет, а эдельвейсы до сих пор бережно хранятся…

Может кого-то и тошнило от вида красной икры и форели, но

нас нет. Взяли мы себе несколько килограммов форели и соответственно икры для дегустации на дому. Далее перед нами стал вопрос, как проскочить незамеченными мимо купленных Джюнусовым гаишников…

– А никак, – вмешался в наш разговор Валентин Иванович. – я знаю старую заброшенную дорогу, по ней и спустимся из ловушки.

– Ну что ж, поехали, – согласился Сагымбек Кайбулдаевич. И только благодаря умению Валентина Ивановича классно водить машину почти по отвесному спуску, а это около 60 километров, частенько приходилось, остановившись, откатывать с дороги камни и даже приличные валуны. Мы выехали на трассу вдоль горной реки Аксу. А дальше я представил себе, как доморощенный советский бай-раздолбай, если не сказать покруче, топал ногами, брызгал слюной на ни в чем не повинных гаишников…

За свержение бая нам Кубатбеков объявил благодарности. Мы с Валентином Ивановичем шутя посетовали, что не конфисковали у того табуны лошадей и отары овец. Когда я также в шутку поделился своими мыслями с Сагымбеком Кайбулдаевичем, он сказал: «Не было на то указания, а то бы…»

Я представил себе, как мы спускаемся с гор с табунами лошадей и отарами овец. Ничего, зато завод по воспроизводству севанской форели ему уже не принадлежит. Потом мы узнали, что браконьеры, пользуясь попустительством, а, возможно, покровительством Джюнусова, наладили доставку икры форели вертолетом в Казахстан, затем, после ее упаковки, в Москву на черный рынок для продажи. Так мне довелось поучаствовать в свержении бая советских времен. Не товарищ Сухов, но все же…

Особенности национальной рыбалки

Браконьеры при встрече со мной почему-то не не очень радовались, даже как-то хмурились. Вместо приветливого «здрасьте!» бормотали что-то вроде «принесло тебя…» Как-то проводил я рейд во время нереста на р. Чу. Наткнулся на браконьеров, которые ловили рыбу варварским способом! Ни острогами, ни неводом, ни даже динамитом. От линии электропередач столба, стоящего почти на берегу р. Чу, тянулись два провода в воду. На столбе находился экипированный по всем правилам техники безопасности, по всей видимости, электромонтер. Периодически он подсоединял и отсоединял провода к ЛЭП с напряжением в 380 вольт. Рыба, а ее во время нереста всегда очень много, пораженная током всплывала, к верху брюхом к великому удовольствию так называемых «рыбаков». Сачками они проворно вылавливали всплывшую рыбу, выкидывали ее на берег, где подбиралась «сотрудниками», грузилась в мешки и на тележках вывозилась в аул, который был неподалеку.

Должен сказать, что от поражения током всплывает только около тридцати процентов рыбы, остальная, особенно тучи только что проклюнувшегося из икры малька, погибала, и ложились на дно, даже не всплывая. Вот такая «картина маслом», как любил выражаться один мой знакомый одессит. Подъехали мы незаметно, мой напарник Андрей и водитель возились у машины, а я пошел к так называемым «рыбакам». Увлеченные жаждой наживы, а их было человек пятнадцать, на меня даже не обратили внимание, хотя я был в форме и вооружен табельным оружием и ракетницей.

– Прекратите! Что вы делаете?!

Ноль внимания… Заряжаю ракетницу и даю сигнал выстрелом вверх ракетой красного цвета (опасность!). Мои ребята прибежали на сигнал ракетой, а браконьеры, бросив сачки, рыбу и транспорт (тележки), побежали в аул за подмогой. Человек восемь во главе со скалоподобным амбалом, похоже предводителем, все же остались на берегу. Сбившись в кучу, крича и показывая руками в нашу сторону, они все же решились напасть на нас, надеясь проучить.

И вот на нас с какой-то дубиной ринулся «человек-скала». Прикрываясь его спиной, за ним шла мелюзга. Пока они не приблизились к нам вплотную, мы достали оружие. Сначала я, затем Андрей стали стрелять вверх. Это охладило их боевой пыл. Оставив на берегу «снасть» (провода), несколько мешков рыбы, в

таком же порядке, как и пытались напасть на нас, понеслись в сторону аула. Посмотрев в бинокль, мы увидели толпу, которая двигалась в нашу сторону. Быстренько смотав провода, забрав все что осталось после «любителей» природы, поехали в управление и доложили о случившемся.

Садыков сказал, что это редкая наглость и такое глумление над природой никому прощать нельзя, даже киргизам. Написали мы заявление в милицию, нам выделили двух милиционеров и ночью поехали в браконьерский аул, днем нас могли там «порвать» вместе с милиционерами. Ориентируясь на приметы «человека-скалу» нам показали, где он живет. Дальше дело техники… Пока шло разбирательство с браконьерами, которые «наскребли» (а это был 1986 год) на свою шею иск в несколько тысяч рублей за загубленную во время нереста рыбу, жители аула собирали по домам деньги и ругались, не потому, что деньги жалко, а потому что «нарушили шайтаны» закон, который запрещает есть киргизам рыбу. Меня и Андрея тоже не очень начальство хвалило, таких громких дел в нашем управлении никогда не было до моего приезда.

Кубатбеков вынужден был доложить в Главрыбвод о происшедшем. К его удивлению министр Главрыбвода одобрил мои и Андрея действия и в целом отметил работу нашего управления положительно, с предложением поощрить меня и Андрея. Кубатбеков расщедрился на премию, мало того, он стал здороваться со мной за руку, что с его стороны было неслыханной милостью. Через неделю меня и Андрея отправили охранять горную реку Аксу, в которой пошла на нерест пятнистая форель. Поехали на УАЗике мы вдвоем, Андрей за рулем (водитель заболел) и я.

На повороте в ущелье между горами заходила огромная отара овец, управляемая четырьмя чабанами и двумя собаками. Шли они из Казахстана на летний выпас в долины киргизских гор, видно, что усталые? раздраженные, тридцать километров от Казахстана пешком с огромной отарой… Андрей посигналил, чтобы они сдвинули начало отары немного в сторону, и дать нам возможность проехать. Что тут началось! Не сговариваясь чабаны схватили по булыжнику и кинулись на нас.

Я успел выхватить пистолет и направил его прямо в лоб негодяю, который рвал дверь с моей стороны и дал понять, что стрелять буду на поражение. К сожалению Андрей не успел вытащить пистолет из кобуры, дверь с его стороны открылась и на его голову обрушился удар булыжником. Когда я повернулся в его сторону, то увидел, что голова Андрея вся в крови и он без движения лежит на руле машины. В ярости я поднял пистолет и

выстрелил в открытую дверь, в проеме которой стоял нападавший с булыжником в руке. В последний момент немного отвел дуло пистолета в сторону.

– Володя не стреляй! Я живой!

Остолбеневший подонок опустил руку с булыжником и бросил его на землю.

– Живой!? Ну слава Богу! Тогда чего разлегся!? Хватай ТТшник и в атаку!

Пока Андрей кряхтя выходил из-за руля машины, я выскочил (тогда я был шустрый, и не такой толстый, как сейчас) из машины и крикнул:

– Всем подойти к машине! Или мы вас перестреляем!

Нехотя, медленно до этого озверевшие подонки подошли, опустив головы (читатель по своему усмотрению, вместо троеточий может вставлять свои слова).

– Вы зачем… напали на нас? А! Громче, неслышно…!

Эти… что-то мычали и все канючили:

– Отпусти, начальник, дети у нас!

– А у нас кто? Не дети!? Вы кто? Банда!?… Нападаете на всех, кто проезжает мимо вас!? Все, разговор окончен, вы – банда грабителей! Тюрьма ваш дом! Вызываем прокурора и милицию!

Услышав про прокурора и милицию эти… завыли как шакалы. В общем что тут долго рассказывать, Андрей сказал мне, что чувствует себя нормально и пусть они уё… А в рапорте напишем: напали неизвестные… От радости пытались загрузить в машину жирного толстого (такого как я сейчас) барана. Мы отказались, возись с ним, он весил не менее ста килограмм, обожраться нам, что ли. Освободили нам дорогу, и мы поехали дальше. Оглянувшись, я увидел, как эти удивительно «добрые и приветливые» люди долго махали нам вслед малахаями, жалея о том, что не удалось прикончить нас. Едем дальше и стали подниматься в горы по серпантину, слева – отвесная стена, справа – пропасть. Езда по горным дорогам как-то напрягает, но ничего, мы привычные…

Я подшучиваю над Андреем, хотя все могло кончиться более чем печально.

– И чего ты, Андрюха, такой жалостливый!? Притворился мертвым, как та лиса на возу с рыбой у деда…

– Да понимаешь, насмотрелся я трупов в Афгане и как наяву увидел, тот что камнем меня долбанул прямо копия того, что я там уложил. А сейчас, когда увидел этого гада, что на меня с камнем, подумал «Где я тебя видел?» вот и замешкался.

– Получается тот чуть тебе не отомстил руками своего двойника!?

– Если бы ты не был таким шустрым, то кранты мне.

– Ну ничего не переживай! Хорошо, что обошлось так, могло быть и хуже…

– Знаешь что, Володя, давай в отчете командировки не будем писать об этом случае.

– Хорошо, не будем, я сам думал об этом, а то такое начнется! Следователям только дай зацепку, поедят у этих казахов всех овец, а виноватыми сделают нас.

На том и порешили. Вскоре серпантин закончился, и мы выехали на прямую дорогу, но с перевалами. Километров через двадцать слева от нас показалась р. Аксу. Проехав еще километров семь вдоль реки, мы опять увидели «картину маслом». Два джигита, один на правом берегу, другой на левом, прицепив концы невода к шеям коней, мирно тралили, собирая в мотню невода все живое, что находилось в воде. (Да! Вы правильно подумали, и лягушек тоже.) Хотели подобраться незаметно, но не получилось, тот что был на правом берегу, увидел нас и крикнул своему напарнику, чтобы отцепил конец невода и показал рукой на нас.

Посмотрев в нашу сторону, джигит одним движением отцепил конец от шеи своего коня, подняв в правой руке камчу (плеть), поскакал в нашу сторону с намерением огреть меня. «Ну вот, пришла и моя очередь отхватить по кумполу». Это потому, что я был впереди Андрея, вытащил ракетницу, и когда морда коня почти коснулась меня, выстрелил вверх из-под уха коня. От испуга он взвился на дыбы, и лихой джигит вмиг оказался на земле. Я подбежал к нему, наступил на руку, вырвал камчу и врезал ему пару раз по его жирному заднему месту. Подоспел Андрей.

– Володя, смотри, у него штаны на заднице треснули! Это он со страху воздух из себя с силой выпустил, вот и результат…

Наездник молчал и зло на нас таращился.

– Документы есть? – спрашиваю я его.

– Нет!

– Понятно, какие у тебя могут быть документы, тебе кроме лошади никто никакой транспорт не доверит!

– Зачем так говоришь, я – тракторист.

– Какой ты тракторист!

– Чтобы трактор водить, надо права иметь.

– Как нет права!? На вот смотри!

Достает права тракториста, Болотбек Асылов.

– Андрей, рисуй пока на тракториста протокол, а я с ним немного побеседую…

– Скажи мне, Болотбек, почему вы на незнакомых людей

кидаетесь?

– Хочется в тюрьме посидеть лет пять за нападение на инспекторов!?

– Нет, начальник!

– А почему, Болотбек, ты с незнакомым человеком невод таскаешь во время нереста? Он же бросил тебя и невод с рыбой украл.

– Нее, это мой сосед Марат, сестру мою держит.

– Мне неинтересно, за что Марат твою сестру держит или не держит, как фамилия его?

– Насыров он.

– Вот, вот, в штаны нас…л и смотался, а тебя бросил одного!

Составили мы на обоих протоколы, и отпустили незадачливого тральщика. Он повеселел и стал приглашать нас в гости.

Мы отказались? сославшись на то, что не взяли с собой галстуки – без них неудобно, все-таки не абы как, а «почетные» гости. Сели мы в машину и поехали дальше. Пока ехали, я подсчитывал, сколько отвалили бы мне, «почетному гостю» в галстуке, плетей за порванные штаны Болотбека… Пожалуй, пришлось бы и мне жевать галстук, как это делал один мой «добрый» знакомый грузин. О брюках промолчим, пришлось бы менять. Ну а дальше… Чем дальше, тем больше протоколов, «настрогали» мы их под сотню. Вернувшись из командировки и сдав протоколы, мы были «обласканы» милостью Кубатбекова, он не только здоровался за руку, но и стал даже улыбаться при встрече.

Более того, он написал рапорт в Главрыбвод с просьбой присвоить мне звание «Лучший инспектор Главрыбвода». В этот сезон я с опергруппой, которую возглавлялял, объездил практически почти все водоемы Киргизии. Выслужился, скажете Вы, нет, не потому, что «выслужился», просто у меня был опыт работы по Новосибирску. Да и работа, чего греха таить, мне нравилась. Живая, хоть и рискованная, но мне по душе и по моему характеру, защищать природу считал и считаю благородным делом.

Рисковать жизнью приходилось довольно часто, попробуйте помешать любому зверю (кроме травоядного), когда добыча уже в его зубах… Браконьером может быть и просто рабочий, или даже чабан, интеллигент, начальник милиции и секретарь райкома партии. Вот и попробуй с такими… Ведь дело может и не в нарушении Правил рыболовства, а в жадности, в применении запретных орудий лова, нанесении огромного ущерба природе. Десятки инспекторов, защищая животный мир и природу от ее

истребления, особенно животных, занесенных в Красную книгу, были убиты браконьерами.

Ладно хватит ныть! Скажете Вы, что дальше? В общем, исколесил я с опергруппой практически все водоёмы Киргизии и крепко дали по рукам (сильно капризным и по другим местам) любителям халявы от природы. Посещали мы и не однократно знаменитое озеро Иссык-куль и всегда с удовольствием заезжали в г. Пржевальск, в котором долгое время работал и потом умер знаменитый русский путешественник, исследователь Средней Азии Н.М.Пржевальский. Мы начинали работу от г. Рыбачье и вдоль побережья вокруг озера возвращались к точке исхода. К нашему удивлению на озере грубых нарушений мы не выявили ни разу, и это радовало.

Декабристы

У Любаши на работе все сложилось благополучно, здоровье потихоньку стало возвращаться, головные боли перестали ее мучить и она повеселела. Познакомилась с подругами, у которых были толковые мужья и на праздники мы гуляли вместе. Как-то мой сотрудник Миша Шаменов сказал мне:

– Все, Володя, больше я тебя катать на своем «Москвиче» не собираюсь. Покупай себе машину и катайся в свое удовольствие.

– Ну что ж, хозяин – барин, – ответил я.

Миша хитро посмотрел на меня и говорит:

– Не расстраивайся, я нашел тебе машину, новую, 15000 всего отъездила, только она, то есть он, «Запорожец». И стоит всего 600 рублей.

Даже по тем временам 600 рублей можно было наскрести. Когда все было оформлено, я подогнал к подъезду своего дома практически новенький, беленький «Запорожец». Моя Любаша очень обрадовалась. По выходным мы ездили в горы. Я показывал ей поля, покрытые красным ковром диких маков. Однажды в бинокль мы разглядели на опушке леса трех зубров. Любовались снежными вершинами гор, за ними находились Китай и загадочная страна Индия. Лето в Киргизии длится необычайно долго… Описывать красоту природы Киргизии умел лучше всего Чингис Айтматов в своих прекрасных произведениях. Жил Айтматов недалеко от нас, в двухэтажном доме около книжного магазина, фасад которого смотрел на проспект Мира. После того, как мы отстояли в очереди около часа, чтобы купить одно из очередных произведений Айтматова «Плаха», нам посчастливилось увидеть и автора этой книги и многих других замечательных произведений.

Город Фрунзе расположен в Чуйской долине у подножья гор над уровнем моря в 700-900 метров. Очень благоприятный теплый климат. Две горные водные артерии, реки Ала-Арча и Аламедин, текут с гор на север, и при их слиянии образовывают большой Чуйский канал. Отсюда большая разветвленная сеть арыков. В городе много фонтанов, и все это в летнюю жару при сухом климате дает возможность переносить жару сравнительно легко.

Город, я уже упоминал, был многонациональным, численность населения во время нашего проживания (1985 год) была более полумиллиона. Киргизское население, пожалуй, не преобладало в численности. И все же к осени 1986 года молодежь Киргизии стала вести себя не совсем корректно, в основном, к

русскому населению. Молодые джигиты приезжали в город на лошадях и часто бывало устраивали транспортные заторы.

Был случай. Любаше в горисполкоме пришлось наблюдать такую картину: в холле горисполкома набилось около 20 молодых парней и девушек, которые держали в руках свидетельства об окончании 10 классов и у дежурного милиционера Яши требовали принять их на работу начальниками. Откуда им знать, что у самого Яши не было и семи классов образования. Вскоре к ним вышел представительный киргиз в костюме и галстуке и что-то стал им объяснять на киргизском языке. Ребята успокоились и вышли из здания. Все было по-прежнему, но как будто бы что-то щелкнуло и переключилось в отношении русских и киргизов.

В Казахстане в городе Алма-Ата преобладало русское население и, несмотря на объявленный процесс коренизации, продолжалась политика реализации русификации. Казахи и Киргизы – один и тот же народ с одинаковым языком общения. И все, что происходило, было параллельно, как в Казахстане, так и в Киргизии. Казахам из сельской местности сложно было трудоустроиться, так как на руководящую работу требовалось хорошее знание русского языка, а знание казахского языка не требовалось, даже если руководитель назначался в район, где преобладало казахское население.

Среди коренного населения росло недовольство русскими и перекидывалось на соседний Киргизстан по тем же причинам. Выступление молодежи в Алма-Ате началось с мирной демонстрации на площади Брежнева 16 декабря 1986 года. Казахская молодежь вышла на площадь столицы с требованием отмены назначения секретарем ЦККП Колбина вместо Кунаева. Правительство в Москве приняло решение разогнать митинг, так как события грозили вылиться в беспорядки и перекинуться в соседнюю Киргизию, молодежь которой уже тогда приехала поддержать братьев-казахов. Отряды спецназа из сибирского военного училища и курсанты местного пограничного училища совместно с милицией разогнали протестующих. На другой день, 17 декабря, требования молодежи приняли националистическую окраску.

На плакатах демонстрантов надписи гласили: «Требуем самоопределения!» «Каждому народу свой лидер!» «Не быть 37-му!» «Русские, вон!». В целях недопущения масштабных волнений к площади стали стягивать внутренние войска. У солдат не было оружия, но провокаторы и подстрекатели свое дело сделали. С громкими криками и воплями собравшиеся бросились штурмовать Центральный Комитет партии Казахстана, солдаты вынуждены были применить ремни и дубинки.

Жестокость возбужденной толпы зашкаливала. Некоторые утверждают, что во время событий погибло три человека, один из погибших 16-летний русский юноша. Приехавшая из Алма-Аты киргизская молодежь, домой в Киргизию, утверждала, что погибших были сотни. Я сомневаюсь, чтобы безоружные солдаты с одними ремнями и дубинками смогли положить сотни людей. Один из наших сотрудников управления тоже ездил в Алма-Ату на митинг. Но при расспросах только хмурился, что-то мычал и скрипел зубами, но толком сказать ничего не мог или не хотел. К русским, как в Казахстане, так и в Киргизии стали относится, мягко скажем так, не совсем приветливо.

Звери

Игры националистов коснулись и нашей семьи, не хотелось бы вспоминать, но и выкинуть из памяти невозможно…

В начале февраля к нам в гости, сев на поезд, приехала наша дочь Таня. Она с мужем жила в Алтайском крае. Двадцатилетняя красивая русская девушка приглянулась киргизу-проводнику поезда «Фрунзе – Барнаул». Началось банальное приставание со всякого рода паскудными предложениями. Получив отказ на все предложения, он стал подсылать к Тане своих товарищей, посыпались угрозы порезать бритвой лицо и так далее. И вот когда поезд приближался к Сарыозеку, это в 178 километров от Алма-Аты, Таня решилась бежать из рокового поезда. Одев шубу и шапку, она вышла в тамбур, дверь вагона оказалась не закрытой на ключ, и она на полном ходу поезда прыгнула в темноту…

Я и Любаша встречали поезд, на котором ехала к нам в гости наша Таня. После его остановки мы кинулись к вагону, но из вагона никто не вышел, и он был опечатан. Мы кинулись к другому вагону, девушка-проводница сказала нам, что проводник арестован, а людей разместили в другие вагоны. В дежурном отделении милиции вокзала нам сказали, что из злополучного вагона выпрыгнула девушка, проводник арестован. По всей видимости это ваша дочь, и доставлена она в больницу станции Сарыозека, жива или нет, пока неизвестно, идет следствие.

Управление, где работала Любаша, выделило нам машину и шофера для поездки за Таней. Выехав из Киргизии по направлению к Алма-Ате и проехав Курдайский перевал, мы увидели бескрайние покрытые снегом поля Казахстана. Сарыозек находился в 178 км от Алма-Аты, и вот мы в Сарыозеке. В одном из отделений милиции нам объяснили, в какой больнице наша Таня…

Приехали мы в ту больницу и увидели нашу дочь, бледную от потери крови, похудевшую с незашитой большой раной на голове, едва замазанной зеленкой, к тому же были попытки нам ее не отдать, мол долечим, тогда забирайте. Не, ребята, забираем, спасибо за «лечение». Во Фрунзе мы положили Таню в хорошую больницу, Ей зашили рану, и она пошла на поправку. И вот что рассказала нам она, когда поправилась:

– Лучше смерть сразу, чем эти уроды будут издеваться и резать лицо бритвой. То, что они не шутили, было ясно, – сказала Таня. Одна пожилая женщина подслушала разговор зверей.

Шуба и шапка спасли ей жизнь, упала между рельсами параллельного пути, голова (хорошо, что была в шапке) прошлась

по огромным гайкам, и когда шапка слетела, одна из гаек рассекла голову. Очнувшись после потери сознания, увидела где-то в километре от себя огонёк. Встала и из последних сил пошла. С огромным трудом добралась. Это оказалось будка стрелочника перед станцией. Заглянув в окошко без занавески, Таня увидела мужчину и женщину, игравших в карты за столом. Тихонько постучала, услышав, мужчина вышел и затащил обессилевшую от потери крови Таню в помещение.

– Зачем ты ее притащил? Это русская… Ее выкинули из поезда, наверное, украла что-нибудь! – сделала вывод женщина.

Они стали спорить на казахском, мужчина показывал на рацию, затем, прикрикнув на женщину, включил рацию и стал вызывать скорую помощь и милицию. Причем так никто из них и не удосужился обработать хоть чем-нибудь рану и перевязать. Милиция не приехала, а скорая все же приехала (но не так скоро, как на ней написано). Можете спросить меня, а национализм казахов и киргизов в отношении русских причем? А вот в чем: «Желтоксан» (в переводе с казахского декабрь) так называемые «Декабристы» породили слухи об огромном количестве убитых русскими войсками, а вот о зарезанном 16-летнем юноше в троллейбусе никто не упоминал. Конечно, власти Москвы без наказания не оставили, за этот дикий бунт 1400 человек были уволены с работы, 309 студентов исключены из вузов, около ста человек осуждено.

Скажу откровенно, по моему мнению, все было срежиссировано кем-то, чтобы осложнить и без того натянутые отношения между русскими, казахами, киргизами. И это отчасти удалось. Уже любой мужчина или даже женщина могли кинуть в лицо русскому оскорбление, если их было трое-четверо, могли избить.

Однажды мы с Любашей ехали по городу на своем запорожце, на тротуаре стояла женщина (видно, что киргизка) с ребенком. Вдруг ребенок, резко вырвав руку, побежал на дорогу и чуть не угодил под колеса. Что тут началось! Русские твари, убийцы, дальше на киргизском…

На работе у меня все было хорошо, но как-то вызвал меня Кубатбеков и сказал: «Владимир Николаевич, а не могли бы Вы поменьше составлять протоколы на лиц киргизкой национальности?» Я что-то пробормотал и вышел из кабинета, конечно, недовольным такого рода предложением. Потом я поделился своим впечатлением о предложении Кубатбекова с Анатолием Александровичем.

– Не слушай ты, Володя, его, работай, как и работаешь, а на Кубатбекова скоро из Мосрыбвода приедет комиссия.

Комиссия долго себя не заставила ждать, приехали человек шесть начальников управлений из других регионов Советского Союза.

На Кубатбекова в Мосрыбвод написали жалобу женщины нашего управления и их поддержали многие мужчины. Вызывали по одному (одной) и задавали неудобные вопросы. Но все держались стойко и Кубатбекова сняли с должности. Потом я узнал, что его назначили на должность «пониже», директором рыбхоза. Это все ровно, что поставить лису на охрану птицекомбината. Анатолия Александровича назначили исполняющим обязанности начальника Управления «Востсреднеазрыбвод», в свою очередь он пригласил меня в свой кабинет и предложил должность зама, на что я ответил, что не готов занять такую высокую должность. Затем признался, что ищу обмен квартиры на Молдавию. На это Анатолий Александрович сказал: «Мне тоже здесь обстановка не нравится и тоже хочу на Родину в Ленинград».

Любаша моя очень тяжело перенесла случай с нашей Таней. Возобновились головные боли, появилось раздражение, в таком состоянии ей тяжело было работать, и она все просила меня увезти ее из этого места, где чуть было не погибла наша дочь.

Да, проводник и его банда, орудовавшая в поезде, грабили, убивали только русских, были задержаны, затем осуждены на длительные сроки. Но нам от этого легче не стало. Меня вызвали в прокуратуру и «обрадовали»: «Ваша дочь героиня – совершила подвиг – помогла разоблачить банду». Только она так поступила, все молчали, хотя ограбленных, потом выяснилось, было предостаточно.

Состояние здоровья Любаши меня сильно беспокоило. Однажды задержанный мной нарушитель правил рыболовства оказался известным врачом-невропатологом в городе Фрунзе. Я рассказал историю болезни, и он предложил полечить Любашу у него в отделении. После обследования ее положили в стационар и начали серьезно лечить. Через два месяца моя Любаша повеселела. Вскоре нам повезло, мы нашли обмен квартиры на Молдавию и стали готовиться к переезду. Имущество наше уместилось в полутонный контейнер и было отправлено в адрес будущего проживания. Ну а так как запорожец не роскошь, а средство передвижения, мы рискнули ехать на нем…

Одногорбый верблюжонок

Сначала мы ехали по знакомым местам, за городом километрах в десяти знакомое по работе село Сукулук, еще около двадцати километров русское село Беловодское, там жил с семьей мой товарищ Семен Краснобородько. Село Беловодское основано в далекие времена русскими переселенцами. Нередко замученные царскими поборами и придирками местных властей они сбивались в обозы, забирали с собой скотину, утварь, и семьи шли искать свою лучшую долю, которую называли Беловодием. Нашли, похоже, здесь у подножья гор Киргизии, где было когда-то много зверя, рыбы, птицы.

Едем дальше, справа от нас небольшой районный городок Кара-Балта. Еще около тридцати километров езды, и мы пересекаем границу Киргизии и попадаем в Казахстан, впереди где-то через три сотни километров город Джамбул. В Джамбуле заправимся и немного отдохнем где-нибудь в тенечке. Дорога неплохая, нормальный асфальт, но становится жарко, солнце жарит крышу нашего запорожца, заодно меня и Любашу. Ничего, терпим. Едем, мотор поет, радуя слух… Уже к десяти подъезжаем к Джамбулу. Дорога на выезд сквозная, посередине города, слева – базар, останавливаемся купить арбуз. На нас смотрят как на инопланетян. Что-то проворчав, пожилой казах продал нам арбуз.

Дальше едем в направлении Чимкента. В Джамбуле не стали заправляться, я вспомнил Василия Алибабаевича (помните фильм «Джентльмены удачи») так он сидел за то, что подмешивал в бензин ослиную мочу. А родом он из Джамбула, как помните. Не, рисковать не стоит, может он, Василий Алибабаевич, по новой загремел, а опыт у него наверняка другие переняли. Залили в бак бензин из канистры и решили, что заправимся в Чимкенте. За Чимкентом мы остановились у заправки, залили бензин в бак и в канистру, и отъехав от заправки, остановились в тенечке отдохнуть. Впереди нас ожидали по пути город Туркестан и Кызыл Орда… Проехали г. Туркестан, Кызыл Орду, съехали с дороги и в машине переночевали. Встали пораньше, чтобы по утренней прохладе нашей машине было бы легче ехать.

Намерены до Аральска добраться к вечеру. Между городом Джусалы и Казалинском мы увидели космодром Байконур. Впечатляет, и мы с Любашей гордимся тем, что космодром – колыбель советской космонавтики, вот так запросто наблюдаем. Двигаемся параллельно реки Сырдарья. Она нам знакома по урокам географии. Впереди город Казалинск. В Аральск приехали

около пяти вечера, хотя намерений заезжать не было, но пришлось заехать, спустило колесо. Заменив его на запасное, решили, что купим вавтомагазине пару камер. О покрышках тогда и речи не могло быть. В то время дефицит автотоваров торжествовал по всей стране. Оказалось, магазины после пяти вечера вообще не работали.

В растерянности мы остановились на площади города. Вокруг нашей машины стали собираться аборигены (местные жители). Затем подошел верблюд (двугорбый). Видно, кто-то ему подсказал, что на площади стоит его родственник – одногорбый верблюжонок. Но увидев наш запорожец, верблюд завел жвачку, чтобы плюнуть с досады, что это не его родственник. Я попытался спросить у собравшихся, не продаст ли кто-нибудь скат или камеру? В ответ угрюмое молчание.

– У меня есть, – сказал молодой парень.

Похоже, он один знал русский и побежал домой за скатом.

– Садись, Любаша, в машину, это они онемели, тебя увидев.

У самого в мозгах уже навязчиво звучала песня Высоцкого про Кука: «Взял подлюка каменюку, хрясть по темечку и нету Кука»…

Паренька, побежавшего за скатом, долго не было. «Надо срываться отсюда». Только так подумал, смотрим бежит в руках скат…

– На вот, деньги давай 50 рублей…

Посмотрел я на этот, с позволения сказать «скат», и увидел нечто обгаженное курами с трещиной сантиметров в тридцать, наспех зашитый белыми нитками.

– О, пойдет! – сказал я, – подержи, деньги достану в машине.

Передав ему, то что этот «умник» пытался впарить нам. Я сел в машину, захлопнул дверь, включил двигатель, рванул с места… Оглянувшись назад Любаша увидела, как «продавец» ската плюнул и бросил его на землю. Выехали мы на трассу. Любаша все беспокоилась, что нас могут догнать на верблюде… Я ее успокоил, но перед нами стоял вопрос: как без запаски ехать дальше.

Достали мы из багажника вулканизатор (работал он от аккумулятора). Сырой резины я тоже имел в машине достаточно, заклеили камеру запаски, и поехали дальше. Проехав пару километров, мы увидели, что дороги больше нет…

Вернее, есть, но на карте, а на самом деле это была достаточно широкая полоса, засыпанная камнями и полита щедро смолой (и это была дорога союзного значения!).

Комиссия, которая принимала эту дорогу, похоже с высоты птичьего полета, а вернее, с вертолета, положив в карманы то, что

не доворовали строители дороги, на том же вертолете полетели бить сайгака в глубину Тургайской степи. Да, они на вертолете, а мы на запорожце! Ну что ж, придется и нам, как и команде незабвенного Остапа Бендера, ударить автопробегом по бездорожью и Казахскому разгильдяйству. А куда деваться, не возвращаться же назад. Нам предстояло пересечь, знаменитую Тургайскую степь. Впереди дорога, вернее бездорожье в более тысячи ста километров…

Длинная и трудная дорога в Тургайской степи

При царях Тургайская степь была самой глухой и неосвоенной частью Казахстана. На ее окраинах был город Актюбинск (в данное время – областной центр). Отсюда и пошло формирование Казахстана в современном смысле. В 1916 году степи охватило восстание под руководством лихого атамана Амангильды Иманова, который до этого восстания был то бунтарским атаманом, то правозащитником.

Подавить восстание царским властям не удавалось, казахи уходили в степь, где их трудно было найти, а затем опять собирались и наносили более мощные удары по царским войскам. Приобретенный опыт, знание местности и вливание в отряды Амангильды Иманова казахской молодежи, которая охотно шла в отряды лихого атамана (воевать проще и веселее, чем работать), давало большое преимущество повстанцам. В начале гражданской войны Иманов перешел на сторону красных, и в конце 1917 года занял Тургай с небольшими потерями…

Это тогда… А сейчас перед нами простиралась изрытая, чем-то немного похожая на дорогу земля, ограбленная с разоренным животным миром и везде построенными вдоль дороги «мавзолеями», но не Ленину и Сталину, ни даже Амангильды Иманову. Любаша спрашивала меня, что это за дворцы? Да еще расписаны золотом… «Чем хуже дорога и выше должность строителя этой дороги, тем красивее «дворец», – объясняю я ей, – это усыпальницы усопших казахов, если проще, то это кладбище для богатых».

Да пусть простят меня мусульмане, похороненные вдоль недостроенной дороги, и спят спокойно, ничего против них я не имею. И что это мы все о грустном? По вышеописанной дороге не может ехать даже КамАЗ. Просто доехав до начала «великой» дороги, КамАЗы с грузом съезжали на обочину и продолжали ехать дальше по грунтовой дороге…

Животный мир Тургайской степи разнообразен и необычайно богат, но, к сожалению, нанесенная рваная рана в виде пресловутой дороги заставила мигрироваать многих животных и птиц подальше вглубь степи. Уже реже можно увидеть дрофу, косулю, даже мелкие грызуны старались держаться подальше от чудовища, именуемого дорогой.

В правой колее поместился и наш запорожец. Некоторое время мне будет легко писать. Выражаться будет мне очень

просто, в нескольких словах. Пробили колесо, я разбортировал, Любаша ловко заклеила камеру, я забортировал. Едем, и так около двадцати раз за всю дорогу. Обессиленные, измученные жарой, по дороге слева, мы у одного единственного дома увидели колодец. У нас в канистре оставалось литра три воды, я ее вылил на двигатель, и мы с Любашей в предвкушении свежей холодной воды побежали к колодцу. Возле колодца стояли женщина в грязном рваном халате и мальчишка лет восьми.

Когда мы к ним приблизились, женщина злобно сверкнула глазами и закричала на нас: «Русски, русски! Нет вам вода! Нет вам вода!» Побежала с криками к обшарпанному дому с покосившейся крышей: «Жолдош! Жолдош! Вставай русски тут!» Мальчик, стоявший у колодца тихонько сказал: «Уезжайте, они ненавидят русских, не дадут они вам воды». Сначала я разозлился, затем опять (как это было в Аральске), в мозгах закрутился голос Высоцкого: «взял подлюка каменюку, хрясть по темечку и нету Кука»… Кто знает, с чем выскочит спросонья Жолдош. Понятно, что не со жбаном холодного кумыса вместо воды. (Жолдош в переводе на русский «товарищ»). Поняли мы, что «товарищ» нам не товарищ).

Сели мы и укатили от этих «гостеприимных» казахов и решили с ними больше не общаться. Тема закрыта до сих пор. Постепенно у меня в голове песня Высоцкого стала затихать, но мы остались без воды! Все знают, жажда хуже голода. Не дать путнику воды у мусульман считается хуже убийства. Но то, что произошло с нами, – это не досужие выдумки, это факт.

Так как киргизы и казахи – один и тот же народ, только разделенный. Знаменитый русский путешественник исследователь Центральной Азии Пржевальский Николай Михайлович дал меткую и справедливую характеристику, в том числе и их «гостеприимству».

Дабы не обидеть кого-то, я не буду повторять то, о чем написал Николай Михайлович. Я и Любаша с ним согласны, а вы как хотите, если есть желание, сами найдите и прочитайте. Нестерпимая жара! Во рту пересохло и где взять хоть по глотку воды? Проехав километров 60 от злополучного колодца, мы обессиленные, остановились. Вдруг увидели КамАЗ, ехавший в попутном с нами направлении, я поднял руку, и водитель остановил машину.

– Что случилось, ребята? Чем смогу, тем помогу.

– Дайте нам хоть по глотку воды.

– Ну зачем же по глотку, несите посуду налью.

Из 20-литровой канистры отлил нам две трехлитровые банки воды.

– Понимаете, – стал я объяснять, – подъехали к колодцу, но нам не позволили набрать воды…

– Негодяи, что тут скажешь! Негодяи!

– Там мужик, казах, если русские просят воды, выскакивает с ружьем, первый раз стреляет вверх, а второй… кто его знает. У них, у таких как он, мозги в заднем месте. Этого козла и его сучку давно пора прикончить, да пацана жалко. Ничего, потерпите, до Хромтау доедете, там будет легче, там нормальная дорога.

– Ну пока, держитесь, смелые вы люди, на запорожце в такую даль…

Мы поблагодарили его, и он уехал. Ну а мы тоже поковыляли вскоре вслед за ним. Ехали мы, ехали, ломались, ремонтировались и опять ехали, через три дня «дохромали» до Хромтау. Впереди Актюбинск… Это еще около полтысячи километров, и опять по Тургайской степи. В Хромтау купили продуктов, набрали воды. Подчеркиваю, хорошие люди подсказали нам, где можно купить подержанные, но еще вполне приличные скаты. «Переобули» нашу страдалицу-машину, отдохнули и опять в ту степь… Дорога была намного лучше, мы повеселели и даже стали петь песни.

На другой день, остановившись на отдых, мы с ужасом увидели, что в нашу сторону движется огромный смерч. Он начинался от земли и заканчивался гигантской запятой высоко в небе.

– Надо уезжать! – крикнул я, – садись Любаша, поехали!

Не понимаю до сих пор, как это у нас получилось, но нам удалось уйти от беды. Дальше, тоже не слава Богу, наше любопытство, чуть не привело нас к гибели. Во время одной из остановок мы решили посмотреть на протекающий шириной метра в три ручей. Я взял резиновое ведро набрать воды, чтобы освежить машину, и мы вдвоем весело скользнули по песку вниз от обрывистого берега. На другом берегу ручья было болото, а дальше камыши.

Там мы увидели, как Вы думаете кого? Нет, не угадали, не собаку Баскирвилей, это в Англии и ночью, а тут белый день, солнце жарит в зените, к тому же это не Англия, а Казахстан, Тургайская степь, забыли? Ладно, не гадайте это был обыкновенный рыжий лисенок, который присев на корточки, справлял свою нужду.

– Эй! Эй! Никакой реакции – чучело, наверное, – сказал я. Но нет, закончив свое важное дело, лисенок покрутил лапой у виска и с достоинством скрылся в камышах. Я набрал ведро воды из ручья и направился к машине, Любаша зачем-то приотстала… Когда мы подошли к песку, отделявшего нас от дороги, и

попытались выйти на дорогу, песок стал резко осыпаться на нас.

Как будто желая здесь и сейчас захоронить. Мы растерялись, что делать? Как вылезти на дорогу? В отчаянии мы долго карабкались по этому проклятому засыпавшему нас песку. Я бросил ведро с водой. Не знаю, какая сила нас вынесла на дорогу. Обессилевшие и вконец измотанные мы все же вышли на дорогу. Любаша моя была напугана случившимся. Я ей говорю, не зря лисенок покрутил лапой у виска! Это ее немного развеселило, и она сказала: «Да, он лапой за ухом почесал! Надо же, а мне показалось…».

Успокоившись и отдохнув, мы отправились в путь. Проехав около 30 километров, я увидел, что с Любашей творится что-то не совсем ладное. У нее поднялась высокая температура и ее стало рвать, затем она стала бледнеть.

– Любаша, что с тобой случилось?

Едва шевеля губами, она сказала:

– Я попила воду из ручья… Если умру, не хорони меня в этих песках и камнях… Довези до Российской земли…

Положив ее на заднее сиденье, я поехал дальше. До Актюбинска оставалось чуть более 100 километров. Настроение упало до нуля, и я решил, что дальше Актюбинска запорожец не потянет. «Заболел» он, бедняга, почти одновременно с Любашей.

Забарахлила коробка передач, да и не мудрено, по бездорожью, по пескам и камням около трех тысяч километров, тут и верблюду не под силу. Отправлю-ка я беднягу на платформу поезда, и предварительно вылечив Любашу, поедем тоже на поезде. Если до города Хромтау мы «дохромали», то до Актюбинска кое-как доползли. Любашу я отнес на руках в медпункт вокзала, дежурный врач (русская) сказала, что на лицо «порядочное» отравление, но ничего, мы быстро ее поставим на ноги. Мне немного на душе полегчало, и я отправился к начальнику вокзала, договариваться насчет отправки нашего запорожца на платформе поезда в Молдавию.

Его ответ меня обескуражил, оказывается машину, прежде чем ставить на платформу, надо упаковать в ящик из досок по ее размеру.

– Обойдется это Вам рублей в семьсот с оформлением.

Ну, где я возьму доски? Кто будет этот ящик сколачивать? Да и по тем временам 700 рублей уйма денег. Вышел я от начальника вокзала и пошел к машине. Ба! Как это я сразу не заметил, напротив машины возле бетонного забора в ряд лежали цыгане, отдыхали после «тяжких праведных» трудов. Два кудрявеньких мальчика заразительно смеялись, играя около спящей то ли мамы, а может, бабушки. Переехал я на другую

сторону дороги и устроился на ночлег. Утром пошел проведать Любашу, она уже улыбалась, правда одну руку держала сзади, пониже спины. Видно навтыкали ей с тылу немало уколов.

Хорошо, что не попила воду из копытца, пришлось бы мне везти домой вместо жены козочку.

– Вот что! – сказала врач, – меня сейчас сменят, а в медпункте вокзала больше суток транзитным больным нельзя находиться.

Дала нам кучу таблеток и мы, поблагодарив, эту добрую женщину пошли к машине. Стали решать, что делать дальше, и решили найти станцию технического обслуживания и, если повезет (тогда с запчастями было очень туго), отремонтировать запорожец и ехать дальше. На СТО (станции техобслуживания) работали в основном русские ребята. Сняли они коробку передач и стали перебирать ее. Там уже была металлическая стружка и металлические опилки, хвостовик и планетарная шестерня погрызли друг друга основательно.

Ребята все удивлялись, как мы вообще доехали до СТО. Да, но на ремонт надо время, до этого мы ночевали в машине, а теперь ее пришлось оставить в ремонтном центре. И куда нам, где ночевать? Один из рабочих пригласил нас к себе переночевать, и мы пошли все к нему домой. Дома жена Василия Анна покормила нас вкусным ужином, и мы переночевали у этих добрых, гостеприимных людей. Мы их, конечно, никогда не забудем, как не забудем и «гостеприимство» Жолдоша и его фурии. Через два дня нам отремонтировали наш запорожец и мы выехали из Актюбинска, столицы Тургайской степи, по направлению к городу Уральску, до которого было около 500 километров.

В дороге ничего примечательного, ехали днем, так как ночью можно было с ходу влететь в какую-нибудь яму, которых было предостаточно. На СТО, в Актюбинске, нашу машинку хоть и подремонтировали, но мотор уже не пел как в начале поездки. Вскоре все же влетев в глубокую яму, запорожец так подпрыгнул, что насос, который находится рядом с аккумулятором, каким-то образом замкнул его. Из-под капота повалил дым. Я мухой выскочил, открыл капот и схватил голой рукой уже раскалявшийся насос и выбросил его вовремя, проводка двигателя нагрелась и готова была сгореть.

Подождав пока проводка и двигатель остынут, немного успокоившись от пережитого, мы поехали дальше. Ехали мы уже тише и осторожней, чтобы не влететь опять в какую-нибудь яму-ловушку. Повеяло прохладой, река Урал встречала нас, а впереди за мостом город Уральск. Накупавшись вволю в реке, в которой утонул раненый в руку легендарный комдив, герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев, мы пересекли мост и поехали к

выезду из города в сторону границы Российской Федерации.

Попав в пределы России, мне и моей Любаше казалось, что мы приобретем спокойствие и надежду добраться до конечной цели и не затеряться бесследно, как это возможно могло быть в Тургайской степи. Россия не позволит оставить нас в беде, с такими мыслями мы проехали километров семь дороги, которая была в неописуемо жутком состоянии. И вот наконец поселок, возможно сейчас город Озенки. Российские дороги сильно отличаются от казахских тем, что они российские, а не казахские, и этим все сказано, дальнобойщики не дадут соврать.

Дальше наш путь стал проще, далеко в степи остались одичавшие от ненависти к русским Жолдош и его жена. Воды только попроси, дадут сколько угодно, попросить помогут, нет возможности помочь, посоветуют, покажут. Здесь люди живут и трудятся, угрюмых лиц как в Аральске и Киргизии не увидишь. Никто к тебе не приценивается, с желанием что-то поиметь от тебя (как в случае со скатом в Аральске). Очутившись за пределами Казахстана в России я и Любаша испытывали такое чувство, какое наверно испытали Жилин и Костылин, вырвавшись из плена кавказских татар. Читайте (Л.Н.Толстой «Кавказсский пленник».)

Подвиг запорожца, или Пять тысяч км. по земле

Едем дальше, вперед на запад! Ориентир на город Энгельс, и до него надо проехать около трехсот километров. Дорога второстепенная, но получше, чем в Тургайской степи. По обе стороны – деревья, зеленые поля. Лето как-никак. Подъезжаем к городу Энгельсу, небольшой городок советских времен. Быстро пересекаем его и выезжаем к мосту через р. Волгу. Мост, насколько мне известно, построен в 1965 году, длиной в три километра без нескольких метров. Становимся в длиннющую очередь из машин. Оказалось, дорогу на мосту местами асфальтировали. Продвигаемся рывками, стоим по десять-пятнадцать минут, дым, смог от работающих двигателей машин, пропускали «в час по чайной ложечке».

Стоять и расходовать бензин смысла не было, и я стал глушить двигатель, пока стоим. В общем, доэкономился! От частого включения сгорела катушка втягивающего реле стартера. И это произошло на середине моста! А объехать нас никак. Пришлось доставать «кривой стартер», т. е. заводную рукоятку. Ох, и покрутил же я эту рукоятку до изнеможения! Двигатель у запорожца расположен сзади, и когда заводишь рукояткой, похоже, что ты накручиваешь хвост строптивому ишаку, чтобы он тронулся с места. Кое-как доехали до выезда с моста. В Саратов заезжать не стали, чтобы не заглохнуть на каком-нибудь перекрестке и не заводить рукояткой, поехали по объездной дороге.

Вскоре я догадался (методом тыка), что если замыкать контакты стартера, то он срабатывает и начинает работать без втягивающего реле и двигатель заводится. От контактов стартера я протянул два изолированных провода в салон, и замыкая их, заводил машину. Город Балашов, Борисоглебск проскакиваем. Едем без особых приключений, еще около трехсот километров и заезжаем в г. Воронеж. Чистый красивый город, с очень хорошим продуктовым снабжением продовольственных магазинов. Остановились и в одном из магазинов пополнили свои запасы продовольствия. Очень понравился нам воронежский квас. Приятный вкус, резкий холодный и хорошо утоляющий жажду.

По дороге за Воронежем по направлению к Курску, по обеим сторонам дороги росла спелая черная смородина на протяжении большого расстояния. Остановились продегустировать – спелая, крупная, сладкая, вкусная! Смотрим на карту и решаем на Курск

не ехать, слишком большой крюк. Поворачиваем в сторону Белгорода. Наш запорожец пока что везет нас не капризничает, видно почуял, что скоро конец его и нашим мучениям… Заехали в Белгород. Название города говорит само за себя. Крепости, а их в городе несколько украшают этот старейший город на Руси.

Не доезжая до г. Харькова, сворачиваем на объездную и держим путь на г. Кременчуг. От Харькова до места прибытия оставалось семьсот километров Это расстояние до Дубоссар мы рассчитывали преодолеть засветло. Но случилось непредвиденное, когда я расхрабрившись, попытался обогнать какую-то машину, оборвалась резьба заднего левого амортизатора, и что делать?! Где искать амортизатор? Привязал я его, чтобы не тарахтел по дороге, и поехали дальше.

Со стороны и сзади наш запорожец напоминал бегущую собаку с подбитой задней левой лапой. Колесо, не встречая сопротивления амортизатора, отрывалось от земли, и машина некоторое время ехала на трех колесах. В общем, видок еще тот. В Дубоссары мы приехали около одиннадцати вечера. Небольшой районный городок, неухоженный и, что греха, таить, сильно запущенный, с тридцатитысячным населением (это я потом узнал). Наш дом оказался двухэтажным. На втором этаже мы нашли свою квартиру. Запорожец я поставил под огромный орех, росший во дворе под нашими окнами, он, бедолага, как-то вздохнул и присел.

Тяжкий путь в пять тысяч километров дался ему и нам нелегко. Но свою миссию наш запорожец выполнил с честью. Будь моя воля и возможность, я поставил бы ему памятник в Запорожье, где он родился, как поставили Антилопе Гну в Одессе. Прослужил он нам еще несколько лет после капремонта. Погоняли мы с ним дубоссарских браконьеров вволю, и сейчас они его вспоминают (заодно и меня)… Дорога в Тургайской степи мне и Любаше запомнилась на всю оставшуюся жизнь… Поначалу мне в жаркое время года часто снилось, что меня засыпало песком до подбородка, как Саида в кинофильме «Белое солнце пустыни».

Жена Жолдоша бегает вокруг моей головы и кричит: «Русски! русски! Нет вам вода! Нет вам вода!» Затем появляется Жолдош с ружьем на плече, в одной руке запотевший жбан холодного кумыса, и ставит он его в сантиметре от моего носа и стреляет в воздух, второй выстрел, я чувствую, будет в мою голову. Я закрываю глаза, но ничего не происходит, потихоньку открываю глаза и вижу, что меня откапывает водитель КамАЗа, приговаривая: «Звери! Ну что тут скажешь? Звери!» Я ему говорю: «Увидишь Жолдоша, не трогай его! Он мой!» Проснувшись я

долго пью холодную воду, заранее поставленную в холодильник…

Прошло много лет, и все же я иногда по ночам просыпаюсь от крика – «Русски! Русски! Нет вам вода! Нет вам вода!..» Прошло еще несколько лет, квартиру мы обменяли на частный дом. В первую очередь, мы пробурили скважину, в которой летом ледяная вода, купили кондиционер и реже мне стало сниться пережитое в Тургайской степи…

Коричневый туман над Днестром

Раскинулось море широко…

Влад и его жена Кристина приехали из Средней Азии, преодолев не без приключений расстояние в пять тысяч километров на «Запорожце». Неказистая машина в дороге порядочно поистрепалась и все же из последних сил довезла на Родину Влада в Приднестровье. Родился он здесь в селе Чобручи тогда, когда Слободзейский район ещё назывался Тираспольским. В Чобручах окончил русскую школу № 3, следом – Бендерское строительное училище. Потом – армия, долгих тяжких три года. После службы в Железнодорожных войсках подался в загранплавание моряком рыболовного флота.

…Затем в городе Новосибирске закончил речное командное училище им. Дежнева. На реке Оби работал рулевым-мотористом, штурманом, командиром плавучего крана… В общем покружил по белому свету…

После тяжелой травмы головы у Кристины от резких перепадов температуры воздуха часто и сильно болела голова. Врачи посоветовали сменить место проживания и жить там, где климат более сухой и устойчивый. Выбор пал на Киргизию. Уехали жить в город Фрунзе. Но недолго суждено было там оздоравливаться, хоть и климат там, действительно, хороший, и город очень красивый, и работа – то, что надо… В воздухе уже тогда витал смрад национализма…

На рубеже 1980-90-х киргизы, русские и другие национальности перестали понимать друг друга. Вернувшись в Приднестровье, Влад и Кристина тут же уловили такой же гнилостный запах со стороны правого берега Днестра, начавшего разлагаться государства Молдова. Заразившись от Румынии вирусом мании величия, «Народный фронт» Молдовы стал заражать всех вокруг себя, и окончательно взбесившись, кинулся на Приднестровье с целью загрызть, а если останется живым, то забрать с собой в (Великую) Румынию. Туда стремились теперь молдовские националисты, прикрывшись громким названием «Народный фронт». «Народный» – видишь ли – и все дела, кто пойдет против народа? Да никто против самого себя не пойдет, но народ быстренько распознал волка в овечьей шкуре и не позволил себя одурачить сказками о райской жизни соединения с «великой» Румынией. Начались митинги, протесты, забастовки.

Жители Приднестровья сплотились и провели референдум за отделение от Молдовы. Явка народа на голосование и результаты референдума превзошли все ожидания Почти сто процентов за отделение от Молдовы и за восстановление Приднестровской

Молдавской Республики, которую без согласия народа присоединили когда-то в 1940-м к Молдове…

Влад с Кристиной приехали в небольшой районный городок Дубоссары. Тогда в городке было тридцать тысяч населения. Сам городок когда-то считался курортным, но был изрядно запущен и по коммунальному хозяйству, и по благоустройству. Пыльные, грязные и неухоженные улицы, несколько пятиэтажек, горисполком, райисполком, РОВД, три-четыре завода, швейная фабрика были все-таки таким хозяйством, что это все же вполне себе был полновесный город. Достопримечательностью была и есть Дубоссарская Гидроэлектростанция.

Возле плотины, в запретной зоне, нагло хозяйничали браконьеры. Они безнаказанно выдергивали рыбу из Днестра смыками и затем в окровавленных мешках развозили по «точкам» на продажу. Глядя на такое варварское истребление рыбных запасов Днестра, у Влада сердце кровью обливалось. Опыт работы в рыбнадзоре Новосибирска и Фрунзе подсказывал Владу, что надо ехать в Тираспольскую рыбинспекцию и, если это возможно, принять на себя бремя рыбинспектора. Но там ему сказали, что в Дубоссарах инспектор есть, однако будут иметь ввиду Влада и при первой же возможности сами найдут и вызовут для работы. Предупредили, что участок сложный, бывает браконьеры кидаются на инспекторов. «Ну что ж, ничего нового, они везде кидаются на инспекторов», – подумал Влад. Да, а работу все же надо искать! Взяв трудовую книжку, диплом об окончании речного училища по специальности техника-судоводителя, отправился в Бендерское управление по обслуживанию речных путей. Начальник управления повертев в руках трудовую книжку и диплом, вернул их Владу.

– Нет мест, теплоходы все укомплектованы капитанами и штурманами, даже все места рулевых-мотористов заняты.

Забрав документы, Влад поднялся со стула и направился к выходу кабинета.

– Подождите, есть место лебедчика-моториста на плавкране! Поработаете до конца навигации, а там посмотрим.

Куда деваться, на что-то жить надо.

– Хорошо. Согласен, но только до конца навигации…

Работа лебедчика-моториста Владу была хорошо знакома, в Новосибирске на Оби отработал командиром плавкрана четыре года. Он знал, что эта работа была одной из самых неблагодарных. Кроме обслуживания двигателя, надо было убирать, чистить достаточно большую площадь и во внутренних помещениях. При обрыве троса надо было его перепасовать, при поломке грейфера – ремонтировать его. Если повар (повариха)

отсутствовали, обязан был приготовить завтрак, обед, ужин. В общем работы у лебедчика-мотористa было, как выражаются в Одессе, «аж за гланды». Но других предложений пока не было, пришлось согласиться. А вдогонку начальник «обрадовал»:

– Плавкран находится в районе села Каменка, поэтому рекомендую продукты брать из дома с собой.

До Каменки от Дубоссар около двухсот километров. Добираться к месту, где стоял плавкран, надо было на вахтовом автобусе. Десять дней работы, десять – отдыха. Приехав на плавкран, Влад схватился за голову – перед глазами предстала огромная, невесть каким чудом находящаяся на плаву, как бы пережившая бомбежку, чумазая железяка, грязная до невозможности. Разглядеть покраску палубы было невозможно. Начисто снесены грейфером леера. Кругом валялись обрывки тросов. Во внутренних помещениях не чище, разве что летучие мыши туда не поселились. Влад вспомнил свой кран в Новосибирске на Оби. По сравнению с ним, этот выглядел так, как будто его приготовили для сдачи на металлолом. «Да-а-а, влип», – подумал Влад. Команда была набрана из жителей прибрежных сёл, ни у кого из них допуска к работе не было. Имели только командир Семен Секрий и его заместитель по электрической части. Зам – веселый паренек Вася Кушнир – был грамотным и свое дело хорошо знал. Командир был каким-то угрюмым и оживлялся, когда изрядно выпивал вина. Вот тогда он хватал свою гармонь и с уханием и посвистом, пританцовывая, наяривал «Яблочко», «Раскинулось море широко…». В общем кран практически не исполнял своего назначения, работой никто не интересовался. Двигатель на выхлопе «чадил», часто выходил по разным причинам из строя. Форсунки не впрыскивали топливо, а просто лили топливо в камеры. Похоже их не опрессовывали длительное время, клапаны тоже не были притерты.

Не прошла и неделя, команда узнала, что Влад дипломированный речник и работал раньше командиром плавкрана. Некоторые из них в наглую стали чуть ли не гадить на палубу, отдраенную Владом. Кидали окурки, плевали, перед тем как зайти на плавкран, обувь не чистили от налипшей на берегу грязи.

Делалось это назло Владу, чтобы унизить его. Пусть убирает, диплом ему на этой должности ничем не поможет. Влад терпел и упорно добивался чистоты. «Выслуживается, хочет занять место нашего Сени», – рассуждали они. Да и что тут скрывать – будь воля Влада, он с удовольствием разогнал бы эту шайку-лейку, непонятно каким образом попавшую на плавкран. Ну а пока… Должность лебедчика-мотористa обязывала убирать за ними

грязь, окурки…

Прошло около двух месяцев. Двигатель плавкрана окончательно выдохся, появился какой-то глухой стук. Где, определить никто не мог. Влад нашел небольшой обрезок трубы. Вместо стетоскопа прикладывал к разным местам двигателя. На слух определил, что больше всего стук слышен в «гитаре», в передней части двигателя, в районе соединения двигателя с генератором. По рации был вызван из Рыбницкого участка механик. Влад показал, каким образом он определил место неисправности, и когда вскрыли «гитару», увидели, что на одной из шестерен выкрошились два зуба.

Однажды Семен после завтрака прихватил гармонь и, присев на комингс, стал потихоньку наигрывать «Раскинулось море широко…». Настроение было ниже ватерлинии, после вчерашнего голова была, как чугунная, и, соответственно – болела. А тут начальник еще привязался: до закрытия навигации надо построить отбойную дамбу, чтобы направить течение воды к фарватеру. Днестр совсем обмелел, теплоходы садятся на мели. Эх! Раскинулось море широко… Плавкран стоял приколотый сваями вплотную к берегу. Трап был спущен на берег. Семен, занятый своими невеселыми мыслями, не заметил, как подъехал УАЗик и по трапу стал подниматься Савицкий, начальник управления Днестровского водного пути. Семен увидел его, когда уже было поздно. Он помотал головой, как бы стряхивая некстати приснившийся сон. Но, увы, все это было наяву. Савицкий стоял перед Семеном, «как живой»! Семен в отчаянии рванул меха гармони и громко заиграл марш для гостей, приходящих на свадьбу с подарками для молодых. Команда, услышав музыку командира, высыпала на палубу, бросив игру в карты. С помятыми от вчерашней попойки лицами, небритые, в грязной робе, они больше походили даже не на пиратов, а на лесных разбойников. Савицкий, повертев головой, нашел взглядом Влада.

– Принимай кран, Владислав Никифорович! У этого композитора… – показал он рукой на Семена. И уже обращаясь к нему, добавил, – А ты, если не хочешь уходить, до конца навигации поработай на месте Владислава Никифоровича.

Семен что-то пробормотал и кивнул головой, согласен мол. Да и смысла увольняться не было, до конца навигации оставалось около двух месяцев. Дальше Савицкий разговаривал с Владом уже как с командиром плавкрана. Поставил задачу насыпать отбойную дамбу от правого берега почти до середины Днестра.

Течение по замыслу должно было дойти до дамбы и свернуть на фарватер реки, позволяя судам беспрепятственно успевать до окончания навигации вернуться в затон на зимний отстой и

ремонт. Дамба была насыпана в срок и качественно. В конце ноября плавкран и сам был отбуксирован в затон. Команда была отпущена в межнавигационный отпуск. Влада откомандировали в город Бендеры на курсы повышения квалификации и предположили назначение на место командира земснаряда. На курсах он встретился с Семеном. Тот, изрядно выпив, доверительно говорил Владу, дескать, бочка вина и я опять командир плавкрана!

После окончания курсов месяц Влад валялся на диване перед телевизором, затем в начале марта получил извещение из управления с предложением выехать к месту отстоя плавкрана в Рыбницкий затон с целью ремонта плавкрана и подготовки его к очередной навигации. На место зимнего отстоя прибыли первый помощник по электрической части Вася Кушнир и Тимофей Гылкэ, первый помощник механика. Семена Влад больше не видел. Видно, не докатил он бочку с вином до управления…

Изрядно повозившись, привели плавкран в божеский вид. Головки не снимались лет пять. С огромным трудом сняли и увидели забитые камеры продуктами горения топлива, которые выковыряли тоже не без труда, поминая нерадивых эксплуататоров двигателя плавкрана, заодно и их маму … Клапаны пришлось долго притирать, чтобы привести в рабочее состояние. Собрав двигатель, они его запустили. Работал, как часы, дым на выхлопе был почти прозрачным, что вызвало одобрение главного механика. Перепасовали рабочие троса, привели в божеский вид леера, палубу, внутренние помещения и сдали комиссии плавкран. Было получено «добро» на его эксплуатацию. Из отпуска стали прибывать остальные члены команды – Вася Накул, дядя Миша Куценко. Это были надежные и добросовестные ребята. Кое-кого из гадивших на палубу Влад отправил в отдел кадров, флоту засранцы не нужны….

Открытие навигации – это пробуждение матушки природы от зимней спячки. Река освобождается ото льда, своей хрупкой зимней одежды и предстает перед всем миром прозрачной чистой, обновленной. Животный мир реки, пробудившись от зимней спячки, становится активным, начинается его величество нерест. Речники становятся более разговорчивыми, оживленными, добрее. А уж браконьерам радости… Дружно латают сети, точат смыки, о неприятных встречах с рыбоохраной стараются не вспоминать, надеясь урвать от матушки природы побольше…

Плавкран ДК-3 был отбуксирован в район Каменки и установлен напротив санатория, для выполнения задачи, поставленной руководством управления. Необходимо было насыпать отбойную дамбу от середины реки и до берега с целью

ослабить течение у берега и направить его на середину реки. Дамба была насыпана качественно в отведенные сроки и стоит и сейчас спустя тридцать лет. Работой Влада начальство было довольно, люди на плавкране подтянулись, работали без принуждения, да и хорошая премия никому не мешала…

В конце мая работу Влада прервала Кристина. Она стояла на берегу со стороны санатория, махала руками и что-то кричала, рядом с ней стояла наша соседка Женя, которая привезла Кристину на своей машине. Влад спустил шлюпку на воду и поплыл к берегу, теряясь в догадках, что могло случиться. Оказалось, приехали из рыбинспекции Тирасполя и пригласили на работу в качестве участкового рыбинспектора на Дубоссарский участок район плотины Дубоссарской ГЭС. В управлении Днестровского водного пути с большим сожалением отпустили Влада с его наработанной должности. Начальник управления, на прощание крепко пожав руку Влада, сказал:

– Вы, Владислав Никифорович, сделали за один сезон работу, которую не могли другие сделать за пять лет. В случае чего возвращайтесь к нам, с удовольствием примем и на более высокую должность.

Так неожиданно прервалась карьера Влада как командира плавкрана. Впереди его ждала опасная тропа войны с браконьерами, но Влада это не пугало – он был не из робкого десятка…

По Сеньке шапка…

Влад стоял почти рядом с браконьером, мужчиной лет сорока. Тот сосредоточенно точил иглы смыка. Закончив точить, он удовлетворенно цокнул языком:

– «Слышь! Отойди подальше, могу зацепить, больно будет!».

– «Ничего я успею пригнуться!».

– «Ну как хочешь! Я предупредил».

– «Надо же какой заботливый», – подумал Влад. Смык просвистел над головой, Влад едва успел пригнуться.

– Ну что ты здесь торчишь?! Тебе что места мало!?

– Хочу с тобой познакомиться, уж больно лихо у тебя получается!

Подойдя вплотную к смыкачу, Влад сказал:

– Давай знакомиться. Я – участковый госрыбинспектор, а вы, как я понимаю, грубо нарушаете правила рыболовства! Ваши действия квалифицируются не как административное правонарушение, а как уголовное деяние. Это лов рыбы в нерестовый период запретными орудиями лова, к тому же в запретной зоне, где ловить рыбу запрещено круглогодично!

– А не пошел бы ты, инспектор!..

– Нет, не пойду! Это ты сейчас пойдешь со мной в РОВД, там составим протокол, затем к тебе будут приняты за такие наглые действия соответственные меры.

– Слышь, инспектор, может не надо в РОВД?

– Нет, надо! – усилил напор Влад.

– Смотри, пожалеешь! – перешел в наступление браконьер.

– Ага, так я и перепугался! – Влад достал из-за пазухи папку с протоколами. – Фамилия, имя отчество, адрес?

– Так я тебе и сказал!

– Ну что ж, придется доставить в РОВД, там всё и выясним!

– Не надо, начальник, в милицию! Откинулся я недавно, там уцепятся, опять наладят к хозяину. Я и так скажу – Игорь Петрович я, Круду, живу на Якира, 12.

– Место работы?

– Да не работаю я! Недавно освободился.

– Только освободился и опять туда тянет? Там конечно не курорт, но почему и здесь от Вас покоя нет, а?

– Давай договоримся, а, инспектор? Я и тебе насмыкаю рыбы сколько закажешь.

– Не нужны мне твои услуги, бери удочку и лови, как и все, а пока придется заплатить штраф и больше не появляйся на берегу, тем более в запретке со смыками!

Поворчав, Круду подписал протокол. Расстались они, конечно, без обниманий, холодно…

Прошло два месяца. «Запорожец» захандрил и не пожелал завестись, было уже очень поздно, за полночь. Пришлось оставить некстати раскапризничавшегося упрямца во дворе инспекции и идти домой пешком. Дорога, по которой шел Влад, была не освещена. Темень кромешная… Вдруг сзади со стороны Днестра засветилась фара и Влад услышал звук приближающегося мотоцикла. Отклонился вправо (дорога была узкая), чтобы обгоняющему его можно было проехать. Замедлив ход, водитель мотоцикла приблизился и резко выбросил руку в сторону Влада. Блеснуло лезвие ножа… Но на самом деле Влад, чувствуя мстительность таких «товарищей», шел уже подготовившись к самым неожиданным событиям. Он заранее приготовил пистолет и загнал патрон в патронник. Сейчас, на выпад, выстрелил вверх, хотя имел право стрелять и в голову, на поражение. Но не убивать же идиота. Ночной наездник не ожидал, видимо, такого поворота событий и от неожиданности с перепугу выронил нож. Тут же быстро наклонился поднять его. Сильным ударом ноги в подбородок Влад свалил ночного любителя махать ножом на землю вместе с мотоциклом. Тут же схватил его за воротник, приподнял и сдернул с его головы шлем.

– Ба, знакомое лицо! Сам Игорь Петрович собственной персоной, пытается сократить поголовье рыбинспекторов! И чего, дружок, ты такой неугомонный?! То смыком машешь, то ножом. Пожалуй, на этот раз мы с тобой прокатимся в РОВД. Скучаешь, как я погляжу, по тем местам, откуда вернулся?

– Начальник, клянусь, больше никогда не подойду к Днестру со смыками, а с ножом, так это я пошутил. Хотел проверить кто ты, как ты… Считай, на понт хотел взять…

– И как, проверил? Твои шутки лет на пять потянут!

– Да с тобой лучше не встречаться, отпусти меня, больше не увидишь!

– Повесишься что ли?

– Нет, уеду куда-нибудь. Не резон мне садиться… А ты не дурак, умеешь за себя постоять, – польстил он Владу.

– Да таких, как ты, немало, кое-чему уже научили…

– Так я поехал?

– Ладно, хрен с тобой, уезжай! – не понимая почему, пожалел Влад чуть было не зарезавшего его браконьера… – Не попадайся мне больше на глаза. Это я тебе очень серьезно советую…

Стычки с браконьерами происходили часто. Бывало и такое, что толпой кидались. Особенно злобными и мстительными были малолетние. Оставить «Запорожец» без присмотра, значит

вернуться и увидеть разбитое камнем лобовое стекло или пробитые все четыре колеса… Пытались сжечь здание рыбинспекции.

Влад от греха подальше стал проводить рейды с привлечением общественности и милиции. Помощником у Влада был, якобы «бывший» браконьер Сулима Миша. Почему якобы, да он и не переставал быть браконьером, работая в рыбинспекции. Зато он знал всех браконьеров в лицо, их адреса, фамилии. Конечно, он сдавал не каждого…Влада он предавал за милую душу, стоило уехать в Тирасполь на совещание. Сулима сообщал об этом своим дружкам, и начинался шабаш браконьеров у плотины ГЭС. Влад знал об этом и решил проучить Сулиму. Изобразив выезд в Тирасполь, якобы на совещание, он доехал до Григориополя и, сбив со следа хвост (Влада всегда сопровождали), вернулся в Дубоссары, взял двух общественников и свободного от службы милиционера. Поехал в район плотины. Там было столпотворение смыкачей, несколько резиновых лодок на воде, с которых ставили или снимали сети. Не многие успели сбежать, увидев облаву, ну а с лодками и того проще – сами подходили к берегу в объятия инспектора…

При составлении протокола почти каждый удивлялся: «Ты же в Тирасполь уехал! На совещание!» Влад лукаво пояснял, что кто-то позвонил из Дубоссар (намекая на Сулиму), что тут без него в запретке грабят Днестр. Пришлось вернуться! Браконьеры бормотали о каком-то обмане и грозились с кем-то круто разобраться. Влад понимал, о чем идет речь и, когда увидел Сулиму на другой день утром с приличным фингалом, окончательно убедился, что он сдает его местонахождение своим дружкам-браконьерам.

– Они мне и голову грозились оторвать! – давил на жалость Сулима, – Отпусти отдохнуть недельку? А? Пока фонарь сойдет!

– Иди отдохни – на работе горишь! – иронизировал Влад.

– Да, да, устал я! – бормотал Сулима. – Ладно, пойду я!

Влад знал, что, этот деятель идет делать вино, и пока не выпьет с ихтиологом и другими «знатоками рыбы» трехсотлитровую бочку, на работе не появится. Ихтиолог пару раз в неделю появлялся с изрядно покрасневшим носом. На эпопею с бочкой вина уходил месяц. Все это время жена Сулима Лора и сын Витя жили у соседей или на работе Лоры. Буйный характер муженька заставлял ее приходить в инспекцию со следами побоев и жаловаться. Владу не один раз приходилось идти и разбираться с дебоширом. Тот однажды «любезно» встретил с ружьем. Когда при разговоре Сулима отвлекся на залаявшую собаку, Влад вырвал из рук идиота ружье (оно оказалось заряженным), двинул

ему кулаком в морду, разрядил ружье и расколотил его в щепки. С таким коллегой скучать не приходилось…

Прошло два года… Здание рыбинспекции стараниями Влада было отремонтировано, и был наведен порядок в помещениях. В районе плотины, бывало, не увидишь браконьеров сутками. Приезжавшую из Тирасполя опергруппу это как-то даже раздражало, мол зря прокатились… Недовольство вызывало и то, что у Влада было огромное количество протоколов и все на грубые нарушения Правил рыболовства. Начальству приходилось выслушивать упреки уже начальства повыше, что Бушуев дает больше протоколов, чем все вместе взятые участки инспекции.

Посовещавшись, господа чиновники решили утроить подлость Владу. Подослали своих знакомых военных на рыбалку к плотине, которые изрядно выпив горячительного, вели себя шумно и, как говорится, неадекватно. Как оказалось потом – это они привлекали внимание Влада. Влад подъехал к ним и попросил уйти из запретной зоны. Они как-то быстро согласились, якобы, из уважения, подарили обойму к пистолету ТТ, которыми были вооружены все инспектора. Их вежливость и дружелюбие не насторожили Влада. Откуда ему было знать, что номер обоймы и номер части заранее записан и лежит на столе у начальника инспекции Зинченко. Кляуза Сулимы, уволенного Владом за систематическое пьянство, и подписанная предавшим Влада ихтиологом – все было собрано. Комиссия по душу Влада не замедлила прискакать. Провели настоящий обыск в кабинете Влада, в сейфе нашли помеченную подлыми военными обойму, которую Влад якобы «выкрал» у них. И вот Влад из инспектора превращается в преступника. А весь смысл – если не уволишься, то будет заведено уголовное дело за хищение военного имущества (т. е. обоймы патронов). Вот так – не больше и не меньше.

Уволенного якобы незаконно Сулиму взяли на прежнюю должность. Радости и злорадству браконьеров не было предела. За все «отблагодарило» глупое начальство, и за приведение в порядок браконьеров, за отремонтированное здание инспекции и обеспечение его на зиму топливом. Кстати, тут же после увольнения Влада, Сулима и его компания растащили по домам с трудом приобретенный уголь, а это около двадцати тонн. Немалая доля досталась ихтиологу Сереге Панасенко. По происшествии небольшого отрезка времени сотрудник Тираспольской инспекции рассказал, как была продана должность Влада, приехавшему с Дальнего Востока, жителю Кишинева. Обошлась ему должность Влада в ондатровую шапку для Зинченко. Не побрезговал, дешево отдался. Ну что ж,

пословица не зря говорит «По Сеньке и шапка»…

Новоиспеченный инспектор пришелся по душе браконьерам. Он практически не находился на работе, часто уезжал за границу за шмотками и спекулировал ими. Изрядно от вояжей инспектора перепадало и жадному до халявных тряпок Зинченко. У плотины правил бал Сулима. Браконьеры были счастливы… Забегая вперед, надо сказать, что во время Приднестровской войны с национал-фашистами Молдовы Сулима воевал на стороне фашистов. Ребята из разведки Приднестровья часто видели этого предателя пьяным (там хорошо наливали, для храбрости). Ихтиолог Панасенко слинял на Украину к бендеровцам. Влад воевал за Приднестровье против нацистов, награжден многими боевыми наградами…

Урок математики

В очередной раз надо было искать работу. Влад прихватил с собой трудовую книжку, права водителя троллейбуса, причем второго класса. В Новосибирске водителем отработал шесть лет. «Может вернуться в управление водных путей, там примут с удовольствием?» – рассуждал Влад. Он позвонил в отдел кадров Управления водных путей Молдавской ССР. Прошло уже два года с его увольнения, но по голосу его узнали! Пригласили тут же на работу. Но не в его привычке было возвращаться туда, откуда ушел. Всегда хотелось чего-то нового.

Трудовая книжка Влада была похожа на разбухший талмуд. Благо, сам он был всегда подтянутым, аккуратно одетым, лицо его также было приятным, хоть и не красавец. Может быть, потому принимали на работу практически всегда, куда бы он ни обратился…

Обратился сейчас Влад в троллейбусное управление города Тирасполя. Начальник управления Николай Онуфриевич Бучацкий, с виду вежливый приветливый мужчина, предложил должность ревизора и общежитие с обещанием однокомнатной квартиры в течение года.

Посоветовавшись с Кристиной, Влад принял решение не устраиваться на эту работу. Должность ревизора была знакома не понаслышке. Ведь работал уже водителем троллейбуса в Новосибирске. Ревизору по должности приходилось с утра до вечера «собачиться» с водителями за их нарушения Правил технической эксплуатации. Конфликтность профессии не привлекала. Надоело уже конфликтовать с браконьерами. Нет, спасибо! В Дубоссарах нахватался врагов, как собака блох, осталось в Тирасполе со всеми водителями перессориться…

Нашел себе работу Влад в Дубоссарском клубе авто-мотолюбителей при Кишиневском ДОСААФе. Сюда он устроился мастером вождения легковых автомобилей и мотоциклов.

Скомплектованная группа для обучения вождению легковых автомобилей состояла почему-то из сплошных евреев и не менее поголовных евреек. Происходило это потому, что Народный фронт Молдовы провозгласил один из своих самых неумных, скажем так лозунгов «Русских за Днестр! Евреев в Днестр!», «Умоем асфальт русской кровью!» Вот так, не больше и не меньше!

Шел уже 1990-й год.

Евреям от того было невесело, но по приезду в Израиль надежда на получение водительских прав у них была весьма

призрачна. Сдать на права и вождение в Израиле было весьма проблематично. Поэтому они спешили обзавестись правами здесь. Да хотя бы и потому, что зам. директора клуба Нашпиц за небольшую «благодарность» гарантировал сдачу правил и вождение уезжавшим в Израиль, и, в свою очередь, немного тоже благодарил гаишников… Владу такое «вождение» добавили изрядное количество седых волос. Чтобы не определили в антисемиты, в выражениях о евреях приходилось быть очень осторожным – народ весьма обидчивый. И даже за эти осторожные выражения найдутся к пишущему претензии. Так если что-то не так, извините, не хотели обидеть.

Поначалу все было хорошо, первую группу выпустил со стопроцентной успеваемостью. Большая премия порадовала. Но вот беда, директор клуба – ярый националист, сторонник «Народного Фронта», сильно как-то стал намекать, что премией надо делиться, да и остатки бензина у Влада должны быть залиты в бак личной машины господина директора клуба. Влад в математике был слабоват, такое действие как отнимание давалось легче. Он хорошо усвоил это, работая в рыбинспекции. Там часто приходилось отнимать сети у браконьеров, смыки, рыбу… А тут делись, с какой радости? Да и с кем? С ярым сторонником нацистов! Ну уж нет, дело принципа! И тогда решил сей директор избавиться от слабого в математике по части деления мастера вождения. А как? Преподает он хорошо, иначе откуда премии?

И задумал директор хитроумную комбинацию… Поехал этот деятель в Кишинев к начальству со своей подругой, обличием сильно похожей на ученицу Влада, Раису Кац.

Вот она якобы пострадала от произвола хама мастера. Обидел, дескать, оскорбил и даже приставал с нехорошими предложениями. Что в Израиле подумают о нашей школе?.. Накажите негодяя – это что он себе позволяет! Когда Влад приехал в Кишинев сдавать отчет за расход бензина, его пригласил к себе в кабинет начальник отдела по обучению автомотолюбителей Иван Федорович:

– Проходите, Владислав Никифорович, присаживайтесь. Вынужден Вас огорчить – поступила жалоба, что Вы, мягко скажем, некорректно обошлись со своей ученицей, гражданкой Израиля Раисой Кац. Вот ее жалоба у меня на столе.

От услышанного Влад чуть было не упал со стула.

– Да не было ничего подобного!

– Было не было, а ее жалоба вот она – лежит у меня на столе! Кстати, это у нас первый случай! Не было никогда такого…

– Так давайте мы прямо сейчас позвоним Раисе домой и все

станет на свое место!

Кое-как отыскав телефон Раисы, позвонили, кто-то ответил, что Раиса уже две недели живет в Израиле.

– Ну не знаю, как тут быть! Склонен тебе верить, просмотрел твою трудовую, одни благодарности премии, повышения. Что-то здесь не так. Вот что, Владислав Никифорович, похоже, этот Ваш директор решил избавиться от тебя моими руками, – сказал Иван Федорович, перейдя на ты. – Хитромудрый румын!

Ишь какую комбинацию разыграл, Ботвинник хренов! Да! А как с тобой быть? Обязан отреагировать, иначе это го…но… Короче, не будет мне покоя, если не отреагирую…, – понизив голос, он доверительно сказал, – их теперь время! Так вот что, обижайся не обижайся, попадаешь ты под сокращение… И покатился колобок дальше…

На границе войны и мира

1991 год. Уволился из Кишиневского ДОСААФа, а после его ухода вдруг оказалась лишней и сама должность инструктора – мастера вождения легковых автомобилей. Начальство, видимо, надеялось на особую одаренность курсантов, которые займутся самообучением и, возможно, предположило, что можно каждому выдавать в день по машине, для того, чтобы делать из них «гармошки»… В общем, сократили и сократили, а в переводе на русский – уволили за защиту моста через Днестр от карателей в ноябре 1990 года… Доложил господин директор… Ну и хрен с ними, с этими румынскими лизоблюдами… Подался, покатился колобок тогда дальше – в Территориальный спасательный отряд, где был принят (условно) начальником экологической разведки. На самом деле он исполнял функцию разведчика, т. к. хорошо знал молдавский язык (а значит и румынский). Приходилось постоянно ходить на сборища фронтистов, которые одурманивали граждан молдавской национальности, рассказывая о прелестях объединения с Великой Румынией… Весь этот бред Влад выслушивал и писал в газете «Заря Приднестровья» разоблачительные статьи, фельетоны, высмеивал узкое мышление фронтистов и тех, кто подпевал им. А таких было пруд пруди, если проще – много…

Однажды в селе Лунга Влада все же узнал ярый нацюга по кличке Скелет, достал из-за пояса пистолет и зашипел – застрелю! Обошлось, правда, без стрельбы…

Когда Влад приехал из Тирасполя с направлением, то в Дубоссарском отряде ТСО его встретили достаточно сдержанно.

Почти все ребята были знакомы, многие из них были браконьерами и, увидев Влада, погрустнели. Решили, видимо, что его восстановили в должности рыбинспектора и что он пришел по их душу. Сейчас достанет папку и начнет составлять протоколы… Командир дубоссарского отряда был Сергей Николаевич Слободянюк, высокий, можно сказать, стройный мужчина, офицер запаса – подполковник. К Владу он отнесся доброжелательно и стал поручать секретные задания, которых он не мог поручить другим в силу их какой-то несерьезности.

Были и очень хорошие серьезные ребята: Петя Олейник, Гена Шкильнюк, Петя Пасат, который был мастером спорта по бильярду. Саша Иов мастер спорта по борьбе, Костя Донец, Игорь Кобылянский Коля Коршунов. Как-то Влад выиграл даже партию у Пети Пасата (ну, конечно же, случайно). Влад играл в бильярд от силы два-три раза в армии. Но Петя не очень расстроился, он не был эмоциональным, как многие другие.

Ближе к осени обстановка в городе стала накаляться. Полиция стала задерживать депутатов Верховного Совета Приднестровья и отправлять их в Кишиневские тюрьмы. Бойцы ТСО стали противодействовать фронтистам, снимать румынские флаги, понавешанные ими в разных местах, в том числе и на зданиях горисполкома и райисполкома. Мастерами по снятию триколоров были Саша Иов, Костя Донец, Петя Олейник, Володя Широков. Работали ночью, никакая охрана не могла устеречь румынские триколоры. К утру ребята приносили ненавистную румынскую символику и кидали на ступеньки входа в горисполком… Желающих убрать их не было. Так и валялись, пока уборщица не выкидывала в урну. Штаб Дубоссарского отряда ТСО находился в подвале горисполкома, полиция крутилась вокруг окон подвала, но в подвал зайти туда приспешники прорумынской власти не решались – из одного окна торчало внушительное дуло пулемета «Дегтярева», который на самом деле был можно сказать бутафорией. Пулемет был, говоря языком одесситов, сильно неисправен и не стрелял даже по своим. По прошествии небольшого срока времени, все же нашелся человек, оружейный мастер с большой буквы, и отремонтировал раритет. Вскоре один цыган принес ведро патронов и пулемет стал уже не просто железякой, а безотказный боевой единицей.

25 сентября 1991 года боец по кличке Кинг-Конг пулеметной очередью здорово напугал выглянувших из-за забора полицаев, когда население пришло к зданию полиции с требованием убраться из города. После этого случая смелого парня стали называть не сухо Кинг Конг, а ласково – Киня. Потом так и воевал он с начала и до конца войны с этим пулеметом. После войны

получил и вполне заслуженно награду – орден «За личное мужество». До этого же – 2 сентября Верховный Совет, тогда Приднестровской Молдавской Социалистической Республики, утвердил символику Республики – флаг и герб. Привезенный флаг депутатами было поручено установить на флагштоке, который находится на крыше горисполкома Дубоссар. Поручили Саше Иову, Владу и Косте Донцу. Забравшись на крышу через люк в крыше, закрепили флаг на флагштоке, и он гордо под порывами ветра затрепетал на ветру. Опытный Влад посмотрел в сторону здания полиции, окно, встроенное в крышу, открылось, и блеснули стекла бинокля. Позже ребята божились, что полицаи выставили в окно пулемет и готовы были стрелять. Не исключено, не исключено – с них станется… Ребята под прикрытием высокого парапета, который прикрывал их «пятые точки», на карачках кинулись к люку выхода на крышу… А флаг развевается и по сей день… Конечно, это не водружение знамени Победы над Рейхстагом под плотным огнем противника, но все же, приятно смотреть и через много лет. И, дай Бог, будет развеваться вечно…

Ситуация конфликта властей и непризнанных структур Приднестровья продолжала развиваться. Однажды Влад и Миша Кравец залезли на крышу здания горисполкома проверить, хорошо ли держится установленный на флагштоке флаг. Увидели катушку из-под кабеля и трубу от радиорелейной мачты. Соорудили нечто похожее на крупнокалиберный пулемет, «дуло» выставили на край парапета, направив в сторону здания полиции. Через час, не более, над крышей стал кружиться вертолет Молдовы…

В начале октября обстановка в городе стала резко обостряться. До этого гвардейцы под руководством старшего лейтенанта Владимира Пастики отжали без единого выстрела семьсот автоматов, их перевозили из мест заключения в Кишинев, боялись захвата оружия гвардией Приднестровья. Но именно это и произошло – операция прошла безукоризненно. Гвардейцы остановили колонну машин, вывозивших оружие, и Володя Пастика, представившись майором, приказал сдать оружие и боеприпасы вместе с техникой. Возражений не последовало. Сопровождавших оружие отправили пешком в Кишинев к своим хозяевам. Благодаря находчивости Володи Пастики и других ребят, батальон гвардейцев был вооружен, вооружили и милицию, только что перешедшую на сторону народа.

Итак, в здании РОВД (теперь РОП – районный отдел полиции) находилась полиция, защищавшая интересы нацистов, а в здании райисполкома располагалась Приднестровская милиция. После того, как милиционеров, присягнувших Приднестровью,

вооружили автоматами, они уже стали патрулировать в городе с оружием. Полиция сильно приуныла, но и не бездействовала. Двоих зазевавшихся милиционеров захватили вместе с оружием и долго издевались, били в РОП, затем отправили через Днестр в Криуляны (Молдова). Видимо, там хотели окончательно добить. Влад и Миша долго думали, что делать, как вытащить из беды ребят.

– Вот что, Миша, ты служил в милиции и знаешь почти всех бывших милиционеров, теперь уже полицаев в лицо. Пойдем к плотине, там остановка автобуса, едущего из села Кочиеры. Полицаи часто приезжают в женское общежитие швейной фабрики. Может, в автобусе захватим какого-нибудь полицая и обменяем на Виктора и Николая?

У Миши загорелись глаза:

– А давай захватим подполковника, знаю я одного!

– Подожди, пока поучимся на более мелкой дичи! А там посмотрим!..

На Мишином «Москвиче» подъехали к остановке. Сделали это почти одновременно с автобусом, ехавшим из села Кучиеры, в котором жили полицаи, служившие теперь в Дубоссарском РОП. В автобусе людей было мало. Миша показал на одного мужчину лет тридцати пяти – этот полицай! Влад подошел к тому и схватил за шиворот. С помощью Миши потащил его, упирающегося, к выходу. Вытащили этого зазевавшегося, потерявшего бдительность и замечтавшегося о том, как будет хорошо жить после объединения с мамой-Румынией. В кобуре под мышкой у него был пистолет, который он и не пытался достать. Влад «освежил» ему лицо газовым баллончиком, и он мотал теперь сопли на кулак и вытирал слезы – не до оружия ему было. Освободив от оружия, посадили полицая в машину и повезли в штаб батальона гвардейцев. Там были рады такому гостю и буквально на другой день его обменяли на наших незадачливых милиционеров. Они были избиты до неузнаваемости. Виктора Церцеила били очень сильно по голове, и сейчас он – инвалид, не узнает Влада. Да Бог с ним, хорошо, что живой.

Вооруженный батальон гвардейцев и милиция обеспокоили руководство Молдовы, и они тайно начали увеличивать численность Дубоссарского РОП. Через Днестр у села Кочиеры в Дубоссары стали партиями засылать полицаев, собрав их со всех районов Молдовы. Потом это скопище карателей окрестили «Троянский конь». Часто эти «герои» звонили в штаб ТСО и угрожали порезать на ремни. Но открыто в городе боялись появляться. Беседы с ними вел Гена Шкильнюк. Если к ним звонил Гена, то беседа начиналась со слов:

– Алло! Это КРС!

– Дежурный по Дубоссарскому РОП лейтенант Гилеску слушает!

– Какой РОП! Я в КРС звоню! – говорил Гена, намекая на новую символику флага (триколора) Молдовы. Там была, и сейчас есть, голова вола с большими рогами, и потому окрестили здание полиции ТСОвцы КРС (Крупный рогатый скот). Так Гена «заводил» поднявшего трубку в РОПе и начиналась «задушевная» беседа: «Бл…ть, сепаратисты! Всех перевешаем!».

– На всех веревок не хватит, – отвечал Гена, – Вы веревки разворовали, по домам растащили.

Гена намекал на вороватость румын, тащивших к себе домой все видимое и невидимое. Разговор всегда заканчивался одинаково. Один из тех, у кого сдавали нервы (а сдавали они, как правило, у полицая), срывался на «Пошел ты на …й!»

– И тебе туда не заблудиться! – вежливо отвечали на нашем конце провода.

Начало декабря, тревожное ожидание неминуемой беды. Поступил приказ перейти на казарменное положение… Молдова стягивает к Приднестровью своих карателей. Особенно беспокоил этот нарыв со скоплением более двух ста хорошо вооруженных полицаев почти в центре города. И вот 13 декабря настал момент истины… Нарыв вскрылся.

В пять часов отдыхавшие еще бойцы ТСО услышали автоматные очереди. Командир ТСО Слава Балмуш (сменивший Слободянюка) приказал разведке немедленно выехать на место, где шел бой. А бой шел «на кругу» – кольцеобразной развилке, где было место дежурства ГАИ на въезде в город. Несшие дежурство Рыбницкие гвардейцы приняли бой во главе с капитаном Владимиром Щербатым. Первый заслон из рыбницких же гвардейцев сдался без боя (синдром дивизии Чапаева, вместе с таким трудом добытым оружием…). Щербатый погиб, защищая Республику, вместе с ним и его стойкий верный присяге боец Александр Патергин, а также смертельно был ранен сотрудник милиции Юрий Цуркан. Тяжело ранен и захвачен в плен восемнадцатилетний боец ТСО Юра Мёд и сотрудник милиции Владимир Казьмин. Потери со стороны карателей были из трех убитых и большого количества раненых.

Когда Влад и Миша подъехали к месту боя, стрельба уже совсем затихла, но из двора дома, прилегающему к «кругу», выскочил каратель с автоматом, крикнул по-румынски: «Стоять! Назад!» и дал очередь поверх машины… Развернувшись, Миша повел машину в обход, по другой улице, и они выехали на место боя с другой стороны, где стоял командир батальона гвардейцев

Л. и переговаривался с одним из карателей похоже с их командиром.

Увидев Влада и Мишу, он заорал на них: «ТэСэОшники гребаные! Грузите убитых и раненых в автобус!». А кому еще он мог приказывать – его вояки сидели в «Авроре» (это тяжелая машина КРАЗ, обшитая листами пятнадцатимиллиметровой стали, вооруженная пулеметом и автоматами, экипаж из четырех человек). Похоже, сильно напуганные происшедшим, они так и не вступили в бой, а уехали к зданию полиции, чем до смерти напугали оставшихся там полицаев, которые подумали, что силы троянского коня разгромлены гвардейцами. Полицейские затаились, как мыши, и даже свет потушили… Влад и Миша под косыми взглядами карателей погрузили убитых героев защитников Приднестровья в автобус. Помогли им непонятно откуда появившийся Гена Шкильнюк и водитель автобуса. Поехали по домам переодеться, одежда была вся в крови убитых ребят. Тут же сели в машину и поехали в объезд по полевым дорогам к Вадул-луй-Водскому мосту через Днестр в поселок Криуляны. Полтавский мост каратели заблокировали тремя тяжелыми бульдозерами. Приехав в Криуляны, увидели, что к заранее развернутому госпиталю машины «Скорой помощи» спешили одна за другой, привозили раненых карателей, получивших крепкий отпор от защитников своей, только что родившейся, горячо любимой Республики…

Едут в Приднестровье наши казаки

…А пока лежит Влад на нарах камеры, смотрит в потолок и вспоминает…

Начало 1992 года было относительно спокойным. «Троянский конь» после долгих переговоров «ускакал» на правый берег Днестра. Дубоссарский батальон гвардейцев, воспользовавшись ситуацией, вытеснил полицейских Молдовы с территории плотины. В здании полиции оставались около сотни человек. Обстановка в городе обострялась, когда полиция пыталась спровоцировать милицию на столкновение. Но пока это или не удавалось, или не сильно-то этого хотелось. Прибывших с Дона и Кубани, а затем и из других мест России, казаков они боялись, как огня. Связываться с бравыми казаками карателям было страшно, тем более, что казаков тоже вооружили, и они патрулировали в городе с оружием. С ними не забалуешь…

Влад подружился с двумя смелыми отчаянными казаками. На Жигулях, отобранных у полиции, смело пересекали мост и приносили ценные сведения о подготовке Молдовы к ликвидации только что образовавшейся Республики. Влад, как бывший инспектор рыбоохраны, хорошо знал расположение многих прибрежных объектов, где скапливались силы полицейских, для

решающего, как им казалось, броска на «сепаратистов» – так они презрительно называли приднестровцев… Приднестровцы тоже не дремали, их вооруженные силы пополнялись добровольцами, идущими защищать родную землю с оружием в руках.

Однажды Влад поехал на правый берег с Юрой Джурой и Юрой Мафаней (так звали тех двух казаков) на правый берег. Недалеко он поселка Вадул-луй-Водэ располагался небольшой аэродром. Помнилось, что там находились два «кукурузника» для сброса парашютистов-любителей. Каково же было удивление Влада, когда он увидел, что «поголовье» самолетов значительно пополнились – их там уже стояло одиннадцать. Лихие казаки заехали на практически неохраняемый аэродром и наличие самолетов было сфотографировано, затем снимки были переданы в Тирасполь в отдел разведки ТСО. Возвращаясь в Дубоссары, Влад показал ребятам пост местных полицейских… Сведения и снимки с аэродрома с кукурузниками были очень важными. Благодаря этому позже была предотвращена высадка десанта в тыл защитников Приднестровья.

На другой день после поездки на аэродром Влад с удивлением узнал из воплей в телепередаче «Мессаджер» Молдовы о том, что казаки напали на пост полицейских и разоружили его. «И правильно сделали, – решил про себя Влад. – Могли бы и меня взять на эту смелую операцию». Оказалось, они не хотели Влада засветить, так как многие знали его в лицо…

Последний день февраля. Звонок из горисполкома. Руководство поручило Владу сходить в район школы № 2 и проверить, что там происходит, так как кто-то позвонил и сказал, что там якобы бесчинствуют «фронтисты» – ярые сторонники присоединения Молдовы к Румынии. Быстро одевшись, они с Кристиной быстро пошли к указанной школе. За ними увязалась их хроменькая собачка Юлька. У школы было все спокойно, никакого движения, как и обычно – какое движение может быть в 10 вечера в тихом провинциальном южном городе. «Что-то здесь не так», – тем не менее почувствовал Влад. На обратном пути, проходя мимо остановки автобуса, Юлька забеспокоилась – подбежала к забору и стала лаять. Кусты, темно… На кого она могла лаять – непонятно…

– Юлька, Юлька, домой!

Та отбежала от забора и тут же вернулась, и опять стала громко лаять… «На кошку, наверное», – подумал Влад.

– Пошли, Юлька, пошли домой! – до дома три минуты ходьбы.

Только вошли в квартиру, как раздался треск автоматных очередей. Как оказалось потом – стреляли из-за того забора у

остановки в проезжающую мимо машину начальника милиции Игоря Сипченко, который на тот момент тоже решил выяснить, что происходит у школы. И только машина поравнялась с забором около остановки, оттуда раздались автоматные очереди. Целились в кабину. Игорь Сипченко был смертельно ранен, шоферу пуля пробила ногу. Влад поспешил в горисполком, там уже находились встревоженные автоматными выстрелами атаманы Донского войска и Союза Днестровских казаков Ратиев и Сазонов. Несколько казаков обсуждали происшедшее. Руководитель города и района позвонил в больницу, где находился раненый Игорь Сипченко. На другом конце провода сказали, что Сипченко умер. Ф*** с потемневшим от переживания лицом обвел взглядом всех находящихся в приемной и сообщил о гибели первого начальника Дубоссарской милиции. Затем, немного помолчав, сказал обращаясь к атаманам:

– Взять полицию!

Атаманы и казаки, которые были с ними, как растворились…

– А ты, Бушуев! – обратился он к Владу, – Зачитаешь тем ультиматум. Если не сдадутся добровольно, то …здец им!

Написали ультиматум на русском и молдавском языках, дали в руки мегафон, и отправился Влад исполнять обязанности парламентера. Он должен был зачитать текст ультиматума на русском и молдавском языках. Если же полицейские не сложат оружие и добровольно не сдадутся, то через два часа начнется штурм. Прошло два часа. Никто и не думал сдаваться – наоборот, со стороны здания полиции раздалась автоматная очередь и скосила двух донских казаков. Миша Зубков погиб на месте, другой был тяжело ранен.

– К штурму, марш! – Влад был без оружия и стоял с мегафоном под прикрытием толстого дерева. Ему пришлось наблюдать исторический момент. Донские казаки, и казаки Днестровского союза, гвардейцы дружно и бесстрашно, слегка пригнувшись (как в фильмах), пошли на штурм. Не ожидая такого напора, полиция растерялась, побросала оружие, и все они стали выходить с поднятыми руками. Самому рьяному защитнику последнего очага защитников «Народного фронта» майору Владимиру Колеснику одели наручники. Всех плененных посадили в автобус и отправили в город Тирасполь… Там же был задержан некий капитан Иваницкий, стрелявший в Игоря Сипченко. Так в ночь на первое марта 1992 года началась война…

На войне, как на войне

Отрывок из рассказов Григория Ивановича Спичака о Приднестровье. Публикуется с согласия автора

Длинная трассирующая очередь ударила в «наседку».

Так бойцы ТСО (территориальный спасательный отряд) называли металлическую площадку на двадцатиметровой высоте кирпичной заводской трубы.

Очередь побежала почти бесшумно, как серия светящихся точек на дисплее компьютера. Здесь дисплеем была черная апрельская ночь, в которой не видны огни сельских домов – ни в Коржево, ни в Кочиерах.

В Дубоссарах светились уцелевшие неоны уличных фонарей да еще далекие огни почты, гаража, завода ЖБИ-9 и кажется, какие-то огни мерцали во дворе швейной фабрики.

За первой очередью ударила вторая. Судя по всему, бил уже ручной пулемет. Он зататакал солидно, короткими очередями, но плотно. Очень плотно.

– Ну, теперь не зевай. Сейчас будет атака, – сплюнул Володя Ефремов, – они на дурака по трубе трассерами лупить не будут. Кажется, это направление атаки.

– Я же говорил, а? – чуть не подпрыгнул Валера Тимун, бывший инспектор ОБХСС, а нынче рядовой Дубоссарского ТСО; сейчас он радовался своей догадке; я же говорил: весь вечер урчат машины. Да тут сейчас на десять квадратных метров двадцать

волонтеров… Да еще полицай в придачу.

Зашипела и хрюкнула рация: «Третий, как слышишь? Приём».

– Слышу нормально, – ответил Володя. – А как первому нравятся эти стрельбы? Приём.

– Третий, жди атаку. скопление людей. Около двух рот.

– Понял, первый. Больше пятнадцати минут не выдержим. Приём.

– От тебя больше и не требуется, сумей вовремя уйти. Конец связи.

У разбитой вдребезги кочегарки, на сквозняке у пролома стены, четверо из группы прямого реагирования, подтягивали пояса, лифчики с автоматными рожками, зачем-то трогали «последнего друга» – гранаты ф-1, подвешенные на поясах на «мертвый час». (Это чтобы потом не завидовать мертвым).

– Мы с Валерой уйдем за блоки у крана. Вы с Сергеем остановитесь у склада с кабелями. – Володя нервно почесал рыжие усы. Он всегда чесал, когда волновался или смущался.

– Ну, смотри? Игорь! Ты хотел боя? Сейчас тебе будет бой. У склада вы мне нужны, чтобы прикрыли правый фланг. Там щебень, песок и арматура – пространство голое. Будет душно…

Кровавые следы оборотней

Стук открываемой кормушки – отверстия в дверях камеры для подачи пищи арестованным в камеру – разбудил крепко спавшего Влада. Яркий свет электрического фонарика резко ударил по глазам, за дверью слышался крепкий мат…

– Спит, гад! Натворил делов и спит, как ни в чем не бывало!

«О ком это они? – окончательно проснувшись, подумал Влад. – Ах да! Меня же арестовали! Вот это я повоевал, защитил матушку Родину. Во, предатель! Курорт себе нашел… Это они обо мне гавкают…» – посмотрев в сторону кормушки, подумал Влад. Три красные морды в черных беретах наблюдали за Владом, один из них, расталкивая двух других, пытался просунуть дуло автомата, визжал: «Дайте я шмальну в него очередь!»

Его оттерли, и кто-то из них сказал:

– Остынь! Не здесь и не сейчас. Успеешь!

Кормушка захлопнулась и по коридору загремели подошвы «берцев» «Дельфинов» (подразделение ГБ ПМР).

«Ушли, надо же, и чем я им так насолил, что готовы порвать меня в клочья?..

Полгода войны, начатой в марте 1992 года карателями Молдовы по приказу их правительства против Приднестровья, отняли у Влада страх и силы. Сейчас поспать – это лучшая награда…

Утром он проснулся от сильного звона в ушах и шума в голове. Сказывалась позавчерашняя контузия. Мина воткнулась над открытой дверью Контрольно-пропускного пункта завода ЖБИ и разорвалась. Хорошо, что никого не убило, но дел натворила: несколько ребят крепко контузило, в том числе и Влада. Осколками осыпало и поклевало человек пять. Наводчик, мразь, исправно отрабатывал свои серебряники…

Подозревать – кто был наводчиком было много кого. Недавно Влад спросил командира развернутой роты ТСО.

– Сергей Николаевич, Вам не кажется, что мы командуем какой-то бандой!?

– Да, Влад, похоже на то… Но руководство, – он махнул в сторону, где находилось здание горисполкома, – ее рекомендует отказываться от присланных из Тирасполя «патриотов». Они приехали со всех уголков Советского Союза защищать наше Приднестровье.

– А среди этих «защитников» каждый третий – агент Молдовы, – пробормотал Влад, чтобы никто не слышал.

– Вот и займись ими!

– Перестрелять их или в плен всех взять? Уже гады подражать стали шпионам из кинофильмов – женятся на наших дурочках…

– Знаю, Влад, не понаслышке! Этот упырь, что носит немецкую каску с рогами, кажется Кобельков, уже подбивал клинья к моей дочке Ане.

– Да-а, чуть ли не Штирлица из себя изобразил! Зять командира роты ТСО – это ого-го! – рассмеялся Влад. – Ничего, разберемся и с этими подкидышами Молдовы!

Среди жаждущих защитить Приднестровье прибывали грабители разных мастей, алкаши, наркоманы, разгромившие склад аптеки ЖБИ в поисках «дури». Все это ложилось грязным пятном на ТСО. Приходилось таких разоружать и вышвыривать за пределы боевых действий. Среди прибывших на помощь Приднестровью приехали и серьезные люди с серьезными намерениями защищать народ Приднестровья и этот осколок Советского Союза, забытый кремлевскими правителями. И настоящие, не картонные, патриоты, все же потянулись к Приднестровью и, взяв в руки оружие, честно, в боях рискуя своими жизнями, отстаивали право на жизнь республики и ее многонационального свободолюбивого народа. Писатель и журналист Григорий Иванович Спичак прибыл в Приднестровье с серьезными намерениями. Влад познакомился с ним в Тирасполе.

Взяв автомат, он не выпускал его из рук. Участвовал в нескольких боях и проявил себя храбрым и находчивым воином, не терялся, когда попадал в сложные ситуации. Таким как Григорий Иванович, народ Приднестровья благодарен и будет вечно заслуженно помнить их героические заслуги. Юра Решевский, заработав законный отпуск в шахтах Горловки Донецкой области УССР, приехал погостить к родственникам. Ходил за Владом как привязанный: «Дай, Влад, автомат! Воевать буду!» «Не, Юра, не дам! Не дай Бог, что случится с тобой, меня твоя родня без соли съест!»

– Ну, Влад! – продолжал канючить тот.

– Да пойми ты! Ну, дам я тебе автомат, и что – поставлю в самое пекло? Или там, где тебя, не дай Бог, не поцарапало! Меня ребята не поймут, все знают, что мы друзья!

– Да я и сам не соглашусь охранять какой-нибудь склад с тряпками!

– Ладно хрен с тобой! Не дай Бог, убьют, на глаза не попадайся, усек?! – неловко пошутил Влад. Приняв автомат из рук Влада, Решевский бережно прижал его к груди, как дети, получившие подарок на телепередаче «Поле чудес». Воевал Юра честно, добросовестно, за спины других не прятался. Быстро со всеми сдружился и стал для всех «своим в доску».

…Исправно работала группа Вальда Богатырева. В интересах карателей Молдовы. Под серьезным прикрытием. В группе были далеко не дурачки. Это были матерые головорезы, идейные враги Приднестровья. Один из них – майор рижской полиции Александр Павловский, другой – Анатолий Ногин. Он говорил, что уволенный откуда-то омоновец. Примкнули к группе Богатырева и двое местных, после войны им удалось куда-то бесследно исчезнуть…

Был такой Леха Кобельков, которого очень сильно интересовали тайники с золотым запасом в квартирах и домах бежавших от войны обывателей. Наивные люди! Леха легко находил их золотишко с помощью миноискателя, который был выдан ему новеньким начальником склада Павловским. Павловский, твердо уверовав в свою непотопляемость, женился на едва ли не на самой красивой женщине города. Донимал командира роты тем, что постоянно просил дать звание прапорщика. Будучи майором, этот оборотень мечтал приехать в Ригу в погонах прапорщика. С чего бы это? (вот смеху будет!)… Дали ему звание прапорщика, да вот в Риге его больше не видели. Ни прапорщиком, ни майором… Жена его как-то рассказала Владу что «пониженный майор» в пьяном виде хвастался, что он работает на Молдову и скоро у него будут большие деньги.

Принять крутые меры, как это делали в Бендерах, никак нельзя было. Диверсия в Коржево, совершенная этой группой, была самой наглой, циничной и бесчеловечной. Убийство приднестровской семьи и надругательство над этими великомученицами всколыхнуло Приднестровье. Но пока что это приписали зверству полицаев Молдовы. Само собой, каратели не были белыми и пушистыми, на их счету многие и многие дичайшие преступления, но диверсанты Богатырева их переплюнули. Убийство Семена Пантелеича Сазонова, возродившего Днестровский Союз казаков и ставшего его первым атаманом, командира Дубоссарского ТСО Славы Балмуша – это не все, что на кровавом счету этой группы. Знал ли покровитель этой шайки господин Арон Моисеевич Бежман, автору доподлинно не известно, но и исключить, что не знал (и не только не знал) затруднительно…

Жаль, но многим и многим неизвестна настоящая правда. Зловещая тень оборотней, авторов кровавых преступлений ложилась на ТСО, в списках которого числились и эти твари-засланцы Молдовы. Влад докладывал в Тирасполь своему начальству, но Бежману было больше веры.

Когда-то в сентябре 1991 года каратели окружили площадь и стали замыкать кольцо. В середине круга патриоты города

готовились принять возможно для многих последний бой. На втором этаже горисполкома Владу выпала «честь» увидеть, как «стоявший» у истока создания Республики господин Бежман пока что стоял у окна на втором этаже с ружьем в руках. Увидев карателей, он бросил ружье и в истерике стал кричать: «Они нас всех убьют! Надо бежать!»

Влад стоял рядом, сжимая в руках самодельную, им же изготовленную бомбу, ему даже в голову не приходило куда-то бежать.

Во время войны 1992 года Бежман изображал из себя снайпера, оно и понятно – пригодился «неоценимый опыт» 1991 года – «опыт охоты» с охотничьим ружьем на втором этаже…

Охота на ведьм

– Бушуев, выходи! Поедем в прокуратуру на допрос. Надев Владу наручники, помогли сесть в БТР. «Надо же какая честь, боятся сбегу», – подумал он. Предварительный допрос вершил глава следственной группы, сам присвоивший себе звание капитана, Федя по кличке Чума. Он орал, брызгал слюной, тыкал пистолетом в лицо и в голову Влада, показывал чьи-то фотографии и спрашивал, утверждая:

– Этого ты убил! Этого! А этого? Этого? Говори! Мы знаем все о твоих связях с разведкой Молдовы! Этого хватит, чтобы пустить тебе пулю в лоб без суда.

Долго этот подонок, невесть откуда нарисовавшийся в конце войны, орал, махал пистолетом, так и ничего не добившись, да и чего он мог добиться. Влад не понимал, что происходит. «Снится мне что ли?» – думал он.

Федя приказал привести в кабинет только что выписавшегося из госпиталя Андрея Васюкова, тяжело раненого в живот, хорошо знакомого да и, считай, друга Влада. Что-то спросив у него, Федя якобы ударил Андрея кулаком в живот, где была рана. Он рассчитывал, что Влад отреагирует на такое зверство и кинется защищать Андрея. Тут можно будет банально, будто бы защищаясь, застрелить его. Но хитрость не прошла. Андрей был офицером милиции, причем имел большие заслуги в боях против нацистов Молдовы.

«Тут что-то не так, неужели Андрей решился стать подставой? А чему тут удивляться после увиденного и услышанного?»

Повели Влада в кабинет к старшему следователю прокуратуры Журавлеву. Он сидел за столом и пил чифир, обжигая рот. Под рукой лежал пистолет. «Надо же, всем хочется меня сегодня застрелить».

В кабинет вломился Чума.

– Я его в живот ударил (имея в виду Андрея), он даже заплакал, – Чума оправдывался перед Журавлевым, почему Влад еще живой. Тот махнул рукой, иди мол, с глаз долой.

– Так, Владислав Никифорович, давно мы за тобой наблюдаем. Неосторожно как-то ты работал на них, – он махнул рукой в сторону Днестра, имея в виду Молдову. – Вот даже твой разговор по рации с литовскими снайпершами нами зафиксирован. Кстати, откуда ты литовский знаешь?

– В школе абвера обучали, – решил пошутить Влад.

Журавлёв поперхнулся чифиром и вытаращил глаза.

– Служил я в Литве срочную, затем остался, жил, работал пять лет. Этого достаточно, чтобы изучить их язык. Он достаточно легкий. А что, они Вам пожаловались, что я их обозвал суками? Так за это пистолетом в морду не тыкают!

Журавлев сморщил, и без того похожую на бульдожью, морду.

Надо же, и этот придурок проявил свою бдительность, вспомнив как по рации, на пойманной радиоперехватчиками волне переговаривались литовские снайперши. Влад вклинился в их разговор, обозвал суками и посоветовал уё… к детям на свою Родину в Литву. Эти «джентельменши удачи» (охотницы за головами) тут же замолчали и перешли на другую волну. Помощник дежурного, на тот момент дежурным как раз и был Влад, Коля Кирша, доложил в военную прокуратуру, какого крупного, хитрого и коварного вражеского агента он, считай, разоблачил. Мысленно он, наверное, представил себе, как большой начальник его награждает и крепко жмет ему руку…

В другой кабинет к следователю Валерию Ивановичу Капралову отвели Влада из-за его нежелания отвечать на какие-то дикие вопросы Журавлева.

Человека, готового умереть, защищая свою Родину, обвиняют в предательстве. Это уже слишком…

Кстати, Влад, тоже как и многие другие защитники Приднестровья, мечтал о почестях после Победы над нацистами, а то что будет она, Победа, никто и не сомневался. Да и Россия проснулась (воспряла ото сна), скажем словами поэта, и уже не наблюдает молча, вон каких пилюль генерал Лебедь отвалил нацюгам в Гырбовецком лесу. Целый полк смешал с го…ном – говорят, кишки на деревьях висели (это в районе Бендер). Танки вон прислали в Дубоссары… Следователь Капралов тянул ту же песню, что и предыдущие допытчики, и как ни кинь – измена Родине, расстрел, или, если повезет, то только пятнадцать лет…

– Ладно Вам, Валерий Иванович, хватит ездить мне по ушам. Вы что здесь все помешались, шпиономания у вас? Ну, а я здесь причем? Куда Вы смотрели, когда и в самом деле диверсантов Молдовы было хоть жо…й ешь, а? Да и сейчас вон, они сидят на лавочке, причем с автоматами… Надо же, агента Молдовы они из меня лепят! Все, с меня хватит, я – домой. Пока, до свидания! Я исты хочу! – зачем-то по-украински сказал Влад.

– Ну так иди домой, кто тебя держит! Только посмотри в окно – вон они с автоматами ждут, когда мы тебя выпустим, не дойдешь ты домой живым! Это они на тебя и на командира твоего написали целый роман! Иди, вон, в другом кабинете, Сергей Николаевич отписывается.

Командир роты сидел за столом и писал. Увидев Влада,

инстинктивно прикрыл свою писанину рукой. Влад понял, что он с перепугу похоже валит на Влада свои недочеты.

«Докладывал же я ему, тоже мне добряк… Теперь отписывается».

Влад молча повернулся и пошел к Капралову.

– Отпустите Вы меня, лучше арестуйте эту банду, что на лавочке скалится! Или Вы с ними заодно?

– Но-но, полегче, Бушуев! – проворчал Капралов, – Ты-то почему ушами хлопал? Сейчас бы они в камерах сидели. Ладно, разберемся мы и с ними, дай маленько сроку.

– Это пока не разбегутся вместе с оружием? Или пусть сначала застрелят меня, и всем будет хорошо, и концы в воду?

– Язык у тебя Бушуев! Вот что, давай так, я сам отвезу тебя на машине. Они и вправду стрелять будут, так что, Бушуев, не бушуй, – скаламбурил Капралов. – Переночуешь в одном укромном месте, а там посмотрим!

Поехали они в РОВД.

– Ничего, – успокоил Капралов напрягшегося Влада, – переночуешь в одном из кабинетов на диване, а завтра посмотрим, упакуем тех гадов как миленьких!

– А жрать что я буду? Мышей прикажете ловить?

– Сейчас что-нибудь у дежурного стрельну. Он пошел к дежурному и принес увесистый бутерброд с колбасой и маслом. – На! Хотел, морда ненасытная, пополам резать. Обойдется, нажрал тут рожу… Ешь!

– Эх, зря затеяли всю эту галиматью! Прокурор ослеп, что ли?

– Что тут скажешь, Журавлев, придурок, ему в уши дует, нюх видите ли у него! Ладно ешь и ложись отдыхай, там видно будет!

Кто бы мог подумать, что это «видно будет» растянется на целых неимоверно долгих страшных, восемь с лишним месяцев…

До смерти четыре шага

Влада после «почётной» ночёвки в кабинете на диване со вкушением бутерброда, опять поместили в одиночную камеру, в которой он уже однажды переночевал. «Надо же, всё-таки обманул, мудило!», – подумал Влад о Капралове. Он обследовал шершавые закопченные стены, нары; в углу параша – нет, не похоже это на сон…

Через пару дней опять повезли в прокуратуру, оказалось – на очную ставку И надо же, с кем – с Богатырёвым! Привёл его и завёл в кабинет зам. начальника РОВД Сычёв. Богатырёв был с автоматом. Заряженным или нет, неизвестно. Он демонстративно направил на Влада автомат и гудел, что Влад приказывал ему кого-то убивать, затем стрелял в него самого, но не попал…

Полный цирк, но от такого цирка жуть берёт, если в грудь тебе целится из автомата вплотную матёрый враг. Но Влад на провокацию не поддался, Может быть, кто-то на месте Влада взял бы на себя, что он бомбил Хиросиму и Нагасаки, но не Влад.

«Пусть лучше, тварь, стреляет, с чего это я должен играть роль предателя в ихнем спектакле? Нет, у меня отец воевал против фашистов, и тут настоящий фашист целится мне в грудь…» Хорошо знакомый, даже бывший приятель, привёл на очную ставку эту мразь с автоматом. Это надо же, окончил высший юридический институт и такое… Был бы у в Влада адвокат, не допустил бы такое наглое попрание закона. Но, оказалось, что Владу было отказано в праве на защиту. Кристина искала адвоката, но в Приднестровье кто-то запретил всем адвокатам оказывать Владу юридическую помощь. Куда она только не обращалась, адвокаты хватали со стола какие-то бумаги и каждый, не глядя в глаза, поспешно говорил: «Я в отпуске. Всё, всё, ухожу, извините, до свидания!..»

Кристина тяжело переживала свалившуюся беду на её хрупкие плечи. За что, за что?

В поисках адвоката, уставшая, голодная она вспоминала, как Влад с каким-то упоением защищал Республику, ничего не боялся, и она его понимала, чем могла помогала. Старший следователь прокуратуры Журавлёв по ночам звонил и хриплым голосом спрашивал: – Ты ещё жива? Тебя ещё не прикончили?

В украинском городке Котовске один адвокат Шигаль Анатолий Анатолиевич согласился защищать Влада….

Начальство Влада и ухом не повело – считало, что коварный, хитрый, грамотный враг, т. е. Влад, нагло пробрался в святая святых – в военную контрразведку. Дни Влада были сочтены, его

надо уничтожить, то бишь просто банально расстрелять… В Бендерах тоже арестовали приезжего комбата гвардейцев, правда сбежал гад! Сообщники они – кто же ещё! Приставили ему в тюрьме лестницу к забору, он и был таков. Нашли! А куда бы он делся? Правда совсем мёртвый и без кистей рук… Вот и в Дубоссарах надо парочку командиров «отпустить на волю»… Для равновесия.

– Братуха, ты что в камере делаешь!? – в кормушку заглядывал знакомый милиционер капитан Лёня Сидоренко.

– Я и сам не знаю, что здесь потерял!

– Вот что, собирайся, в баньке помоешься, а завтра, я тебя лично выпущу на волю, нечего тебе здесь на нарах валяться!

– Фока! – крикнул Лёня бомжу, жившему в одной из камер, – Топи баню, командир мыться будет! Бегом!

– Выходи, Влад, пойдём, во дворе свежим воздухом подышишь, пока это чучело баньку истопит.

Лёня открыл дверь камеры и вывел Влада во двор.

Влад присел на скамейку за стол беседки, стоящей посреди двора изолятора временного содержания для арестованных. Свежий воздух после смрада помещений подвала ИВС пьянил. Подошел Лёня.

– Вот что, начальник ругается, что я тебя выпустил, пойдём в бытовку, там посидишь, пока истопится баня.

В бытовке сидел боец Влада и курил, лицо у него было изрядно поцарапано, Влад спросил:

– Что, Иванов, опять с кем-то подрался?

– Да так, было дело, – махнул он рукой. – А ты, командир как сюда попал, за что?

– Не знаю сам толком, за что загребли, и дело шьют!

– Вот что, командир, бежать тебе надо, слышал я, в расход хотят тебя пустить!

– Некуда мне бежать, да и незачем, а в расход – так не за что! Посмотрим…

Иванов придвинулся поближе к окну:

– Смотри, два шага, и ты на воле! Я тебе адресок дам, поедешь на Урал к староверам, там беглые годами живут.

Влад выглянул в окно. И вправду, к высокому забору была приставлена деревянная лестница. Колючая проволока, похоже откушенная, произвольно висела.

– Ну что ж, вот ты и беги, коль приспичило! А мне на Урале искать нечего, здесь моя Родина!

– Ну, как знаешь, решай сам! – Владу и в голову не приходило, что жить ему осталось от силы минута, может, и того меньше. Дверь открылась, в дверь просунул голову Фока.

– Командир, иди мойся, всё готово! – голос у того был какой-то странный.

Влад поднялся и пошёл к выходу, с порога он увидел, что до лестницы около четырёх шагов, не более… Недалеко от входа в баню стояли трое «дельфинов» с автоматами наизготовку. «Те самые, что разглядывали меня через кормушку в камере», – мелькнуло в голове Влада. Не останавливаясь и почти отвернувшись от лестницы, пошёл навстречу своей смерти. Глаза его каким-то образом сами собой на мгновение закрылись и почти тут же открылись. Влада поразило то, что он увидел – один из «дельфинов» (средний) поднял автомат дулом кверху, давая остальным понять, что он стрелять не будет…

Сбившись в кучу и о чём-то споря, «дельфины» ушли в сторону здания РОВД.

Влад зашёл в баню. Какая там, на хрен, баня! Стояк душа с чуть тёплой, если не сказать холодной, водой… Не прошло и пяти минут, как прибежал, запыхавшись, один из конвойных ИВС Боря Николаев, в руках у него был автомат.

– Фу-у-у, ты здесь! А мне «дельфины» сказали, что ты сбежал. Сказали: если увидишь, стреляй в него, не задумываясь! «Понятно, запасной вариант», – подумал Влад.

Боря отвёл Влада в камеру. Погремев ключами от замка камеры, он поспешил к начальнику с докладом, как «дельфины» чуть было не упустили Влада и только благодаря ему, Боре, с огромным риском для жизни удалось предотвратить побег опасного преступника.

– Да он был уже почти наверху лестницы, – захлёбываясь трещал Боря, заглядывая начальнику в глаза, ожидая похвал. «Может, потом наградят», – наверное, думал он. Начальник тупо молчал, глядя сквозь Борю, он не слушал того, сам наблюдал за спектаклем, им же срежиссированным, из окна своего кабинета. Сорвалось! Чёрт, опять сорвалось! Везучий этот «шпион», ничего его не берёт!..

«Сегодняшних впечатлений хватит надолго. Наверное, до остатка дней», – думал Влад, уже оставшись в камере и укладываясь поудобнее.

Смерть оборотня

Очнулся Влад от картин воспоминаний в тот момент, когда в коридоре поднялся крик и шум. В открытую кормушку было видно, что привели банду Богатырева и распихивали по камерам. Больше всех, конечно, упирался и возмущался Богатырев. Куда делся его шик и лоск, умение преподать себя эдаким крутым и уверенным в себя мачо. Теперь же он больше походил на загнанную и пойманную крысу. Он кричал, кому-то доказывал: «Я приехал их защищать, а они меня в камеру!»

– Да вы посмотрите! – оголив правое плечо, он показывал какой-то прыщ, а на левом была татуировка – голова оскалившегося тигра, символ отбывшего срок убийцы. – У меня было тяжелое ранение! Я так это не оставлю, буду писать жалобу!

– Уж не в Кишинев ли? – спросил кто-то из тех, кто привез этого деятеля в стойло, то бишь в камеру ИВС.

– А что, и в Кишинев напишу!..

Больше всех был расстроен арестом Анатолий Нагин, очень расстроен. Видно, почуял, что игры в шпионов диверсантов могут окончиться для него и всей их группы весьма плачевно… Долго кричал, бил себя в грудь Богатырев, кому-то доказывая, что он патриот, много сделал для Приднестровья. «Да уж не мало ты, крыса, делов наворочал», – думал Влад, слушая вопли «героя». Оказалось, почуяв, что петля на шее банды неминуемо захлестнется, банда решила опередить события. Они сами стали писать в военную прокуратуру, то есть играть на опережение – дескать, их заставляли Слободянюк и Бушуев делать то, что они натворили. Тупой, далекий от следственного дела, Журавлев решил на этом сыграть… Доложил прокурору, а тот дал добро на свободу действий авантюриста от следствия Журавлева. Первое, что сделал этот Журавлев, сколотил «следственную группу», которая распространяла про Слободянюка и Влада такую чушь, что у тех, кому рассказывали о деяниях, «творимых» Слободянюком и Владом, волосы ставали дыбом.

Тогда, еще до ареста, за Владом началась почти открытая охота.

Люди, увидев Бушуева, стали переходить на другую сторону улицы. Однажды, встретившись с хорошо знакомым человеком, Влад был шокирован его вопросом.

– Как? Тебя еще не убили?! – он озадаченно что-то пробормотал и ушел, качая головой. Однажды Влад вышел во двор из дежурки, и тут же мимо правого уха просвистела пуля. Оглянувшись на выстрел, он увидел, как окно третьего этажа

здания мехколонны захлопнулось. Не прошло и пятнадцати минут, как нарисовался Богатырев, озабоченный якобы тем, что он услышал выстрел, и предложил, конечно же, пойти и посмотреть то место, откуда стреляли. На Влада была явно открыта охота, санкционированная кем-то из вышестоящих…

Двое гвардейцев, угрожая направленными автоматами на машину, в которой ехал Влад и доброволец Миша Почуев, разоружили Почуева (у Влада тогда была только граната в кармане, и его не обыскивали). Угрожая оружием, севшие на заднее сидение приказали ехать в штаб гвардейцев, якобы это приказ подполковника Маслова, начальника штаба. Когда приехали в штаб, оказалось, что начальник штаба изволит отдыхать. Мол, пусть катятся куда хотят. Вернули Почуеву автомат, с удивлением и страхом увидели в руке Влада гранату, что-то невнятно пробормотав, эти деятели поспешили уйти.

Но догадки давние со временем все больше и больше подтверждались – пословица права: «шила в мешке не утаишь». Доброволец А. уже после войны подошел к Владу и рассказал, как его напоили водкой и приказали расстрелять одного, якобы «предателя и диверсанта» – то есть Влада. В подвале штаба гвардии потом дали отбой, помешал Почуев… Попытка запустить выстрел гранатомета в окно здания ЖБИ, где в одном из кабинетов на втором этаже отдыхал Влад, не увенчалась успехом. Выстрел из гранатомета попал в откос окна, оглушив в очередной раз Влада. Из-за угла Дома пионеров два выстрела из пистолета (похоже системы «Макарова» в спину) мимо…

Две сотрудницы прокуратуры в городе распространяли грязные слухи о Дубоссарском ТСО и собирали жалобы от соседей на Влада. Дети так разрисовывали подъезд дома, в котором жили Влад и Кристина, что он стал похож на пещеру. Но жильцам это было «нормально» – пусть дети балуются. Не желая мириться с этим, Влад нашел способ заставить нерадивых родителей отремонтировать подъезд. Но они, эти «добрые» соседи, затаили зло и с удовольствием написали на Влада, что он чуть ли не ест в ночь по одному их ребенку. Оштрафованные браконьеры, а их около двух тысяч, чуть ли не в очереди стояли, чтобы сдать на Влада свои жалобы о том, как Влад по ним якобы стрелял и под пистолетом заставлял подписываться под протоколом… Эти дурачки надеялись, что прокуратура вернет им уплаченные штрафы. Из всей этой дребедени при кропотливой работе Журавлева было сшито около трех томов дела, которое грамотный адвокат мог разнести в пух и прах. Что и сделал адвокат Влада, Андрей Андреевич. Но тупость Журавлева и прокурора зашкаливала. Они показывали пальцем в потолок,

закатывали глаза и шепотом говорили:

– Там не велели пока отпускать.

– А что толку ему сидеть, если этот парень с аналитическим мышлением может разоблачить еще какую-нибудь банду, вроде Богатыревской? Да за разоблачение банды Богатырева он должен не в камере сидеть… Эх Вы! И что скажете ему, когда, хотите Вы или не хотите, а придется выпускать?

– Скажем, чтобы сохранить ему жизнь, пришлось спрятать…

– От кого прятать? Вы и так перед ним по гроб жизни обязаны… Такого парня чуть не угробили!

– Ничего, целее будет!

– «Целее будет»! А знаете ли Вы, что ему надо лечиться? Вы же его после контузии арестовали и такое несете… Удивительно, как он до сих пор держится, после ваших расстрелов. Другой на его месте с ума сошел бы.

– Сойдет. Отправим лечиться! Сам знаешь куда! – прокурор и адвокат говорили «на ты». Они были однокурсниками учились в одном институте…

– Не понимаю я тебя, Петр Алексеевич. Что с тобой произошло?.. Да если бы в другой республике, то за такие вещи, ты сам сидел бы на месте Бушуева.

– И что ты мне предлагаешь? Да меня вместе с ботинками сожрут, если я отпущу Бушуева! Пойми, Андрюха, мы – военная прокуратура и делаем то, что прикажут там. Он показал пальцем в потолок.

– Уж не хотите ли Вы, чтобы я рассказал об этом деле за пределами Вашей непризнанной, кстати, Республики? По каким законам вы собираетесь его судить? Хотя, не дам я вам его судить. Не за что!

После этого разговора к Владу долго не пускали адвоката. Это был грамотный адвокат и всеми силами добивался освобождения Влада, но пока…

Хорошо, что хоть не застрелили, как собаку. Пришлось бы умереть с клеймом предателя. Расстрельная команда «дельфинов» оставила Влада в покое. Надолго ли? Его перевели в общую камеру, где сидел убийца трех человек. Он их застрелил одной очередью из автомата и сжег в машине. Это был еще молодой человек лет тридцати двух, отсидевший два срока. По нему не скажешь, что он какой-то злобный. Наоборот – рассудительный; чувствуется, что грамотный. Особенно – в знании Уголовного Кодекса. Постоянно жаловался, что чувствует запах жаренного человеческого мяса. Похоже, нанюхался вдоволь, пока горели его жертвы. Сильно боялся крыс, которые громыхали под нарами. Кстати, как потом оказалось, не крысы громыхали под нарами, а

двое малолеток в соседней камере рыли подкоп для побега… А тут еще соседа по камере Влад припугнул, что крыса, прежде чем начнет грызть человеку пятку, своим хитрым укусом обезболивает и затем начинает спокойно грызть. Это Игоря, так звали соседа, сильно озадачило и напугало, и теперь его ноги были завернуты целлофаном и постоянно плотно укутаны бушлатом.

Другой сокамерник был малолетний грабитель-убийца. Он нисколько не переживал за совершенное им убийство человека и его ограбление. Постоянно пел, насвистывал, веселился, а что, мол, с малолетки возьмешь, много не дадут…

Месяцем позже в камеру завезли одного незадачливого вора. Он стал вором исключительно случайно. Можно сказать – поневоле. А дело было так, рассказывал «вор», назвавшийся Николаем: пропьянствовал с женой и ее подругой целый день, жена утихомирилась и уснула. Николай переморгнулся с подругой жены, та была не против. Но как! Около дома крутился тринадцатилетний сын и в любой момент мог зайти… Подумав, дал подруге ключ от дачи приезжающего из города товарища и, рассказав ей, где это, сказал, чтобы шла туда и подождала его. Предвкушение любовной утехи с подругой жены затуманило ему разум. Минут через пятнадцать он вышел из дома и пошел к даче своего товарища, где уже ждала его она – девушка его мечты. Выпито было немало, и «девушка» казалась ему Богиней красоты. Николай открыл дверь дачи. Да! Вот она ждет, такая желанная… Раздеваясь, вдруг услышал скрип входной двери, в дверь входил сын Вася. Как оказалось, тот пошел за Николаем.

– Ты чего приперся сюда?

– Да я, папа, хочу тебе помочь.

Ничего себе заявки!

– Тебе же одному тяжело будет!.. – и сын стал собирать в узел вещи, находившиеся на даче. Ах, вот оно что! Сын подумал, что отец пошел воровать вещи из дачи друга. Пришлось Николаю сделать вид, что так и есть, и стал тоже укладывать какие-то тряпки в другой узел, сделанный из простыни, стянутой с кровати. Так и пошли они с узлами всякого барахла домой. В селе люди не слепые – позвонили они товарищу Николая в город, тот и приехал вместе с милицией. Теперь Николаю светил срок за воровство. Вот такая она, коварная любовь.

Влада после беседы адвоката с прокурором пока оставили в покое. Правда, «дельфины» приходили как-то еще раз. «Опять примерка, – подумал Влад. – Кто-то все же меня упокоить хочет». Вскоре про Влада «забыли», да не совсем… Фью-бжи! Фьюуу-бжиии! Это конвойный Леша Грабаровский изображал из себя якобы бывалого вояку. Фьюююу-бжиии! Фьюуууу-бжиии!

Попавшего под минометный обстрел.

– Бушуев приготовиться к расстрелу! – это так он шутил.

– Американ бой, американ бой, возьми меня с собой, возьми меня с собой… – драли горло две сестры цыганки-воровки в своей камере.

– Огаяа-а, Огаяа-а, Огаяа-а-а, Ога-а-а-а-а-а-а…

Тоненько и тоскливо выводила девушка лет двадцати из Гагаузии, неизвестно за что закрытая в одной из камер.

К Богатыреву приехала жена из Эстонии, принесла ему толстую общую тетрадь, и он целыми днями писал кому-то жалобу о том, как с ним неблагодарно поступили. Он «израненный» «защищал» Приднестровье, а с ним так обошлись… Долго писал. Недели две. Затем отправил эту дребедень с женой к высокому начальству в Тирасполь или в Кишинев – никому не известно. К нему испытывали презрение и ненависть не только Влад, но и все арестованные и содержащиеся в ИВС (нерадивые следователи пристроили этого «орангутанга», а он сильно похож на того жителя Африки, что в джунглях) выбивать показания и брать «висяки» на себя нарушителей уголовного кодекса. Жертву приводили в камеру к этому нечеловеку, если мягко говорить о таком, он истязал того до тех пор, пока тот не соглашался взять на себя все, что от него требовали… Человек замордованный до полусмерти мог взять на себя даже убийство царской семьи. Из камер в адрес Богатырева доносились угрозы, но инквизитора это мало заботило. Ему пообещали, что если он сможет попасть в больницу, то оттуда можно запросто, якобы, сбежать. Ну, и как попасть в больницу, если здоров, как лось? И вот что посоветовал ему переведенный к нему в камеру убийца троих человек одной очередью. Дескать, пусть жена принесет шприцы, а ему лишь набрать туда всякой гадости и уколоть себя – получается заражение, и «ты в больнице, а там и на свободу легче уйти». Сказано – сделано… Укололи эти деятели друг друга смесью грязи и мочи. Игорь, тот убийца, под правую лопатку, а Богатырев для верности под левую – поближе к сердцу. Но прошла неделя, Игоря увезли в больницу, а Богатырева никуда никто не спешил везти и лечить… Около месяца никто не обращал внимание на этого скорпиона, ужалившего самого себя…

Кстати, автор не упомянул, что Сергей Николаевич Слободенюк тоже был водворен в камеру, но вскоре был отпущен, потому что возможно свалил на Влада часть своих «грехов», если считать грехом защиту Родины. Владу, однако, пообещал, что сделает все, чтобы и его выпустили на свободу, а пока… Вскоре Влад убедился, что угроза расстрела миновала. Только Граборовский, заступая на смену и не забывал напомнить Владу

готовиться к расстрелу. Боря Николаев, если в камерах поднимался крик-шум, подходил к кормушкам и говорил:

– Тише вы! В третьей камере сидит контрразведчик, стукач! Имел ввиду Влада, но на это особо внимания никто не обращал. В ИВС все всё знали друг о друге, и к Владу у «братвы» претензий не было. Боря, спустя время, за наглые заявки в сторону Влада был выброшен из системы органов внутренних дел, как износившаяся половая тряпка. А пока сидит Влад, ждет – может все же разберутся? И уже чувствовалось, что отношение следствия к нему потеплело… Пришел Капралов и сообщил:

– Следствие зашло в тупик! А если отпустим, куда поедешь – в Молдову или останешься в Приднестровье?

– Да вы что, Валерий Иванович?! Какая Молдова? Меня там не то что расстреляют, а повесят кусочками и медленно! За участие в войне против них.

– Ладно, будем что-то решать, что с тобой делать!

Оказалось, Богатырев и его подельники отказались от ранее написанной ими в адрес Влада клеветы.

Богатырева повезли в Тирасполь лечить… Когда врачи спросили, кого привезли? Милиционеры сказали: «Убийцу и насильника». Вскоре Богатырев умер, как скорпион, сам ужаливший себя. Влад от такой «потери» не сильно переживал…

Зверства карателей

Обозленные захватом полиции, молдавские правители двинули своих карателей на Дубоссары… Каратели в сентиментальности замечены не были. Задержав зазевавшегося гвардейца, банально повесили на ветке дерева, услышав шум приближавшихся к месту казни друзей гвардейца, быстренько сбежали, не приняв боя. Парень, повисев пару секунд, вместе с обломанной веткой рухнул на землю. После всего пережитого он всю войну с особой «любовью» громил карателей.

…Пятеро казаков, заведенных предателем в засаду, были безжалостно расстреляны. Оставшегося в живых распилили на пилораме… Скорая помощь, отвозившая роженицу в роддом, диверсантами Молдовы была изрешечена автоматным огнем, погибли все находившиеся в машине «Скорой».

…На глазах гражданина Венгрии была изнасилована его жена, а он сам сожжен.

…Двоих совсем молодых парней, Шенгура и Полякова (только отслуживших службу в армии) из ТСО, заманили в ловушку и, повесив за подбородки на крюки для животных, вырезали из их боков куски мяса, затем головы расплющили кувалдой. Даже страшно подумать, какую мученическую смерть приняли эти патриоты от рук палачей-карателей.

Все это рассказал Владу очевидец, хоть он и был отцом одного из полицаев, участвовавших в расправе, но рассказывал об этом и вытирал слезы. Это только по Дубоссарскому и Григориопольскому районам. Что натворили каратели по всему Приднестровью, сложно даже описать. Живут и здравствуют убийцы, зверски растерзавшие этих двух мучеников-патриотов. Один из палачей по кличке «Тракторист» живет и сейчас по улице Иона Крянгэ в Кочиерах, другой – фамилия Черепида – уехал в Кишинев. Это все, что удалось выяснить Владу об этих нелюдях. Рассказал Влад об этом в прокуратуре и назвал фамилии и адреса убийц, но там отмахнулись – дескать, «война, что ты хочешь…» Им приказано наказать за взорванный мост его, Влада, и они постараются оправдать «доверие».

Приехавшим якобы защищать Приднестровье членам Украинской повстанческой армии было с кого брать пример и, вспомнив «подвиги» своих дедов и отцов, они применяли их, как там, на берегу Днестра, так и применяют их сейчас на Донбассе против мирных жителей… Но надо сделать маленькую оговорку – несколько ребят честно перешли на сторону Приднестровья и воевали достойно.

Город обстреливался из всех видов оружия какое было в наличие у карателей – минометные и артиллерийские обстрелы, над городом практически беспрерывно летали снаряды «Алазани», которые в мирное время применяются для рассеивания грозовых туч. Бризантные снаряды рвались над головами. Обстрел плотины ГЭС тяжелыми сто двадцатимиллиметровыми минами мог привести к разрушению тела плотины и затоплению не только значительной части Приднестровья, но и самой Молдовы. Однако тупоголовые вояки Молдовы это не осознавали. В один из таких обстрелов эти деятели все же попали в трансформатор. Масло загорелось и потекло в Днестр, убивая животный мир Днестра. По утрам над водой Днестра расстилался густой тяжелый коричневый туман…

Постоянно били из орудий по центру города и особенно по рынку, где собирались жители города за покупками. Разрушались дома, гибли ни в чем неповинные люди. Вооруженная одним автоматом на двоих и одним рожком патронов (оружия катастрофически не хватало), рота ТСО была направлена на оборону Полтавского моста. Первый бой с карателями произошел ближе к вечеру. По мосту еще ходили люди свободно. Беженцы, сторонники Народного фронта и объединения с «Великой» мамой Румынией, еще шли навстречу своей мечте, и потому мост не обстреливался ни с одной из сторон.

Девочка лет четырнадцати прошла через мост со стороны противника и свернула на дамбу вправо, намеривалась сократить себе путь домой в село Дзержинское. Увидев тоненькую фигуру девочки, тупоголовые, не придумав ничего умнее, стали в нее стрелять из пулемета новенького БТРа, только что пригнанного с колонной других таких же из Кишинева. Увидев такую низость, Петя Мокряк и капитан Саша Спиридонов решили проучить стрелявших из пулемета по девочке. Спрятавшись за небольшой бугорок земли, стали стрелять по БТРу. Но что автомат против пулемета! В ответ – пулеметные очереди с БТРа на глазах у всех стали равнять бугорок в линию с горизонтом. Ребята вовремя отползли от опасного места. Девочка спрыгнула с дамбы влево и оказалась под прикрытием.…

Влада все время подмывало совершить подвиг, и он решил, что штаб противника необходимо ликвидировать. Разведке было известно, что штаб противника находится в здании полиции Криулянского РОПа недалеко от берега Днестра – это около шестисот метров (если даже считать от дамбы левого берега). Ручной пулемет Калашникова запросто достанет. Группа из пяти бойцов под руководством Влада с двумя пулеметами и тремя автоматами под покровом темноты прошла по дамбе и

остановилась против светящегося окнами здания РОПа. Никакой светомаскировки! Эти самонадеянные вояки не знали, что предложив войну, они сами наивно продолжали свой быт строить по законам мира. Но война, так война! Владу было что им предложить…

– Целься! Огонь! – скомандовал он. Стекла в окнах штаба разлетелись в три секунды, свет стал гаснуть, как при веерном отключении. Перепуганные каратели выскакивали из своего штаба, садились в припаркованные рядом машины, как в дурной комедии, сталкивались друг с другом на разбитом личном транспорте и мчались куда глаза глядят, решив, что сепаратисты перешли Днестр и наступают. Штаб «исчез» в другое, более безопасное место.

Скопление большого количества бронетехники у моста на правом берегу сильно обеспокоило руководство защитников города. Мост решили заминировать, чтобы исключить прорыва обороны. Казаки, гвардейцы, ребята ТСО, все дружно под покровом ночи носили взрывчатку под первую опору моста. Минированием командовал начальник штаба батальона гвардейцев, подполковник Валерий Алексеевич Маслов. Собрав схему подрыва, протянули телефонный кабель к посту бойцов ТСО. Где-то в шестидесяти метрах от моста взрывная машинка была вручена Владу. Для того, чтобы проверять, нет ли обрыва, надо было нажать на кнопку и, если все в порядке, это отражалось на приборе. Для того чтобы произвести взрыв, надо было покрутить ручку, и если загорелась красная лампочка, то надо нажать на кнопку и…

Оставшись один, Влад почему-то вспомнил подвиг героя железнодорожных войск сержанта Виктора Мирошниченко, который ценой своей жизни в Великую Отечественную предотвратил прорыв через мост танковой колонны фашистов, рвущихся к Москве. Будь что будет, зато спасу жителей города от таких же фашистов…

Можно было только предположить, двести килограмм взрывчатки – это вам не баран чихнет.…

По телевизору, дико вращая глазами, президент Молдовы господин Мирча Снегур стращал «сепаратистов»:

– Если не сложите оружие, полиция Молдовы сотрет Вас в порошок. Даем сутки на размышление!

Руководство города Дубоссары неизвестно как отреагировало на угрозу. Пришел на пост ТСО Валерий Алексеевич Маслов с двумя казаками.

– Машинка у тебя?!

– Да, – ответил Влад.

– Будем взрывать прямо сейчас!

– А можно это сделаю я?! – попросил Влад.

– Давай, дерзай! Крути ручку, загорится красная лампочка, жми на кнопку.

– Все в укрытие! – скомандовал Маслов.

Крутнув ручку машинки, зажглась красная лампочка. Влад закрыл глаза и нажал на кнопку… Взрыв был такой силы, что закачался бронированный колпак, в котором находились бойцы, спасаясь от последствий взрыва. Влад стоял живой и невредимый, но оглушенный мощным врывом. Гриб из дыма и пыли еще не начал оседать, из укрытия вышел Валерий Алексеевич и один из казаков. Сквозь шум и звон в ушах Влада, как бы плотно забитых ватой, пробился голос Маслова: «Как ты!?». Влад задрал большой палец правой руки к верху громко сказал: «Во!» Затем добавил: «Это легендарный палец, он нажал на кнопку!»

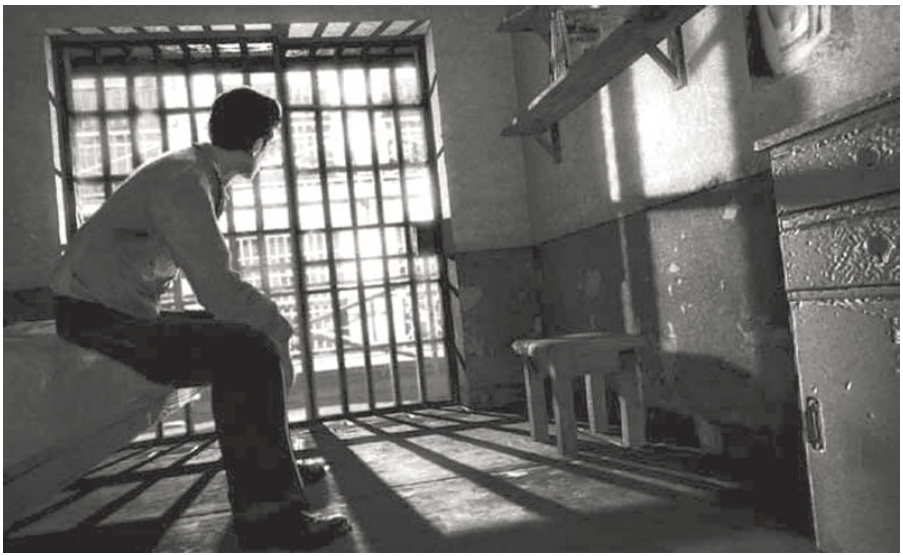
То ли строители моста растащили цемент по домам, и бетон получился не очень крепким, то ли марка его была невысокая… От взрыва вверх поднялось огромное облако дыма и пыли, один пролет моста был полностью разрушен – ни проехать, ни пройти. …

Он был почти счастлив, подвиги из него в последние дни так и перли… Руководство обороной Приднестровья все же за мост наградило Влада электробритвой, не было тогда других наград…

Хотя не исключено, что это была насмешка.

Жители Дубоссар были очень довольны, что со стороны Днестра угроза нашествия карателей в город была предотвращена. Но не всем из числа руководителей это понравилось, – мол, взрывом оборвало кабель связи Кишинева с Москвой. Конечно, кто-то решил, что связь Кишинева с Москвой дороже жизни людей. Подполковник Маслов был вызван на «ковер», и он сказал, что Влад Бушуев принял решение взорвать мост самостоятельно, подрывная машинка, мол, была у него. Кстати, якобы враждебные действия Влада и стали основной причиной его ареста в конце войны, необходимо было его наказать, то есть банально дать по нему очередь из автомата и доложить в Кишинев – преступник, взорвавший мост, наказан… Убит, мол, при попытке к бегству. Но Влад умирать не спешил, хотя этого хотели не только в Кишиневе, но, похоже, и в Дубоссарах…

Вы свободны!



Между тем в ИВС жизнь шла своим чередом, утром подъем в семь, «торжественный» вынос параши, туалет, умывание. Процедура выноса параши Влада не касалась, он отсидел, отлежал, это, как хотите, так и называйте, уже более полугода и имел права «старослужащего». Ни о какой прогулке речь никогда не шла. После завтрака (имеется ввиду не «что Бог послал застенчивому вору из двенадцати стульев Ильфа и Петрова», а значительно скромнее). Дальше – делай что хочешь, сиди, лежи, а хочешь песни пой… Разрешалось читать книги, писать. Некоторые резали себе вены, и «саморезов» увозили зашивать. Одних увозили на суд, затем отправляли мотать назначенный правосудием срок. Только девушка в своей камере, все протяжно тянула «Огая-я-я-я-я-я-а… Огая-я-я-я-я-я-а…». Кто знает, может, она из этого штата Америки? Не похоже – бедная девушка, она даже не знала, что правильно этот штат Америки называется не Огая, а Огайо. И что она такого натворила, что ее так долго держат, и не судят, и не отпускают. Странно. Хотя чего тут странного, то что Влада не отпускают – еще более странно…

От безделья и скуки занялся чтением книг. Прочитав уйму книг, решил сам написать сказку, давно хотел, да времени все не было, а здесь времени отмерено – не дай Бог никому. Пишите, не торопясь, никто в шею не гонит. Написал сказку, «Каска-невидимка» назвал. Затем решил попробовать изобразить из себя поэта. И вот что из этой затеи получилось:

Сколько в мире есть правд, сколько вздора!
Их тебе ли, Россия, не знать!
Вдоль Днестра с перерезанным горлом
Ночь ложится, чтобы не спать.
Здесь металл мягче сердца и взгляда,
Здесь вино бродит сорта «Война»,
Приднестровская наша Гренада,
Баррикадная наша страна.
«Алазань, БТР» – учат дети,
«Меседжер» учит врать и стрелять.
Правый берег Румынией бредит,
Левый учится насмерть стоять.
Нет у этого берега Прута –
Есть Печора, есть Дон, есть Ока.
В Волгодонске заплачет Анюта,
Не дождавшись с Днестра казака.
Мать-Россия, судьба твоя горька,
Что ни век – бродит ворог и тать.
Ты за век натерпелась уж столько,
Что совсем разучилась мечтать.
Сыновья рвут мосты и дороги,
Жилы рвут и сердца на свинец,
А над Кошницей плакали Боги
Золотыми слезами сердец.
Вдоль Днестра и туман и обманы,
Бьет крылом белый аист страны –
Черным хлебом Русь вылечит раны,
Красной чаркой Днестровской воды.

Дописав последнюю строчку, Влад довольный собой цокнул языком: «Пальчики оближешь! Надо будет Грише Спичаку показать…». Гриша Спичак – доброволец из Сыктывкара, писатель, и в стихах знает толк. Тут в голове у Влада что-то щелкнуло: «Мать моя – девочка! Так это же он эти стихи и написал! Надо же как в память врезались!»

«Чуть было у друга стихи не спер, – ругал себя Влад. Эх, а как хорошо написано! Ну ладно, ошибочка вышла, сейчас и я сварганю свои стихи, а Грише потом расскажу, как я его стихи чуть не прикарманил, посмеемся вместе. Вот только когда это будет!?» – загрустил Влад. Да, а стихи все же надо написать, коль надумал у поэтов хлеб отбирать.

И вот на бумагу легли первые строки:

Здание полиции я когда-то брал,

И получил в награду нары и подвал.
Для родной милиции постарался я.
Здесь теперь милиция стережет меня.
Клевета обняла меня своим черным крылом –
Нет желания быть в прошлом, но я в 37-м.
Враги меня топчут, давят шею и грудь –
Нет воздуха, света, даже нечем вздохнуть.
Ты зачем так, судьба, мне смеешься в лицо?
Слышу хохот и визг, слышу свист подлецов.
Я в бреду, я в кошмаре, слышу мины вой,
Хочется крикнуть: «Ребята, я здесь, я живой!»
Кто мне руку протянет, становись с нами в строй
Позабудь все обиды, ты же наш, борода, ты же свой!
Рвутся снаряды, пули свистят,
Слышу стоны и крики ребят.
Сколько их вывел и вынес из боя?
Сколько друзей потерял, но кто я?!
Оклеветан врагами, в сердце шум БТР
Да за что ж меня так, ПМР?..

Перечитав пару раз написанное, Влад остался почти доволен.

Вот только начало получилось как-то по-блатному.

– Бушуев, на выход! – в «кормушку» заглядывал дежурный по ИВС Виктор Стельмах. Это был серьёзный офицер, считай – фанат Приднестровской Молдавской Республики. Преступников он презирал, в том числе, наверное, и Влада. А тут… Может, показалось? Но нет, во взгляде Виктора была теплота и даже участье. Что это с ним – наверно день рождения у него?

– К вам пришли!

Отвел Виктор Влада на второй этаж в кабинет начальника РОВД и даже наручники не одел. В кабинете сидели руководитель города Ф. и начальник РОВД П.

– Ну как дела, Борода?!

– Мои дела у прокурора! У него и спрашивайте!

– Ну, ну не ершись! Надоело небось здесь сидеть? – не дождавшись ответа, Ф. продолжил, – Подожди еще недельку, от силы – две. И на прежнюю работу поедешь – в Тирасполь. А там посмотрим.

Влад молчал оглушенный таким поворотом своего дела, которое с таким рвением шили белыми нитками в прокуратуре.

– Пока все, иди! Жену пропускать к Бушуеву беспрепятственно! – сказал Ф., повернувшись к начальнику РОВД. Тот согласно кивнул головой. Ошеломленному таким известием

Владу хотелось не то, что стихи писать, но и песни петь, даже пуститься в присядку…

Кристина пришла через два дня, сильно похудевшая, но в ее глазах светилась надежда.

Подонок Журавлев постоянно звонил по ночам, жди, мол, скоро тебя прикончат вместе с мужем… Пришлось уехать на время к подруге Ире в Киев.

Рассказала она подруге историю Влада, и чем обернулось его рвение по защите родного края. Услышав про такую вопиющую несправедливость, Гена, муж Иры, куда-то исчез, вскоре пришел какой-то возбужденный и радостный: «Все, Кристинушка, скоро Влад будет свободен! Мои друзья из спецназа, четыре человека, готовы ехать в Дубоссары и освободить его».

– Ты поедешь и предупредишь его, чтобы он не вступал с ними в бой, и делал все, что они скажут, никто не пострадает… Все будет сделано лучшим образом, – добавил Гена.

– Спасибо Геннадию и ребятам, что согласились рискнуть ради меня. Позвонишь Ире и дашь отбой, меня скоро отпустят.

Влад рассказал про посещение Ф. Кристина сильно обрадовалась, повеселела. Стала рассказывать, какие мытарства ей пришлось пройти, по каким инстанциям она ходила, добиваясь чтобы Влада отпустили. В республиканском отделе разведки начальство подобрело, благодаря повышениям в званиях. Похоже, вспомнили и заслуги Влада Бушуева, пришлись те заслуги кстати – приписали себе, что это он под их командованием добывал такие ценные сведения. Написали характеристику в прокуратуру (Штирлиц отдыхает далеко в сторонке и нервно курит одну сигару за другой).

Ходила Кристина и в женсовет, там в одной из комнат перебирала какие-то вещи из гуманитарной помощи. Женщина приятной наружности, председатель женсовета:

– Влад Бушуев? Не знаю такого!

– Ну как же, он с Мишей Кравцом и с казаками добывал сведения о планах Молдовы, мост взрывал…

– Ах этот! Купите ему костюм, чтобы на суде прилично выглядел.

– Суда не будет! – сказала Кристина и повернулась, чтобы уйти.

– Будет!

– Нет, не будет! Никогда! Слышите – никогда!

Прошло ещё две недели… Пожалуй, самых длительных и утомительных.

Дверь камеры открылась как-то внезапно, Виктор Стельмах сказал, обращаясь к Владу:

– Бушуев, на выход с вещами! Вы свободны!

Послесловие

Уже на другой день Влад, он же автор, как вы, конечно, понимаете, Ефремов Владимир Николаевич (имя Влад взял из скромности, чтобы не якать) поехал в Тирасполь, и встретило его начальство чуть ли не как космонавта… Тут же восстановили в прежней должности, и прослужил он в системе ГБ ПМР пять лет…

А куда подевалась банда Богатырева? Спросите, конечно, вы. Как бесславно закончил свою жизнь сей оборотень, написано выше. Ну а другие? Иных уж нет, а те далече… Господин Журавлев уехал к себе куда-то в Республику Марий Эл. (Во нюх! Аж оттуда учуял, где можно навариться, заодно и подвести под расстрел кого-нибудь), и увёз с собой ковры и прочий хлам, которыми был заполнен его кабинет.

– Конфискаты! – говорил он тем, кто интересовался происхождением этого хлама. А таскали ему этот «хлам» те самые оборотни, надеясь на его «крышу».

Две контузии без лечения и моральное глумление сроком в восемь с лишним месяцев для здоровья автора не прошли бесследно. Врачи установили, что продолжить службу Владимир уже не сможет, и отправили на пенсию по инвалидности. Время неумолимо.

Притупились душевные раны, нанесенные прокуратурой уже после войны 1992 года. К физическим недугам попривык, вот только сильно бессонница мучает. Проснешься среди ночи и уже не заснуть. Время неспокойное, неужто повторится то, что было в 92-м году? Не-е, не должно повториться! Россия не позволит им, да и миротворцы тут… Ну а если все же полезут, пожалуй, и я пойду защищаться, хоть и семьдесят лет уже, да и ноги слабы… Бабка моя ругаться будет, но как без меня! Молодежь неопытная, бесшабашная какая-то…

Беспокойно ворочается с боку на бок уже прадед Вова, и уже сквозь дрему до его слуха, как откуда-то сквозь стены, доносится жалобно и протяжно:

– Огая-я-я-я-а-а… Огая-я-я-а-а…

P.S. Много времени прошло с тех пор… Нет-нет, да и нахлынут воспоминания того, что произошло с автором в то время, о событиях которого написано выше. Долго не мог решиться написать, ведь это ещё раз практически пережить произошедший ужас неоднократной встречи лицом к лицу со смертью…И всё же переборол себя и решился. Решился и потому, что люди времен тех событий и подросшее поколение должны знать и помнить, как легко врагам очернить, облить грязью

человека, и мы уже, не разобравшись, тащим его ни в чем неповинного к стенке. А на самом деле человек заслуживает высокую награду… Обращается автор и к тем, кто хорошо помнит те страшные события и были их непосредственными участниками: будьте бдительны! То, что написано выше, всего лишь частица того, что было…

Многое и многое осталось, как сейчас говорят, за кадром. И не только плохое. Мы все реже вспоминаем сынов России, приехавших к нам в трудную для Приднестровья годину, многие из них сложили головы… Мало знаем о подвигах, оставшихся в тени героев, которые живут рядом с нами и скромно носят на груди одну-две юбилейные медали… Много и незаслуженно превозносим тех, делишки которых остались «за кадром», награждаем боевыми орденами, и они уже сами поверили в свою «непотопляемость». Напрасно! Живы свидетели их грязных дел…

Без последствий остались враждебные действия некой жительницы города Дубоссары. Тогда в 1991 году сотрудницы районной газеты «Знамя Победы» госпожи В.

Эта газета жителями района была прозвана «Знамя беды», за пристрастие лить грязь на только что родившуюся Приднестровскую Республику.

25 сентября 1991 года граждане города, возмущенные провокационными действиями полиции, которая защищала только интересы фронтистов, ярых сторонников объединения Молдовы с Румынией, проводила повальные аресты депутатов и других активных борцов за становление Приднестровской Республики. Вывозила их в кишиневские тюрьмы. Подвергаясь физическим воздействиям, т. е. побоям и моральному унижению, люди возвращались оттуда практически инвалидами.

Тысячи людей окружили здание полиции и потребовали вывода «осиного гнезда» за пределы Приднестровья. Среди фронтистов, защитников РОПа самой активной оказалась мадам В. В открытом окне второго этажа были установлены колонки, громогласно изрыгавшие музыку, заглушавшую законные требования граждан. Между колонками дико скакала мадам В., показывая народу то заднюю часть тела, то переднюю. Если кто не верит, посмотрите хронику…

Уж не у нее ли майданутые переняли моду скакать? Не исключено. Во время агрессии карателей на Приднестровье эта «патриотка» организовала подпольную газетенку с громким названием «Пэтриот», в которой восторгалась «подвигами» карателей. Особенно эту так называемую «валькирию» радовал подбитый танк и гибель экипажа защитников. Автору довелось читать это, и газетенка сохранилась…

Отгремели бои, каратели отброшены за Днестр, «наша героиня» наскакавшись, навредив Приднестровью сколько хватило умишка и силенок, как в поучительной басне незабвенного Ивана Андреевича Крылова, «…к муравьям ползет она». Нашлись добренькие «муравьи», накормили, «обогрели» и на работу пристроили в центральную газету Приднестровья. Так сказать, повышение в должности получилось. За чей счет доброта «муравьев», уж не за счет крови погибших защитников Приднестровья? За счет оставшихся сиротами детей, за счет рано постаревших вдов? Поседевших от горя родителей?! Ну а что «наша» попрыгунья-стрекоза? Раскаялась, осознала? Как бы не так!.. А что, могут и наградить! Надо поинтересоваться, посмотреть списки награжденных, может добрые «муравьи» постарались, все может быть… Приднестровцы, будьте бдительны! То, что написано выше, только вершина Айсберга!

Памяти моего друга и соратника Пламенного Патриота Приднестровья Ивана Петровича КИЛЬЧИКА

С вдовой Кильчик Евгенией Ивановной согласовано

Сусанин

И. Кильчик

Всех в лес обещал повести их Сусанин…
Сусанин Иван в стольный град попадает
Подходит к Кремлю, а его не пускают…
В лаптях и лохмотьях весь – к Богу взывает,
Крутым объясняет: «Я ж, братцы, Сусанин!»
Откуда им знать про Ивана Сусанина? –
Они своего только знают «хозяина»,
В бюро пропусков мужика отправляют,
И пропуск с орлом он в бюро получает,
Заходит в приемную – там восседает
С румянцем на щечках солидная дама:
«К царю позарез мене Любонька нада,
Увидеть хочу яво «Царскую харю я».
На просьбу его ноль внимания дама.
Он криком орет: «Аль не слышишь Сусанина?
Сусанин Иван я! К царю мине нада!»
Свой взор отрывает она от журнала –
В лохмотьях стоит перед нею Сусанин,
И в пропуске значится также – «Сусанин.»
– Нет Ельцина. Вылетел он в Нидерланды…
Немцов, Мырдочерный на месте с Чубайсом…
– Не страшно… Его подождать я могу…
Всех вместе в один я отряд соберу,
И царь чтобы с ними, и в лес поведу.

Тирасполь

И. Кильчик

Да, в мире есть много хороших городов,

Красивых, шумных и гостеприимных,
Но лучше города, в котором мы живем,
Навряд ли можно встретить в целом мире.
Тирасполь старый, в то же время – молодой,
Дома его растут до облаков и даже выше,
На площади Суворов на своём коне верхом,
И Ленин – без коня, но полководца выше.
И Тирас – Днестр уже два века
Быстриной вод ласкает стольный город мой,
Целуя берега, передает он всем привет
От городов, что омывает он волной…
Прекрасен Днестр в любое время года,
И в дождь, и в снег, и в ясный день…
Быть может он и делает погоду,
А не политики с мозгами набекрень…

1993 г.

Слава казакам!

И. Кильчик

Свет Знамён казацких не погас!
Сквозь пожары, муки адские, разрухи
Унесло и дошло до нас
Всё, что от рождения в казацком духе…
И неважно – Приднестровский ли Донской,
Запорожский ли, Кубанский иль Уральский –
Мчит он на коне лихом стрелой,
Если вдруг беда в семье случится братской…
Так и к нам съезжались казаки
В дни, когда молдовские нацисты,
Обнажив свои звериные клыки,
Ринулись на Приднестровские границы.
И как прежде, казаки врагам
В битве за свободу мирных граждан
Дали крепко по тупым рогам
Так, что до сих пор дышат они на ладан…
Слава всем! – И мёртвым и живым!
Слава, казаки, за вашу храбрость и за нашу Веру!
В памяти народной подвиг ваш храним мы вечно,
Как Христа Иисуса заповеди миру.

Приднестровье в огне

И. Кильчик

На скорости огромной танки мчались.
Никто понять естественно не мог,
Что делается. И с семнадцати часов
Июня девятнадцатого дня
В Бендерах началась война.
Пылали школы, фабрики дома,
Пожар охватывал строения и крыши,
Как молнии сверкали провода,
И клубы дыма с каждым часом выше…
Всех убивали, кто из дома выходил –
Ни стариков, ни женщин не щадили!
К расстрелянным если кто и подходил,
В него из снайперской без промаха стреляли.
От пекла трупы разлагаться стали,
Бои на улицах не прекращались до утра.
Нацисты и в «Красный крест» палили…
Убитых в «Фуры» подбирали по ночам,
Однако опознать их было невозможно…
Фашист порой так не поступал, как волонтер Молдовы –
Глаза выкалывали и сдирали кожу
У пленных отрезали уши пальцы нос…
Порою, оставляя их без рук и ног,
А некоторых даже без голов…
Не мог ослушаться солдат-палач
Приказа дураков –
Двух Мирчей – Снегура и Друка, что явно без мозгов.
Сегодня отмечаем годовщину –
Прошло уж двадцать лет – пройдет и сто –
Мы не забудем адскую машину,
Засланную в Приднестровье убивать народ…

Фашизм девяностых

И. Кильчик

Еще не позабыт оскал врага
И кованый сапог фашиста,
И раны беспокоят на ногах
У ветеранов, воевавших с «фрицем».

И вот в наш дом опять пришла беда:
Свист пуль, пожар, разрыв снарядов,
Бои в расцветших розами дворах,
И плач ребенка над поруганною мамой.
Фашистом стал и бывший друг, и кровный брат,
Вооруженный волонтер и полицай –
Грабитель и насильник – Снегура солдат,
Принесший тысячи смертей и горе матерям…
Народ им такого не простит, и Бог накажет
Всех, кто приказы убивать и грабить отдавал,
И будут прокляты румыны – Косташ, Друк и всякий,
Кто в бой зверье на Приднестровье отправлял.

Русская речь

И. Кильчик

Давно позабыл я слова,
Что в детстве мой слух ублажали:
Колодец, амбар, череда, коса, сенокос, чехарда,
Калитка, журавль и скрижали…
Сегодня я слышу и сам говорю
Слова тяжеленные, сложные,
Их смысл не понять и по словарю –
Они в большинстве иностранные…
Мы скоро забудем всю русскую речь –
Она нашей жизни опора!
Пора бы подумать о том, как сберечь
Живое народное русское слово!

Фемида

И. Кильчик

Фемида как советская, так и российская
Стоит с весами неисправными и ржавыми в руках.
Ее глаза такой тугой затянуты повязкою,
Что вряд ли, кто сумеет ее развязать…
Один лишь меч ее заточен остро, как кинжал кавказский,
Который то и дело выпадает из слабых рук
На головы невинных и несчастных.

Надежда

И. Кильчик

Осколком отброшенным мы оказались –
Нас Родина-мать позабыла совсем,
Забыла как с ворогом вместе сражались,
Фашизм прогоняя с родимых земель.
Проклятье мы шлем за развал государства
Шушкевичу, Ельцину и Кравчуку!
Как хочется снова всем вместе собраться,
Чтоб выжечь всю мафию и нищету!

Серп и молот

И. Кильчик

Нам остались в наследство от Родины
Ржавый серп и надломленный молот.
Нами бездари правят уродины,
Мы ж безмолвны, как сломанный робот.
Но придут времена – серп очистят от ржавчины,
И стучать будет молот в набат!
Сатанинскую власть мы низвергнем,
И от рабства избавим Славян навсегда!
Будут править Страной не антихристы,
А славянами избранный СВОЙ!
И ни НАТО, ни разные нехристи
Не посмеют идти к нам войной!

Не понравилась графу Советская власть

И. Кильчик

Шел 1933-й голодный год. По всей России творилось что-то ужасное, беженцы с котомками на плечах, казалось, заполонили все железнодорожные вокзалы.

В поисках лучшей жизни они путешествовали в товарняках, забитых людьми как бочки с селёдкой. самые ловкие и смелые устраивались на крышах вагонов. К нам в станицу Новая Щербиновка вместе с голодающими прибыло немало всякого жулья. Среди незваных гостей оказались три склепограбителя. Но

орудовали они недолго. Из троих только один чудом остался в живых. Два его друга отдали Богу души на третий день после появления в станице. Как выяснилось позже, эта «троица» добывала из старинных фамильных склепов драгоценности. А эта история в их жизни была последней, – укладывая нас спать, рассказывала бабушка. Вообще наша бабушка знала много интересных историй, к тому же она была отличным рассказчиком.

– Грабители работали глухой ночью, – продолжала она уже шепотом, чтобы мама, находящаяся в соседней комнате, не услышала ее страшные истории. – И вот добрались они до склепа нашего бывшего графа, прежнего хозяина поместья. Умер он перед самым началом германской войны, в 1913 году. Хоронили его с почестями.

Попрощаться с покойником приехали высокопоставленные лица из губернии и были даже представители из Петрограда. Знатных людей в те времена хоронили в семейных склепах.

– Так вот, – поглаживая мне спину, поведала она эту историю дальше. – Эти ночные «кладоискатели», выбрав новую жертву, забрались в заросший бурьяном склеп. Один из них стоял на страже, а двое, при свете керосинового фонаря проникли в склеп.

Вскрыли крышку гроба, поднесли фонарь ближе к лицу покойника, а он, возьми и чихни. Ну ясное дело, «герои» от страха наложили в штаны и тут же упали замертво.

Третий, стоявший у входа в склеп на стреме, при виде этой жуткой картины вихрем сорвался драпать, куда глаза глядят.

А граф тем временем медленно поднялся и в кромешной тьме побрел к выходу. При тусклом лунном освещении направился к выходу с территории кладбища, пытаясь вспомнить, каким образом он оказался здесь.

Кладбище было рядом с его имением, и он направился к дому. А какое в тридцатые годы могло быть имение? Все они по всей стране были переоборудованы в правления колхозов или сельсоветы. Ну а графу-то откуда могло быть известно, если он умер до Октябрьской революции. Заходит он в свой двор. Подходит к парадному входу, дергает за ручку. А дверь не открывается.

Сторож, охранявший помещение, проснулся и, подойдя к двери, спрашивает: «Кого еще там в такое время привело?» В ответ услышал слабый голос: «Как ты, холуй, с барином своим разговариваешь? Открой немедля, тварь пьяная, а то велю утром выпороть до смерти!»

– Кто ты такой? И что тебе в конторе надобно? Вот возьму ружжо и покажу тебе «пьяную тварь» и барина тоже!

– «Опять ты Степан набрался до чертиков! Отворяй, не то

уволю после порки!»

– Крест, крест! О, господи! И в самом деле я опять, видно, перебрал…

Уже с покойниками стал разговаривать… Нет не может быть такого… Это кум Трошка решил пошутить. Однако голос… вроде покойного графа. Ну и артист! – подумал Степан и открыл дверь. И, о ужас! Перед его взором и в самом деле предстал в черном костюме его бывший хозяин. Он не успел даже перекреститься, как из его рук было выхвачено ружье. Барин вышвырнул Степана, как собаку за порог, захлопнул за собой дверь и направился в свою спальню. Однако попасть туда не удалось. Дверь была закрыта на ключ. В детской тоже висел почему-то амбарный замок. Барин метался в бешенстве, насколько позволяла сила в ногах, от одной двери к другой, но ни одна не поддавалась.

В конце концов он, потеряв силы, вспомнил про Степана. А Степан лежал у порога без чувств. Барин позвал его на помощь. Тот в испуге и большой растерянности привстал, протер протрезвевшие глаза и несмело поднялся по ступенькам к парадному входу. Вдруг он вспомнил, что у него за диваном спрятана недопитая бутылка «белой головки».

Он, крестясь, бочком прошел мимо «покойничка» к своему тайнику, открыл бутылку и залпом выпил все содержимое, не забыв еще раз перекреститься. Приведение, как ему думалось, не исчезало. Граф загробным голосом спросил: «Кто в моей спальне? Почему она заперта? Открой мне. Я устал и хочу спать…» И медленным шагом направился к кожаному дивану, на котором обычно спал Степан. Тело его медленно опустилось на краешек и он, прислонив голову на его спинку, уснул. К этому времени подошла и баба Даша – уборщица председательская. И когда Степан послал ее к председателю рассказать о ночном приключении, сделала это без промедления. Степан ждал председателя у подъезда не то с перепитым, не то с перепуганным выражением лица.

– Ну рассказывай, что тебе опять на пьяную голову померещилось, Степан Иванович? Говори, что случилось?

– Это я с перепугу, Иван Иванович. Представьте себе, среди ночи будит вас покойник, да еще и угрожает, что велит выпороть, а потом с работы выгнать…

– Интересно… Сколько раз мы с тобой вели разговор на эту тему?

– Да нет же, Иван Иванович… Посмотрите сами – вот он наш бывший граф – Афанасий Гордеич. Одним только взглядом показал он на диван, на котором лежал худощавый, длинный незнакомец, одетый в дорогой черный костюм. Такой носили

только «большие» люди. Председатель попросил бабу Дашу разбудить гостя. Она, подойдя к нему и коснувшись спящего, несмело обратилась: «Товарищ, просыпайтесь, уже пора». Незваный гость медленно повернулся в ее сторону. Баба Даша, побледнев, трижды перекрестилась, пятясь спиной назад поближе к председателю и к Семке-милиционеру, которого председатель вызвал, когда выходил из дома.

– Батюшки! Боже мой! Так это наш граф Афанасий Гордеич… О, Господи! Что это я мелю? Он же помер давно…

– Что здесь происходит? Почему в моем доме посторонние люди? Кто вас сюда пустил? Выйдите все… Я чувствую себя устало… Мне необходим покой и отдых. Тимоша, позови-ка полицмейстера и выдворите всех посторонних!

У бабы Даши ноги стали ватными, она едва стояла на ногах. Глядя на графа широко открытыми глазами, она никак не могла понять, что происходит.

– Вы шо мини спэктакль встраиваитэ! – гаркнул на гостя милиционер, – прэдъявить мини докумэнты, – уставившись на графа бараньими глазами, потребовал он по уставу.

– Я хозяин этого дома и, вам, сударь, я не позволю повышать на меня голос. Я вызову городового и вам тогда несдобровать! Умоляю тебя, Евдокия, скажи ему, чтоб он и все посторонние без промедления покинули мой дом.

– Я… Я не Евдокия, – не своим голосом ответила ему Дарья. – Меня Дашей зовут. Это маму звали Евдокией. Она через два года после вас умерла.

– Евдокия! Я не потерплю шуток! О какой смерти ты говоришь?

– Мы вас, Афанасий Гордеич, похоронили в вашем фамильном склепе еще в тринадцатом году, до Советской власти.

– Какая еще Советская власть? О чем это ты?

– Ну до Октябрьской революции. Нынче у нас другой строй – социалистический. Новая Власть. И царя нет… Нет ни хозяев, ни рабов. А усадьба ваша теперь колхозная. Вот Иван Иванович – наш председатель. Иван Иванович, откройте, пожалуйста, ваш кабинет, – попросила баба Даша.

Граф Афанасий Гордеич Борецкий покорно зашагал за председателем в свою бывшую спальню. В его опочивальне стояли большой П-образный стол из красного дерева, диван, обшитый черной кожей, телефонный аппарат, на стене висела большая политическая карта СССР. Деревянные книжные шкафы были забиты конторскими папками и разными книгами и журналами по сельскому хозяйству.

– Как это понимать? – присев на краешек дивана, тяжело

дыша, задал как бы самому себе вопрос Афанасий Гордеич, – вчера еще все стояло на местах.

– А где мои жена и дети?

– Жена ваша Софья Николаевна скончалась уже при Советской власти, бедняжка… Дети ездили в Верхоянск хоронить ее, и дочка ваша на похоронах захворала, а через месяц умерла. Сын ваш Саша, Александр, погиб на войне, – выпалила она одним выдохом непонятно как и откуда вдруг появившемуся с того света графу.

Взявшись обеими руками за голову, граф тяжко застонал, переваривая в голове то, что услышал из уст Даши. Он, не переставая, повторял одно и то же: «О, господи милостивый! Что же это со мной происходит?»

Тело графа ослабевало, силы покидали его, и он, так и не успев сесть поудобней на диван, погрузился в глубокий сон.

– Каким же образом через столько лет он появился в своем доме? – вслух рассуждал председатель, глядя в удивленные глаза участкового милиционера. Тот недоуменно пожимал плечами.

Ответ на сей вопрос он получил немного позже, когда по станице разошелся слух о ночных похождениях и трагической смерти грабителей.

– А что с графом стало? – спросил я у бабушки.

– Про графа рассказывали, будто он помешался после всего увиденного и услышанного. К нему несколько раз ездили в сумасшедший дом, куда его поместили, но он ни с кем не желал разговаривать, все время повторяя одну и ту же фразу: «О, Господи! Подскажи как мне жить дальше? Лучше бы я не просыпался… Лучше бы было моим глазам не видеть всего этого…»

– Видно, не понравилась, – сделала вывод бабушка, – графу наша Советская власть…

1993 г.

Дед Кирюха

И. Кильчик

Деду Кирюхе уже за семьдесят пять. Руки унего золотые. Все он может: и бондарничать, и печь выложить лучше любого мастера, а из лозы такую мебель плетет, что ни одна фирма с ним не сравнится. Одним словом, за что ни возьмется, все у него ладно получается. Вот только у деда имеется один недостаток – любит пропустить лишнюю рюмочку. И что только ни

придумывала баба Груня – жена его. То в тайник прятала спиртное, то ключи от погреба «теряла», и даже запирала деда в чулане. Но дед Кирюха все равно ухитрялся «промочить» горло. Видать, годы службы в разведке для него не прошли даром.

О том, что жена припасла бутылек с самогоном к приезду внука, дед знал, но где, в каком месте спрятала, не узрел. Решил обшарить весь погреб, но он был заперт.

Чтобы не оставить следов и не сломать дверную коробку, он подложил под монтировку деревянный брусок, а под него резиновую прокладку. Операция была проведена четко и аккуратно. Спрятанный бутылек был обнаружен на нюх. На его место он поставил такой же, только с водопроводной водой. Дед был хитер, но ведь баба Груня была женой разведчика! Лестницу, ведущую в погреб, она предварительно посыпала мукой. Когда утром открыла дверь погреба, то обнаружила на ступенях следы.

– Ну-ка, старый хрыч, сымай тапки, покажь подошвы! – скомандовала она своему Кирюхе, который явно навеселе, сидел в кресле перед телевизором и дымил своей неизменной трубкой.

– Бог с тобой, баба! Ты что, старая, спятила!? Чего это с утра раскудахталась?

– Вот я те сейчас покажу, кто спятил! Сымай, говорю, обувку! – и наклонившись, стянула с ноги деда шлепанец. – Что енто? – тыкая тапочком ему в лицо, спросила она. – Не знаешь? Это мука, товарищ бывалый разведчик, – отчитывала она деда, довольная своей сообразительностью и победой над ним, – ходим во двор! Покажешь, старый партизан, каким образом в погреб забрался, вставай, вставай! Э-э-эхх! – вздохнул дед Кирюха. Ну и молодец же ты у меня, Грушенька! Тебя бы в разведку, – лукаво улыбаясь, сказал дед, – идем, идем…

В погребе всё оказалось на месте. Дед торжествовал. Баба неделю недоумевала. Пришлось старому при жене заделать скобу так, что ее никто и никаким ломиком теперь уже взломать не сможет.

Однако на этом история не закончилась. Баба Груня как-то попросила трех ребят почистить заилившийся бассейн, служивший в доме водозабором. Когда работа была сделана, она приготовила стол с магарычом. Открыла заветный бутылек, налила парням по стопочке. Те залпом выпили и… переглянулись между собой. Ничего не говоря принялись за еду. Хозяйка налила по второй.

– Баба Груня, выпейте с нами, – предложил один из них.

– Ни, ни, хлопци! Енто для вас. Вы заработали, вы и пейте.

– А давайте выпьем за то, чтоб в вашем бассейне вода была такой же прозрачной, как этот напиток.

– Ну за енто с удовольствием, – согласилась хозяйка и налила себе чуток в чашечку. После первого глотка она отстранила чашку от губ, поднесла к носу и, принюхавшись, изминилась в лице. – Енто черт старый… Ни дна ему, ни покрышки… И до бутылядобрался, чтоб яму пусто було! Ну я яму покажу, иде раки зимують! – чертыхалась старуха, а ребята давились со смеху. Они о дедовских проделках и раньше были наслышаны.

– Вы, хлопчики, звыняйтэ, – утихомирившись, просила старуха, – я счас вина принесу. Пару бутылок я все же смогла сховать от свого Кирюхи-выпивухи. И она, не переставая извиняться перед ребятами, поспешила в дом.

– За здоровье вашего деда! – предложил один из парней тост. Но баба Груня возразила, перебивая его.

– Нет, нет, баба Груня, давайте все же выпьем за деда Кирюху. Ведь если бы не он, разве мы имели б такую возможность в наши дни вкушать вот такое вино, – и он, приблизив бутылку к глазам, прочитал на этикетке «Негру де Пуркарь», год выпуска 1980-й. – Так что пьем за деда и за вас. Будьте здоровы! А деду спасибо…

– Спасыби Вам, хлопчики. Спасыби за то, шо Вы нэ обижаетэсь на бабу, а Кирюха… шоб вин, як кажуть в Одессе, був здоров!..

Воскресным днем

И. Кильчик

Воскресным днем на огород
Соседский забрели бродяги.
Взломали дверь, вломились в дом
И все, что было там, украли.
Картошку выкопали всю,
С деревьев вишню обобрали,
Хозяйничали будто все
Им только и принадлежало.
В спортивном, говорят, хозяина костюме
«Работал» он, она в ободранном халате
Хозяйки тети Груни,
Чтоб ненароком не запачкать платье.
Картошку унесли и вишню,
Добро, хоть вещи с себя сняли,
Но что поделать? Так уж вышло
Все видит БОГ – и он накажет.
А наказал их не Господь,
Они себя же наказали

В карманчике халата позабыли кошелек,
Два золотых кольца и окуляры в золотой оправе.
Довольны тетя Груня и супруг ее Кондрат.
Когда еще такой счастливый случай подвернется?
Ждут, не дождутся той поры, когда созреет виноград.
Глядишь, опять какое ценное изделие оставят…

Глинтвейн

И. Кильчик

Глинтвейна Вася, выпив лишних двести граммов,
Забрел в заброшенный подвал.
До этого момента все он помнил. Надо ж?
А дальше, будто память кто «слизал».
Проснулся как обычно, утром рано,
Не помня, как сюда попал.
Стряхнув с костюма пыль, он вяло
Вверх по ступеням зашагал.
Домой явиться сразу побоялся –
Что скажут теща и жена…
Бродил по городу, затем к дружку подался,
А друг с трудом его узнал.
– Ты где так долго пропадал?
Тебя давно друзья похоронили…
Ты что несешь? Кончай болтать…
Ночь дома не поспал – уже похоронить успели…
Как ночь? Ты шутишь, мой дружок?
С тех пор как ты пропал, прошло…
Когда же это было? Стоп!
Генсеком точно был еще Хрущев.
– Так, шутки прочь. Вчера набрался –
Глинтвейна выпил лишний я стакан,
И сам не помню, как забрался
В заброшенный на берегу подвал.
Проснулся и к тебе пришел. Боюсь жена…
– Жена? Жену твою пять лет назад похоронили,
И теща через пару лет за нею умерла.
Дочь замуж выдали за парня славного – убили,
Вернее, забрала его проклятая война…
Война? Какая? С кем еще мы воевали?
– Тебя я не пойму… Ты что с Луны упал?
С кем мы только в эти годы не воевали!..

– С луны… Война… я что, и в самом деле, спал?
– Вполне возможно. Ты и выглядишь моложе,
– Да и костюм… Такие уж давно не в моде.
Выходит, сон мой, длился долго…
Так сколько ж лет прошло?
– Считай…Уж скоро будет тридцать пять…
Мы ж в выходные с детками ходили в парк гулять,
А в понедельник, вспомни, навестили Фёдора больного…
Ну, друг мой, коли так, подай мне портомоне. Зачем?
– Там есть какие-нибудь деньги?
– Конечно, я проверил – сорок пять рублей
И вроде, тридцать две копейки,
– Да… Нет сомнения… Так оно и есть
Теперь все ясно – ты проспал все эти годы…
Суворов на коне – уже не Ленин,
Тут правда, хитрость есть с нулем,
Сто тысяч – означает… Едем!
– Куда?
– Потом скажу, когда приедем…
Опаздывать нельзя. К нам Ельцын едет.
– А Ельцын кто? Что за звезда?
– Ах да, тебе откуда знать…
Он – Президент Российский…
Со Снегуром два дня подряд
Вопрос решали Приднестровский…
Кто Снегур? Это – Президент Молдовы –
Он Приднестровскому народу объявлял войну.
И штурмом взять пытался Дубоссары и Бендеры,
Смирнов наш Президент – их должен встретить.
Сегодня нас должны признать официально,
Вот почему я тороплю тебя, мой друг, на встречу…
Вперед! Когда вернемся, расскажу
Тебе, Васек, все досконально.

Победитель

И. Кильчик

Он сделал все. Он тих и скромен,
Он мир от черной смерти спас.
И мир прекрасен и огромен

Его приветствует сейчас.

Михаил Дудин.

Поэт был прав. Его ценили
И памятники воздвигали в его честь.
Советского солдата во всем мире
Благословляли, ставили в пример.
Сегодня он, скажите, кто? –
Завоеватель, оккупант, грабитель…
Его не почитает уж никто…
Забыт солдат наш – «ПОБЕДИТЕЛЬ».
Но что поделать? Забыли, да и ладно,
Не стоит обижаться на скотов…
Обиднее всего, что старого солдата
Правительства освобожденных стран обходят стороной.
Он сделал все. Он, как и прежде, тих и скромен.